

Российская Академия Наук
Институт философии

М.А. АБРАМОВ

ДВА АДАМА

Классики политической мысли

Москва
2008

УДК 14
ББК 87.3
А 16

Ответственный редактор
кандидат полит. наук И.И. Мюрберг

Рецензенты
доктор филос. наук *В.В. Васильев*
доктор филос. наук *В.А. Жучков*

А 16   **Абрамов, М.А.** Два Адама: Классики политической мысли [Текст] /М.А. Абрамов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2008. – 195 с. ; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 185–194. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0101-3.

Шотландия – небольшая страна на севере Великобритании – заключила в начале XVIII в. Унию с Англией, в исторически короткий срок преодолела социально-экономическую отсталость и выдвинула целую плеяду замечательных философов, историков, правоведов. Среди младшего поколения деятелей шотландского Просвещения ведущее место принадлежит Адаму Смиту (1723–1790) и Адаму Фергюсону (1723–1816). Их творчеству и идейным связям и посвящено предлагаемое исследование.

ISBN 978-5-9540-0101-3

© Абрамов М.А., 2008
© ИФ РАН, 2008

От редактора

Предлагаемая книга представляет собой посмертное издание заключительной части более обширного исследования на тему Шотландской школы просвещения, проводимого в течение многих лет сотрудником сектора истории политической философии Михаилом Александровичем Абрамовым (1933–2006). Как и предполагалось изначально, работой «Два Адама. Классики политической мысли» ставится точка в галерее интеллектуальных портретов блестящих мыслителей, шотландцев по происхождению, чьи имена вошли в сокровищницу европейской философской мысли (Д.Юм, Т.Рид, Ф.Хатчесон, А.Смит, Ф.Фергюсон, Д.Стюарт). В ранее изданной части исследования в центре внимания автора находились фигуры Ф.Хатчесона и Д.Юма, творчество которых представляет непосредственный интерес для истории политической философии¹. И вот перед нами заключительная часть труда М.А.Абрамова.

«Два Адама» это, во-первых, знакомый каждому современному школьнику Адам Смит, а во-вторых – предтеча современной социологии Адам Фергюсон, имя которого также весьма почитаемо (правда, только среди специалистов). В настоящей работе оба классика выступают прежде всего как представители политической мысли. В этом качестве их имена мало что способны сказать отечественному читателю. Между тем в евро-американской традиции, весьма умудренной в области политической теории, все вышеупомянутые

---

¹ См.: *Абрамов М.А.* Шотландская философия века Просвещения. М., 2000.

деятели прочно ассоциируются с прославившим Шотландскую школу политико-философским направлением, известным как «контр-просвещение».

Вторая часть настоящего издания содержит впервые осуществленный перевод работы, озаглавленной «Рассказ о жизни и творчестве Адама Смита». Работа представляет интерес не только как рассказ очевидца и не только как памятник историко-философской мысли XIX в.; ее присутствие в данной публикации объясняется прежде всего тем, что принадлежит она перу Дугальта Стюарта, одного из главных представителей младшего поколения «шотландцев». Издание этой работы (с минимальными сокращениями) в качестве Приложения к труду М.А.Абрамова об Адаме Смите является воплощением замысла самого автора. Михаил Александрович считал необходимым познакомить читателя также и со следующим поколением представленной школы мысли, но, к несчастью, не успел посвятить этому поколению отдельное исследование.

* * *

Данное краткое введение будет неполным, если в нем не найдется места нескольким словам о личности недавно ушедшего от нас автора исследования. Друзья и коллеги Михаила Александровича не раз отмечали поразительную духовную близость автора к персонажам названных трудов, его удивительно личностное отношение к ним. Утверждают даже, что сам выбор им Шотландской школы в качестве объекта увлеченного многолетнего изучения свидетельствовал о пристрастии автора к выдвинутому школой учению о моральном чувстве — особом

свойстве человеческой природы, проявляющемся в таких чертах, как благожелательность, дружелюбие, терпимость, отзывчивость, способность к сочувствию.

Правоту подобных предположений доказать так же трудно, как и опровергнуть. Несомненно другое: самому Михаилу Александровичу все эти качества души были присущи в наивысшей степени. Это придавало особое обаяние его отношениям с окружающими, притягивало к нему даже самых неконтактных людей. Утомительную официальную процедуру он мог каким-то чудесным образом превратить из сухой формальности в очень человеческое и комфортное общение, обладая даром расположить к себе людей в любой ситуации. Человек в сущности скептический и чуждый самоуспокоенности, он умел не превращать эти свои черты в несчастье для ближних, привнося в любую компанию очарование такта, мягкого юмора и неподдельного интереса к окружающим.

Разумеется, такой человек не мог принадлежать к разряду холодных аналитиков, ценящих в исследуемом «материале» только движение идей. Изучая теорию, он желал вести диалог не с чистыми академическими выкладками, а со стоящими за ними живыми людьми. Докопаться до них сквозь века, суметь «видеть их и осязать» — вот какая цель служила действенным импульсом к его многолетним скрупулезным поискам. Результат — оставшиеся нам в наследство работы Михаила Александровича. Мы рады, что можем представить их на суд читателей — нынешних и будущих.

От лица сотрудников сектора истории политической философии

Ирина Мюрберг

ВСТУПЛЕНИЕ

Вторая половина XVIII века в Шотландии — это пора состоявшегося экономического и культурного чуда, реализации реформ, начатых после заключения парламентской Унии 1707 г. Страна (особенно равнинная Шотландия) меняла свое лицо. Процветала текстильная промышленность, прокладывались новые дороги, каналы, первый металлический завод в Европе заработал в 1758 г., и именно в Шотландии начался промышленный переворот — паровая революция, двигателем которой была машина Джеймса Уатта, спроектированная в сарае, предоставленном ему для опытов Адамом Смитом. Посетивший в 1773 г. Шотландию известный лексикограф и законодатель литературного вкуса д-р Джонсон оставил живое описание социальных и экономических изменений, которые имели место в Шотландии. Конкурентные ренты вытесняли обычные, арендаторы сопротивлялись попыткам землевладельцев получать больший доход простым увеличением ренты. Новые арендаторы были исполнены коммерческого духа и не испытывали никакого феодального почтения к своим лендлордам. В то же время среди последних появляются прогрессивные аграрии. Известный юрист, философ и аграрий Лорд Кеймс на склоне лет издал книгу «Джентльмен — фермер» (1776). Распадались кланы, горцы мигрировали в равнинную часть Шотландии или уезжали в Америку, в вождях кланов уже не видели «отцов». На месте романтического феодализма появляется порядок, трезвость, честность и безопасность. Путешественники отмечают удивительный факт — отсутствие нищих, хотя народ в целом

жил крайне бедно. Благотворные изменения морального и социального климата исследователи приписывают как эффективной постановке начального и высшего образования, так и отмене в 1709 г. пыток, упразднению наследственного законодательства в 1746 г. Вместе с тем некоторых сторон экономической жизни изменения не коснулись. Как отмечает историк У.Лекки, углекопы и рабочие на соляных копях работали как крепостные почти три четверти Века Просвещения.

Что касается влияния клерикалов, то оно стало значительно ослабевать во второй половине столетия. К концу века юристы вытеснили из руководства университетов священников. Развитие философии и науки значительно снизило темперамент теологов и на континенте.

В первой трети XVIII века начал свою деятельность Ф.Хатчесон, автор противоречащей кальвинизму этической системы, в атмосфере гуманизма и человеколюбия которой, по выражению У.Лекки, «молчаливо увядали старые теологические концепции Бога...». При этом методист Уестли, имевший широкий успех в Англии, в Шотландии *провалился*. По мнению Вальтера Скотта, его стиль был «слишком разговорным» для шотландского вкуса».

Еще более впечатляющим чудом был скачкообразный культурный прогресс. Во второй половине века просвещения Шотландские университеты завоевывают в Европе репутацию наиболее прогрессивных по программам обучения и преподавательскому составу. Не случайно Е.Р.Дашкова, одна из создателей Московского университета, своего сына привезла учиться к А.Смиту и историку У.Робертсону в Эдинбург. Но самыми удивительными были успехи гуманитариев. Юм

с удивлением констатировал, что шотландцы, обладатели самого грубого диалекта английского языка, стали законодателями мод в литературе.

В первой части книги «Шотландская философия века Просвещения» основное внимание было уделено творчеству основателей шотландской философской традиции великих просветителей Ф.Хатчесона и Д.Юма. Оба разрабатывали теорию морального чувства, идеи которой были подхвачены их последователями А.Смитом и А.Фергюсоном и по-своему развиты ими. Политические взгляды Хатчесона и исторические и социальные идеи Юма также оказали известное влияние на его друзей – двух Адамов.

Исходным философским источником для шотландской традиции был Локк и его эмпиризм, полемическим оппонентом – Гоббс, у которого уже при жизни была репутация врага Бога и человечества. Но Хатчесон, защищая воспитанника Локка Э.Шефтсбери в полемике с Гоббсом и Мандевилем, существенно модифицирует эмпиризм Локка, вводя врожденные внутренние чувства-способности, которые независимо от рассудочной деятельности и опережая ее реагируют положительной или отрицательной эмоцией («моральным чувством») на добродетельные или порочные действия или на прекрасные или безобразные объекты. Это открытие ценностной сферы было подхвачено и развито Юмом, который избавляет систему моральной философии Хатчесона от деистических элементов и проводит полную секуляризацию науки о природе человека. Сразу можно предугадать основные направления последующего развития философского процесса в религиозной в целом Шотландии. Это непримиримая борьба со скептической феноменологией Юма и заод-

но с хатчесоновской теорией морального чувства. Главное: философские, политические и экономические проблемы, поставленные Хатчесоном и Юмом, вслед за Локком, Беркли, Вандерлинтом и др., послужили отправной точкой для последующего теоретического дискурса их современников и соотечественников Смита, Фергюсона, Хоума и Рида. Хронологически первой реакцией на учения *отцов-основателей* была статья, написанная еще в конце сороковых годов Томасом Ридом, где он опровергал математический метод исчисления добродетельности или порочности тех или иных поступков Ф.Хатчесона, изложенный им в 1-м издании Трактата «Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели».

Следующей по времени была публикация известного «судейского» Генри Хоума (Лорда Юстиции (1763) президента Философского общества (1769), дальнего родственника Д.Юма). В 1751 им был издан чуть было не вызвавший скандал *Опыт о принципах морали и естественной религии*. Церковники готовились предъявить автору обвинение в распространении богохульного мнения об иллюзорности свободы.

Наконец, в 1764 г. Томас Рид, профессор университета Глазго, принявший кафедру, которую занимал Адам Смит, издал книгу «Исследование человеческого духа на основе здравого смысла». Она и его последующая книга «Опыты об интеллектуальных способностях человеческого духа» (1785) и были шотландским ответом Юму, который можно сравнивать с прусским ответом Канта.

Два друга Юма, неслучайно упомянутые в его завещании, Два Адама — Смит и Фергюсон — могут быть в различной степени названы учениками великого

скептика, хотя сами скептиками не были. Вместе с названными критиками Юма они будут теми персонами, которым посвящается данное исследование. Разумеется, этими именами богатство философской мысли Шотландии не исчерпывается.

Впрочем, оригиналов в Шотландии хватало — чего стоит один судья Джеймс Бернет (1714—1799), назначенный в 1767 г. за успешное проведение громкого дела Дугласа Лордом Сессии, с титулом лорда Монбоддо. Он был известен как чудак и философ, чьё учение казалось В.Скотту глубоким, а мнения — порой фантастическими. Следуя Платону и Аристотелю, он уверял, что единственно надежная философия заключается в творениях этих великих мыслителей античности, и посылал друзьям-философам переписанные древнегреческие тексты Платона и Аристотеля, как бы призывая их обратить внимание на подлинных авторов идей, воспринятых в веке Просвещения из цецероновской латыни. Его метафизика включала философию человека (орангутанга он считал человеком в естественном состоянии), теологии и философии природы (как у Бэкона). Он вел «оригинальный» образ жизни в подражание древним грекам: один во всей Великобритании и Европе бегал он по утрам и совершал омовение в горных реках, после чего умащал тело маслом и благовониями. Никогда не пользовался каретой и даже по вызову короля отправился из Шотландии в Лондон верхом. В 1773 г. вышел 1 том его «Исследования о происхождении и прогрессе языка» (всего вышло 6 томов). Великолепен его ответ некоему философу-борзописцу на вопрос, читали ли вы мое последнее произведение? Дорогой сэръ, вы пишете быстрее, чем я читаю.

Его труды забыты. Не знаю, сожалеть ли об этом? История своенравна, хотя и она не безгрешна в своем выборе. На деле же факт выбора зависит от конкретного читателя, которому книга покажется интересной. В.Ф.Асмус говаривал, имея в виду философию: «Любая мысль достойна изучения».

ГЛАВА I. АДАМ СМИТ (1723–1790)

1. Анкетные данные

Жизнь Адама Смита небогата внешними событиями. Родился в 1723 г. в Керколди (Шотландия). Начиная с 1737 г. до 1740 слушал лекции первого шотландского просветителя Френсиса Хатчесона в университете Глазго. С 1740 по 1746 гг. учился в Оксфорде. В 1748–49 гг. читал лекции по риторике и художественной литературе в Эдинбурге. В 1751 г. он получает кафедру логики в Университете Глазго. В следующем году переходит на кафедру моральной философии. Две первые публикации – анонимные (статьи в журнале «Эдинбургское обозрение» в 1755 г.).

Основные идеи будущих книг были высказаны в курсах лекций, читанных в пятидесятые годы в Университете Глазго на кафедре моральной философии. Его лекции привлекли внимание студентов. Им импонировал серьезный дух исследования, независимости и увлеченности, чем славился предшественник Смита Ф.Хатчесон.

Весь корпус идей Смита, его экономические, социологические, этические и философские произведения обнаруживают духовную связь не только с островной традицией, но и с передовой европейской мыслью.

Он был лично знаком с физиократами, энциклопедистами и собирался посвятить *Исследование о природе и причинах богатства народов* (в дальнейшем *БН*) Кенэ, если бы не преждевременная кончина автора знаменитой *Экономической таблицы* в 1774 г. С начала 50 гг. Смит профессор логики в университете Глазго. С 1751 по 1764 гг. профессор моральной философии в том же университете. В 1759 г. опубликовал *Теорию нравственных чувств* (в дальнейшем *ТНЧ*). Последние два года работы в Глазго был вице-ректором университета и получил почетное звание доктора литературоведения и права. После двухлетнего путешествия по Франции в качестве наставника (на очень выгодных условиях) герцога Букклея Смит в течение десяти лет уединенно работал у себя в Керколди и в марте 1776 г. издал свой главный труд *БН*, который перед смертью успел просмотреть и одобрить его пожизненный друг – Давид Юм. С 1778 г. Смит работал уполномоченным в таможенном управлении в Эдинбурге. Скончался Адам Смит в 1790 г. Таков его земной путь, ничего экстравагантного и романтического, разве что похищение Адама в младенческом возрасте цыганами. Ребенка, впрочем, вскоре нашли и вернули в отчий дом... На духовное развитие Смита, помимо Ф.Хатчесона, серьезно повлиял Давид Юм, их общение началось в 1752 г. Порой влияние старшего друга полушутливо преувеличивалось, «злые языки» говорили, что если бы Юм сказал ему, что луна – зеленый сыр, то он бы поверил ему. На деле же Смит, внимая советам и замечаниям, имел свое мнение относительно предмета, которым занимался. Так в *Теории нравственных чувств* он не просто пользуется основным этическим и психологическим понятием Юма – симпатией, но вкладывает в него иное понима-

ние. Иногда Смит подвергал некоторые аспекты этической теории друга мягкой критике. И в *Богатстве народов* Смит зачастую не соглашался со взглядами Юма, тоже видного экономиста века Просвещения. Например, в вопросе о ценообразовании и роли в нем ренты Смит иначе, чем последовательный номиналист Юм, относился к применению в экономической науке абстрактных понятий. Все же дружба со слывшим безбожником Юмом помешала, как утверждали, ему быть христианином. *ТНЧ* оценивалась некоторыми церковниками как пропаганда атеизма в стране. Но разве не отказался Смит взяться за издание крамольных *Диалогов о естественной религии* Юма, несмотря на настоячивые просьбы умирающего друга? Однако тот же Смит после смерти Юма опубликовал прочувствованное надгробное слово, чем подтвердил репутацию опасного вольнодумца в клерикальных кругах.

Просвещенная общественность была иного мнения о деятельности ученого и философа в пору подведения им итогов своей деятельности. Упомянем избрание Смита за три года до кончины почетным ректором университета Глазго, на которое Смит ответил благодарственным письмом, где не забыл упомянуть и своего первого учителя. «Нет человека, который был бы обязан какому-нибудь учреждению больше, чем я — университету Глазго. Он воспитал меня. Он послал меня в Оксфорд. Вскоре по возвращении моем в Шотландию он избрал меня в число своих членов, а затем предоставил мне кафедру, которая, благодаря способностям и добродетели Хатчесона, пользовалась бóльшей известностью».

Обычно в наследии Адама Смита выделяют два великих труда: Теория нравственных чувств (*Theory of Moral Sentiments*, 1759) и *Исследование о природе и при-*

чинах богатства народов (*An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*, 1776). Между тем нельзя упомянуть о его ранних, «подготовительных» работах, изданных посмертно как *Опыты о философских предметах* (*Essays on Philosophical Subjects*, 1795).

Философию Смит понимает как науку о связующих принципах природы. Она предоставляет невидимые звенья, которые соединяют все наблюдаемые разрозненные объекты, стараясь внести порядок в хаос дисгармоничных и несогласованных явлений. Чтобы выполнить эту задачу, философия обращается к воображению. Тут Смит, пожалуй, ближе к Юму, чем к Локку. Воздавая должное Ньютону, Смит заявляет, что в конечном счете все философские системы не что иное, как изобретения воображения. Но воображаемые модели, конструкции не могут заменить или исчерпать реальность.

2. Дебют Смита-моралиста. Теория нравственных чувств²

Первая книга Адама Смита *Теория нравственных чувств* вышла в 1759 г., 2-е пересмотренное издание — в 1761 г., 3-е (1767), 4-е (1774) и 5-е (1781) издания *ТНЧ* мало отличались от второго. Однако 6-е издание, опубликованное незадолго до его смерти в 1790 г., содержит

---

² В укоренившейся традиции, сложившейся с XIX в., в русских переводах книги Смита «Теория *нравственных* чувств» пропадает акцент на том, что работа посвящена в первую очередь теориям *морального* чувства в их противостоянии этическим теориям рационализма.

весьма пространные добавления и другие значительные изменения³. Книга была тепло встречена просветителями по обе стороны Ламанша. Даже сто лет спустя русский переводчик назовет труд Смита лучшим сочинением, которое мы имеем о нравственной природе человека. Некоторые современные исследователи (Уестермарк и Рафаел) считают, что из всех британских мыслителей Смит внес крупнейший вклад в моральную психологию.

Книга создавалась в пятидесятые годы. Основы были заложены в лекциях, которые Смит читал на кафедре моральной философии в Глазго, в годы начавшейся и окрепшей дружбы с Юмом, что, однако, не помешало Смицу занять в этике достаточно самостоятельную позицию при всем родстве с учениями теоретиков морального чувств Хатчесона и Юма. Как известно, Юм разрабатывал стратегическую программу секуляризации учений о природе человека. Намерения Смита были не так радикальны. Как и Хатчесон, он признавал связь религии и этики религии. «Даже самая грубая религиозная система освящала общие правила нравственности».

Но он не был бы учеником Юма, если бы не скорректировал отношение теологии и нравственности ссылкой на историческую практику католических, да и некоторых протестантских университетов, в которых моральную философию и естественную философию стали преподавать как подсобные для теологии дисциплины, а обязанности человека рассматривались как путь к счастью в будущей жизни. Все это привело, по

---

³ См.: *Smith A. Theory moral sentiments. Introduction. Oxford, 1976. P. 1.*

его мнению, к полному извращению всех нравственных ценностей. Не великодушие и благородное поведение, а умерщвление плоти, покаяние, смирение становятся этическими идеалами.

Дебют Смита был успешен. Вскоре *ТНЧ* перевели во Франции. Правда, перевод вызвал у Смита крайнее недовольство. И тут вскрылась особая трудность перевода текста, которая обнаружилась и в русском переводе П.А.Бибикова. (Правда, его переводы Смита, так же как и Бэкона, весьма сомнительны по литературным достоинствам.)

Ключевое слово теории Смита – естественность, оптимум объяснительных причин и факторов. Тут тоже важна мера. Смит осуждает редукционизм Гоббса и «эгоистов» в этике, как и в метафизике и физике. Вообще отношение Смита к религии в этическом сочинении неоднозначно. Натурализм его разбавлен, как и у Хатчесона, супранатуралистическими понятиями. Ведь в его время между ортодоксальной верой высокой англиканской церкви и папизмом, считавшимся столь же вредоносным и нетерпимым, как атеизм, в Великобритании существовало множество промежуточных модификаций веры – от бесчисленных христианских сект до интеллигентского деизма, и потому обвинения в безропотном приятии скептических аргументов Юма относительно религиозной веры, пожалуй, не вполне подтверждаются в первой книге Смита. Сам религиозный опыт – плод социальных обстоятельств и традиций. Это наблюдение относится и к выбору религии и религиозному опыту вообще. Уже Локк, опровергая врожденную религиозную идею, опирался на сообщения об открытых в Америке народах, не имеющих никакого понятия о Боге.

Впрочем, в следующей главе, обсуждая сложную для эмпириков проблему естественного чувства долга, Смит прямо говорит, что общие правила нравственности справедливо принимаются за законы самого Бога, и добавляет, что даже самая грубая религиозная система освящала общие правила нравственности. Но если эти чувства суть вложенные в глубину наших сердец поверенные Бога, наказующие нас за нарушение нравственности неизбежным стыдом и угрызениями совести и награждающие нас за ее соблюдение, то почему убийцу, не верящего в Бога, все равно будут терзать угрызения совести?

В последнем прижизненном издании *ТНЧ* Смит снял тезис, который мог дать повод представлять совесть и долг как способности, зависящие от откровения. Иначе ему пришлось бы признать, что религиозные принципы есть единственное похвальное основание для наших действий, а все наши естественные привязанности следует заменить единственно любовью к Богу, причем именно к христианскому Богу протестантского толка. Неспроста Смит оговаривает условие, при котором справедливость становится естественной, то есть идущей от природы, а не искусственной, т.е. изобретенной человеком, как у Юма. Это условие требует, чтобы естественные основания религии не были извращены в человеке духом секты или партии. Ложные представления в религиозных делах, как правило, являются причиной полного извращения естественных чувств. Вообще во всем, что не имеет никакого отношения к религии, достаточно одного здравого смысла, чтобы вести нас если не к совершенству, то, по крайней мере, к поступкам более или менее близким к нему.

В итоге Богу все-таки оставляется почетное место Смотрителя за порядком в мире и Попечителя всемирного благополучия. Назначение человека куда скромнее — он должен заботиться о собственном счастье, благосостоянии своей семьи, своих друзей, своей страны. Человечество в целом — подопечные Бога, и не надо на скромного индивида взваливать непомерную ношу.

Эту Декларацию можно понять как предоставление индивиду вольной. Он вправе устраивать свою жизнь самостоятельно.

Теория нравственных чувств имела большой успех на островах и на континенте. Сто лет спустя русский переводчик назовет книгу Смита лучшим из сочинений о нравственной природе человека. В наше время исследователи Уэстермарк и Рафаел считают, что из всех британских мыслителей Смит внес крупнейший вклад в психологию морали. Расскажем об этом поподробней.

Смит начинает свое сочинение с обоснования нового понимания чувства симпатии. Это со-переживание с радостью и несчастьем других. Но о способностях других людей мы судим по нашим собственным способностям. «Я составляю себе понятия о вашем зрении на основании моего зрения, о вашем слухе — по моему слуху, о вашем рассудке — по моему рассудку, о вашей злобе — по моей собственной, о вашей любви — по той, которую сам ощущаю. Я не имею и не могу иметь другого средства судить о них»⁴. Так что симпатия оценивает о наблюдаемых индивидах сообразно с опытом собственного Я. Но, идя дальше, Смит пытается освободиться от субъективности чувства симпатии и определяет точный и неизменный закон, на основа-

---

⁴ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 40.

нии которого мы судим о приличии или неприличии чувства, побуждающего нас к поступку; этот точный закон может заключаться в симпатетическом чувстве беспристрастного и просвещенного наблюдателя. Этот гипотетический наблюдатель (Фрейд мог бы назвать его Супер-эго) персонифицирует общественное мнение, которое по определению объективно, хотя и в особом смысле, какой феноменолог может оспорить, поскольку наблюдателя примысливает все-таки сам субъект⁵. Блюститель нравственности беспристрастный наблюдатель не мог бы появиться на необитаемом острове. Человек, выросший там, «вне всякого общения с людьми», не имел бы никакого понятия о приличии и неприличии своих поступков и чувствований, о достоинстве и недостатках своей мысли, как и о красоте или о безобразии своего лица. Только помещенный в общество человек обретает зеркало⁶. Но хотя субъект научен этическим и эстетическим оценкам обществом, в котором он вырос, ему принадлежит решающий выбор положительной или отрицательной оценки в каждом конкретном случае.

Теории симпатии Смита противостоят три исторических концепции добродетели. Первая полагала добродетель в приличии поведения или естественности страсти, руководящей нашими действиями, относительно предмета этой страсти. Вторая концепция заявляет, что добродетель содержится в благоразумии. Это система Эпикура.

Системы, полагающие добродетель в благожелательности также принадлежат древности. Их разрабатывали эклектики и в первую очередь Цицерон. Наи-

---

⁵ См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 449.

⁶ Там же. С. 123.

высшая благожелательность принадлежит божественной природе, которая руководствуется только любовью или благожелательностью.

В новые времена самое умное и самое философское развитие теории симпатии представил доктор Хатчесон⁷. Хатчесон — друг Смита, но истина дороже. Ученик высказывает критическое отношение к принципу чистой благожелательности, которая одна только и заслуживает одобрения как добродетель. Смит как практичный шотландец многозначительно указывает, что иногда забота о собственных интересах и личном счастье может быть побудительной причиной наших поступков, заслуживающих похвалы. Привычки к бережливости, трудолюбию, скромности, рассудительности заслуживают одобрения и общего уважения. С другой стороны Смит против превращения эгоистических мотивов в универсальную подоплеку всех действий и намерений, которые люди называют добродетельными. Важно отметить, что в шестом издании *ТНЧ* Смит внес изменения в последнюю главу III отдела первой части «Об эгоистических страстях», где смягчается свойственная доктрине Хатчесона противоположность между общественными и антиобщественными страстями и дается психологическое описание третьего разряда страстей, включающего страдания или удовольствия, испытываемые нами вследствие нашего личного благополучия или несчастья. Высказывается Смит и о системе теологического легализма, полагающей добродетель в повиновении божественной воле, давшей нам Закон — 10 заповедей. Ее он помещает в число систем, видящих

---

⁷ См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 290–291.

добродетель в благоразумии или в приличии наших поступков, при этом Смит забывает, что такое благоразумие и такое приличие доступно только людям, родившимся в обществах, традиционной религией которых является христианство; остальному человечеству отказано и в важных чертах характера, и в перспективах будущей жизни.

В *ТНЧ* моральный индивидуализм почти поглощен общественной нравственностью, но важно другое: субъект этики — человек моральный — не совпадает с экономическим человеком. Это две социальные ипостаси личности. Данная установка проявляется в неожиданно резкой, запальчивой критике Мандевиля.

Легкомысленный Мандевиль и воспоминания о будущем

От трех основных систем этики Смит отделяет «легкомысленные» системы. Собственно, речь пойдет о системе Мандевиля, который, в отличие от «серьезных» теорий, отвергает всякое различие между пороком и добродетелью: на поверку все мотивы и поступки оказываются порочными, ибо таковы страсти, их порождающие. Смит полагает, что эта система приводит к пагубным последствиям, хотя социальная польза, как показывает автор *Басни о пчелах*, в виде занятости, роста благосостояния и т.п. весьма велика и по его словам Реформация едва ли более способствовала превращению тех, которых она охватила, в процветающие страны, чем глупое и капризное изобретение — стеганные юбки или нижние

юбки на фижмах»⁸. Высказывание вполне в духе «позднего» А.Смита, эпохи *БН*. Такова система доктора Мандевиля⁹.

В дальнейшем психологическом анализе его доктрины устанавливается главнейшее заблуждение Мандевиля, а именно — «все страсти порочны, какова бы ни была их сила и направление»¹⁰. Но об этом же гнусавят фанатики-пуритане. Смит высказывает догадку, что легкомысленная система происходит из какого-то аскетического учения, видящего добродетель в искоренении всех страстей. Такая победа совершенно недостижима, да к тому же она погубила бы промышленность и торговлю, и потому эгоистические страсти — благо для общества, именно благодаря им оно живет и процветает. Но если Смит иного мнения об укрощении страстей, то он оспаривает убеждение Юма в *Трактате о человеческой природе*: «Разум есть и должен быть лишь рабом аффектов и не может претендовать на какую-либо другую должность, кроме служения и послушания им»¹¹. Если же страсти неискоренимы, то естественней не считать их порочными, а просто рассматривать как проявления способностей, удовлетворение которых не является предметом этического дискурса.

Только такой подход позволяет Смиту занять в будущем позицию морально неангажированного наблюдателя, который без гнева и пристрастия анализирует экономические и социальные отношения. Все члены человеческого общества нуждаются в общественных

---

⁸ См.: *Мандевилль Б.* Басня о пчелах и т.д. М., 2000. С. 217.

⁹ См.: Цит. соч. А.Смита. С. 297.

¹⁰ См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 302.

¹¹ См.: *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 457.

услугах. Общество может существовать лишь при содействии корыстного обмена взаимных трудовых услуг, что образует развивающуюся и усложняющуюся игровую систему, существующую на определенных правилах, нарушение которых является не моральным, а уголовным проступком. Жизнь требует от человека быть активным существом. Он не может довольствоваться ни к чему не обязывающей любовью к ближним, «или воображать себя другом собратий только потому, что в глубине своего сердца он желает им благоденствия». Он должен в поте лица своего идти к цели, указанной жизнью. Упреки идеалистам-созерцателям аналогичны высказанным Мандевилем в адрес прекраснодушного Шефтсбери, воспитателя *virtuosi*.

Напомним, что через много лет после публикации *БНС* Смит кое-что пересмотрел и скорректировал в *ТНЧ*. Главные изменения сделаны в последней главе третьего отдела 1 части «О приличии, свойственном нашим поступкам» и в четырех первых главах третьей части «Об основании наших суждений о собственных поступках и чувствах, а также о чувстве долга»; и в части шестой «О свойствах добродетели» написана заново¹².

Руки видимые и невидимые. Предчувствие синэнергетики?

Первое упоминание невидимых скреп, аналогичных невидимой руке, мы находим в раннем эссе *Происхождение астрономии*. Там он говорит о невидимых звеньях (цепях), которые связывают воедино все эти

---

¹² См.: Цит. соч. А.Смита. С. 30.

разобщенные объекты, стараются навести порядок в хаосе диссонирующих и разрозненных явлений. Эта рука представляется некоторым исследователям мистической рукой невидимого Устроителя мира или Провидения (Смит упоминает его в *ТНЧ*). Однако напомним, такую же работу проделывает философия, которую Смит понимает как науку о связующих принципах природы. Она представляет невидимые звенья между разрозненными объектами, стараясь внести порядок в хаос диссонирующих и разрозненных явлений. Чтобы выполнить эту задачу, философия обращается к воображению. При этом Смит видел известное сходство между машинами и теоретическими системами. Системы не имитируют машины и наоборот. Просто их развитие идет аналогичным образом. Воображаемые системы тем ближе к природной машинерии, чем они *естественнее*. Условие расширения применения систем есть упрощение их внутренних принципов. Та же картина наблюдается в развитии письменного и устного языка. Кто же устраивает всю эту гармонию? *Невидимая рука*, Провидение или всё устраивается само собой?

Богачи, несмотря на свою алчность и на свой эгоизм, несмотря на то, что они преследуют одни только личные выгоды, несмотря на то, что они стараются удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания, используя для этого труд тысяч, тем не менее разделяют с последним бедняком плоды работ, производимых по их приказанию. «По-видимому, какая-то *невидимая рука* (курсив мой. — *М.А.*) заставляет их принимать участие в таком же распределении предметов, необходимых для жизни, какое существовало бы, если бы земля была распределена поровну между всеми на-

селяющими ее»¹³. ...Таким образом, без всякого преднамеренного желания и вовсе того не подозревая, богатый служит общественным интересам и умножению человеческого рода. Провидение, разделив землю между небольшим числом знатных хозяев, не позабыло и о тех, кого оно только с виду лишило наследства, так что они получают свою долю из всего, что производится землей. Слова, приложимые к описанию макроэкономического эффекта удовлетворения «порочных» страстей богачей у Мандевиля.

Вопрос: чья эта *невидимая рука*? остается открытым, но вот с видимой все достаточно ясно. Во второй главе 6 книги *ТНЧ* (переписанной заново в 1790 г.) мы находим такой пассаж: «Человек, пристрастный к системам, составляющий проект нового государственного устройства, полагает, что различными частями общественно-го организма можно располагать так же свободно, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого движется по свойственным ей законам, отличным от движения, сообщаемым ей законодателем. Несовпадение обоих движений приводит весь общественный механизм к совершенному расстройству»¹⁴. Тут уже *видимая рука* мешает естественному ходу вещей и может разрушить всю *естественную* систему. Единичное желание организовать до малейших подробностей, несмотря ни на какие препятствия, все части целой государственной системы нередко оказывается бе-

---

¹³ См.: Цит. соч. А.Смита. С. 184–185.

¹⁴ См.: *Смит А.* Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 230.

зумной самонадеянностью. Именно поэтому самодержавные государи суть опаснейшие из всех политических мыслителей.

Все это похоже на зачатки синергетического подхода, естественное самообразование социально-экономической системы оптимально; оптимум может нарушить и даже разрушить произвольное вмешательство государства или правителей в процесс возникновения и развития слаженной экономической машины.

Разделение труда и услуг в человеческом обществе вводит все новые, социальные и экономические отношения. Смит пишет в *БН*: человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их интересах сделать для него то, что он требует от них. Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно. Эта склонность к обмену породила первоначально и разделение труда¹⁵.

Примерно в то же время, что и Спенсер (см. эпиграф), историк цивилизации Г.Бокль высказал сходную оценку деятельности Смита — наставника премьер-министров: об Адаме Смите можно сказать, не боясь опровержения, что этот одинокий шотландец изданием одного сочинения сделал больше для благоденствия человечества, чем было когда-либо сделано совокупно взятыми способностями всех государственных людей и законодателей, о которых сохранились достоверные известия в истории.

---

¹⁵ См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.—Л., 1935. С. 17.

Для идейного развития Смита первостепенное значение имела его дружба с Давидом Юмом, что признавал сам Смит в оживленной переписке с ним. Их отношения человеческие и научные требуют особого рассмотрения и их уместно рассмотреть при анализе главных трудов Смита¹⁶. В *Теории нравственных чувств* ключевая категория *Трактата* и *Теории нравственных чувств*. Симпатия выполняет различные функции в этической доктрине обоих философов. Доктрина симпатии Смита куда сложнее юмовской психологической трактовки симпатии или общения как «превращение идеи во впечатление посредством силы нашего воображения»¹⁷. Заметим, что в любимом произведении Юма «Исследование о принципах морали» *симпатии* придается куда меньшее значение. Большое значение для выяснения их теоретических связей, обсуждения различных проблем, не обходившихся без споров имеет изучение обширной переписки философов. Особенно ревностно Юм следил за работой Смита над главным его трудом *Исследование о причинах и природе богатства народов*. Интерес к социологическим и экономическим проблемам всегда поощрялся Юмом и он был счастлив, когда незадолго до смерти в 1776 г. он получил только что отпечатанный экземпляр великого труда. Вместе с тем Юм делает важное методологическое замечание относительно теории ренты Смита, который рассматривал ренту абстрактно, тогда как она может быть выплачена только после успешной продажи урожая в текущем финансовом году.

---

¹⁶ См. биографию Смита подробнее в Приложении к настоящему изданию: *Стюарт Д.* Рассказ о жизни и творчестве Адама Смита, доктора литературоведения и правоведения. Раздел 1.

¹⁷ См.: *Юм Д.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 468.

Особый интерес представляет проблема согласования теории морали в книге *Теория нравственных чувств* и экономической теории, развитой в *Исследовании о причинах и природе богатства народов*. Здесь существуют по крайней мере три различные точки зрения. 1. Две главные книги противоречат друг другу. 2. Не противоречат друг другу, а образуют единство. 3. Независимы друг от друга. В решении этого каверзного вопроса следует учесть, что концепция невидимой руки выдвинута именно в *Теории нравственных чувств*, а не *Богатстве народа*, где она принимается по умолчанию. Таким образом, Смит «разводит» человека морального и экономического. Не следует считать, что теория морали Смита является обоснованием альтруизма, также как и его «симпатия» — принципом благожелательности. Подтверждением этого служит вышеупомянутая критика «легкомысленной» теории Мандевиля в 7 книге *Теории моральных чувств*.

Весь корпус Смита, его экономические, этические и философские произведения показывают, что научное творчество Смита протекало в живой связи с передовой европейской мыслью. Особенно близки по духу Смицу были французские мыслители Монтескье (1689–1755), Кондильяк (1714–1780), физиократы Тюрго (1727–1781) и Кенэ (1694–1774), последнему Смит намеревался посвятить исследование о природе и причинах богатства народов. В некрологе, посвященном Смицу в газете *Таймс* отмечено, что иллюстративный материал для *Богатства народов* Смит черпал в энциклопедии Д.Дидро. Вместе с тем в отношении философских и этических взглядов Смита несомненно преобладающее влияние локковского эмпиризма, теории зрения Д.Беркли и хатчесоновской доктрины внутрен-

них чувств. В середине столетия состоялось судьбоносное знакомство А.Смита с Д.Юмом. Оно значительно повлияло на трансформацию его взглядов, после ранних работ по психологии и философии («О внешних чувствах») и по истории науки (эссе *История астрономии*). Тогда же Смит становится членом философского общества в Эдинбурге¹⁸.

Анализ этого вклада, думается, уместно начать с 7 части книги с наиболее крупными добавлениями автором в последнем прижизненном издании, поскольку там Смит разбирает этические учения своих предшественников и выражает свое отношение к ним. Тут мы получаем ясную картину собственной теории морального чувства А.Смита и его критического отношения к предшественникам.

Но с каких позиций оценивает автор *ТНЧ* их теории? Каковы его предпочтения? Рафаел и Макфи, издатели уже упоминаемой публикации *ТНЧ*, таким пер-

---

¹⁸ Значительное влияние, оказанное на формирование творчества Смита его учителем Ф.Хатчесоном и другом-наставником Д.-Юмом, не привело Адама к потере собственного лица. Об этом свидетельствуют два его главных произведения *Теория нравственных чувств* и *Исследование о природе и причинах богатства*. О независимости суждений Смита свидетельствует его осторожное, неполное принятие программы секуляризации учения о человеческой природе, осуществляемой Юмом. Так Смит осуждает подчинение философии религиозному влиянию. Когда моральную философию и натуральную философию стали преподавать как подсобные для теологии дисциплины, на обязанности человека стали смотреть главным образом как на средство для счастья в будущей жизни (10 с. 550). Все это приводит к полному извращению всех нравственных ценностей. Не великодушное и благородное поведение, а умерщвление плоти, покаяние, смирение становятся этическими идеалами.

вичным влиянием считают влияние философии стоиков, учение которых повлияли и на *ТНЧ* и *БН* Источником информации о Стоиках был для него, как и для всех философов XVIII века, Цицерон, но не всегда только он. Стоикам, особенно поздним (Эпиктет и Марк Аврелий) уделено больше внимания, чем какой-либо другой этической доктрине¹⁹. Учитель Хатчесон также питал особую симпатию к стоикам, переводил с греческого Марка Аврелия. Поэтому можно согласиться с Рафаелом и Макфи, отождествившими этическую доктрину Смита с комбинацией стоических и христианских добродетелей, комбинацией стоицизма и философии Хатчесона. Хатчесон растворяет все добродетели в благожелательности, философской версии христианской этики любви. На ранней стадии в *ТНЧ* Смит дополняет к ней стоическое самообладание²⁰. Позже он утверждает²¹, что самообладание – условия осуществления всех других добродетелей. Главный урок, который Смит почерпнул у стоиков – идея природы как гармоническая система природы и общества. В том контексте и в *ТНЧ* и *БН* по разу встречается пресловутая невидимая рука божественного существа, благостью и мудростью которого вечно сохраняется и приводится в движение великий механизм вселенной²². Подобные размышления приписываются Марку Аврелию: «Естественная гармония проявляется в обществе

---

¹⁹ Цит. соч. С. 5.

²⁰ Цит. соч. Интродукция. С. 6.

²¹ См.: *ТНЧ*. Часть 6. Отдел III. О самообладании.

²² См.: *ТНЧ* Часть 6. С. 232. См. также *Очерки истории западноевропейского либерализма XVII–XIX*; Михаил Абрамов. *Адам Смит*. М., 2004.

в качестве очевидной и простой естественной свободы ...Мудрая природа, к счастью, позаботилась о том, чтобы заложить в политическом организме достаточно средств для исправления многих последствий безумия и несправедливости человека, совсем как она сделала с физическим организмом человека для исправления его неосторожности и невыдержанности»²³.

Что касается непосредственных влияний современников на формирование творческой личности Смита, то следует отметить, что не воспроизводя их философские взгляды, Смит вполне принимал критику Хатчесоном теории эгоизма в лице Мандевиля и юмовскую критику рационалистической морали Кларка, хотя, по-видимому, считал обе доктрины вчерашним днем. Автор *Теории нравственных чувств* ставит два решающих вопроса. Все этические теории основаны на том или ином естественном законе и потому в какой-то степени справедливы. Но все они исповедуют частный и односторонний взгляд на природу, и в другом отношении все они могут быть ложными²⁴. Итак, Смит неудовлетворен субъективизмом моралистов. Отсюда и вытекают следующие вопросы. Первый: что такое добродетель или какого рода поведение обуславливает собой превосходный характер, достойный всякой похвалы, то есть характер, составляющий естественный предмет уважения, внимания и одобрения.

Второй вопрос состоит в том, чтобы узнать, какая сила, или какая способность души побуждает нас любить тот или иной характер, каким бы он ни оказался, или какими путями случается, что душа отдает предпочтение тому или другому поведению и одно называ-

---

²³ БН IV.IX. V. М.—Л. Т. II. С. 220.

²⁴ Часть 6. См.: Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 260.

ет достойным, а другое — порочным; на одно смотрит как на естественный предмет уважения, одобрения и похвалы, а на другое — как на естественный предмет порицания, неодобрения и наказания.

По первому вопросу Смит особо выделяет три точки зрения: своего учителя Хатчесона, теоретика морального чувства, полагавшего, что добродетель заключается в благожелательности; взгляд С. Кларка на добродетель как на нечто скрытое в поведении, сообразном различным обстоятельствах являющем наше отношение к другим людям. Третья доктрина сводит добродетель к сознательному и благоразумному достижению самого действительного и прочного счастья²⁵.

При исследовании второго вопроса Смит намерен рассмотреть, внушаются ли различные чувства, по которым какой бы то ни было добродетельный характер кажется нам достойным похвалы, нашей любовью к самим себе, вследствие которой мы замечаем, что этот характер как в нас самих, так и в других людях соответствует нашим личным выгодам; или же одним только разумом постигаем мы различие между тем и другим характером, подобно тому, как отличаем истину от заблуждения; или же вследствие особой способности восприятия, называемой нравственным чувством, добродетельный характер нам нравится и удовлетворяет нас, а порочный не нравится и вызывает отвращение; или же, наконец, подобное действие производится каким-либо иным способом человеческой природы, скажем видоизменением симпатии и т.п.

---

²⁵ См. полемику Хатчесона с Кларком и гоббистами в главе о нем в кн.: Шотландская философия века просвещения. М., 2000. С. 105–208.

Мнение стоиков о природе добродетелей и о приличии наших действий мало отличается от мнения Аристотеля и древних перипатетиков. Мировой Закон, данный нам Зевсом, повелевает нам совершать лишь уместные действия²⁶ и никогда не жаловаться на волю провидения. В этом состоит мудрость. Два принципа нравственной системы стоиков — благоразумие и приличие, данные нам богами для направления нашего поведения; следование этим принципам порождает презрение к жизни и смерти в соединении с полной преданностью воле провидения и с безусловной готовностью встретить всё, что естественно нас ожидает в жизни.

К названным системам Смит добавляет этику Кларка и Уолластона, полагающих добродетель состоящей в соответствии наших действий истине предметов, их сущности, то есть тому, что они суть, а не тому, чем они не являются. Вряд ли можно согласиться с автором *ТНЧ*, когда он объединяет взгляды Кларка и Уолластона со взглядами Шефтсбери, — у последнего, при всей его симпатии к платонизму, добродетель не есть знание, так как дистинкция «добро-зло» задается не разумом, а моральным чувством.

Эпикур также видит добродетель в самом выгодном способе удовлетворения наших главнейших, естественных стремлений, но он иначе определяет главнейшие предметы наших естественных стремлений. Недостатком системы Эпикура является то, что главные предметы он видел в телесных удовольствиях и потому добродетель, не входящая в число естественных стремлений, востребована лишь в связи с получением удовольствий или предотвращением страданий. Тут Смит

---

²⁶ ТНЧ. С. 268.

следует сложившейся после Цицерона и христианствующих моралистов традиции вульгаризации этического учения Эпикура.

Говоря о системах, полагающих добродетель в благожелательности, Смит называет в числе ее первых приверженцев эклектиков века Августа и поздних платоников. Эту нравственную философию высоко ценили отцы церкви, и после реформации она была принята самыми учеными и религиозными людьми, в особенности докторами Ральфом Кедвортом, Генри Мором и Джоном Смитом из Кембриджа. Но всем им Смит предпочитает доктора Хатчесона, который «представил самое умное и самое философичное ее развитие». Такая высокая оценка не избавляет от нелицеприятной критики. Смит не спорит с тем, что благожелательные поступки, действия, мотивы являются похвальными и добродетельными, как и с тем, что высшая степень добродетели состоит в цели принести возможно большее количество блага возможно большему количеству людей; но он не может согласиться с тем, что это единственная причина добродетели — себялюбие, которое, по Хатчесону, становится порочным, как только начинает противоречить общему благу. Любой эгоистический поступок, даже если он и вызывает добрые дела, демонстрирует слабость чистой и бескорыстной благожелательности. На это Смит возражает: «По общепринятому мнению потребность в удовлетворении требований совести не только не уменьшает достоинства вызываемого ею поступка, но скорее понимается за единственное побуждение, которое может быть названо добродетельным»²⁷.

---

²⁷ См.: ТНЧ. С. 293.

При этом он признает, что такое несовершенное существо, как человек, существование которого находится в зависимости от стольких внешних случайностей, в поступках своих часто должен руководствоваться, кроме благожелательности, и другими мотивами. Здесь Смит подходит к описанной проблеме «невидимой руки», дальнейшее рассмотрение которой мы найдем в *БН*.

В системе теологического волюнтаризма (Локк и Беркли), которая предписывает повиноваться воле божьей, добродетель сведена к благоразумию. Причем вопрос *почему* был бы нелеп и нечестив, если бы допускал малейшее сомнение в необходимости повиноваться божеству. А так он допускает два ответа. Первый похож на гоббсовский — потому, что могущество его беспредельно и бесполезно тягаться с тем, кто может наградить и наказать нас на вечные времена за наше повиновение и неповиновение. Второй ответ объясняет благоразумное смирение человека печальным опытом неповиновения творения своему творцу, несовершенного существа совершенному. Даже не читая романа Мэри Шелли *Франкенштейн*, Смит мог бы найти противоположный пример Адама в Священной истории.

Наконец, Смит упоминает систему своего старшего друга, в которой добродетель заключалась в общественной полезности поступков, и приходил к тем же результатам, что и система, находящая ее в их естественности²⁸. Но тут все зависит от степени проявления чувств или страстей. В умеренных границах они добродетельны, вне их — порочны. Тут Смит признается, что единственное различие между этой системой и той,

---

²⁸ ТНЧ. С. 295.

которую он старается установить, состоит в том, что первая (юмовская. — *М.А.*) оценивает наши страсти (аффекты), указывая на их полезность, а не на симпатию или соответствующее ей чувство беспристрастного наблюдателя. Смит тем самым пытается заменить субъективную оценку квазиобъективным гипотетическим наблюдателем — по сути, мысленным экспериментом.

Названным системам Смит противопоставляет упомянутые выше «легкомысленные», т.е. содержащие отказ от дистинкции *добродетель-порок*. В частности, автор *Басни о пчелах* Мандевиль считает тщеславие одной из важнейших человеческих страстей. Между тем тщеславец всегда будет скрывать это свое тайное влечение и выдавать свои поступки за стремление к общественной пользе. Его поведение, пишет Смит, одновременно и справедливо и корыстно: оно проявляется как в результате благородного, так и неблагородного побуждения. Таким образом, Мандевиль делает неразличимым тщеславие и любовь к настоящей славе. Смит предлагает их различать по нравственному критерию — одна страсть разумная и справедливая, другая несправедлива, смешна и нелепа. Смит пытается весьма многословно провести различие между притворством и искренностью, но ему так и не удается найти объективный критерий.

Чтобы усугубить «грехи» Мандевиля, Смит вменяет ему в вину утверждение, что все страсти порочны, какова бы ни была их сила и направление, отчего он видит тщеславие (притворство) во всем, что находится в зависимости от чувствования других людей. Но беда в том, что Мандевиль с помощью софизма присоединяет к этому тезису свое любимое положение, что все эгоистические пороки составляют всеобщее благо.

Смит не видит здесь мандевильевского принципа *невидимой руки*, поскольку его собственный принцип *невидимой руки* им самим здесь еще не открыт. А пока этого не произошло, он заговаривает об истине и правде и признает, что по виду теория доктора Мандевиля кажется близкой к истине. Видимо, будущий социолог и политэконом почувствовал, что в макроэкономическом подходе голландского врача, практиковавшего в Англии, что-то есть. Между тем его старший друг учил, что истины факта, а именно с таковыми мы имеем дело в интроспекции нравственных чувств, носят вероятностный характер и степень ожидаемой вероятности того или иного факта зависит от субъективного предшествующего опыта — привычки. Оценки же объективных фактов или своих и чужих поступков как добродетельных или преступных дело — чисто субъективное.

В последнем III отделе книги Смит анализирует различные принципы одобрения:

1 — одобрение или неодобрение наших собственных и чужих поступков в зависимости от их значения для нашей пользы или для нашего счастья, т.е. принцип себялюбия;

2 — только разумом, то есть способностью, благодаря которой мы отличаем истину от заблуждения, можем мы постигнуть то, что прилично или неприлично в наших поступках или в наших чувствах;

3 — различие само по себе и есть непосредственный результат нашей чувствительности: оно возникает от удовольствия или отвращения, которое внушается нам известными чувствами или известными поступками.

Сторонники первой точки зрения, среди них Смит называет Гоббса, Пуффендорфа и Мандевиля, отдают предпочтение общественному состоянию, не из-за ес-

тественной склонности к ближнему, а потому, что без содействия общества мы не могли бы пользоваться удобствами и безопасностью. Именно этому служит добродетель, тогда как противодействие общежителю порядку есть новое безобразие, возврат к старому естественному состоянию войны всех против всех. Но превознося блага общественного состояния, которое они выводят из всеобщего себялюбия, они забывают, что «когда мы восхваляем доблесть Катона и ненавидим гнусный характер Катилины, то наши похвалы или наша ненависть не вызываются представлениями добра, какое может быть сделано нам первым, или зла, какое может быть нам причинено вторым»²⁹. Нами движет здесь некое бескорыстное представление, которое Смит называет симпатией, которое никак нельзя отождествлять с себялюбием. Искаженное понимание системы симпатии — вот главная ошибка учения о человеческой природе, которое выводит все чувства и страсти из себялюбия.

Обратимся теперь к характеристике этических взглядов самого А.Смита. Как уже указывалось выше, эта книга оказалась заметной вехой в истории этики. Смит ставит два вопроса: (1) как понималась в истории мысли «добродетель» и (2) какие способности души побуждают нас, по мнению философов, предпочитать достойное поведение.

По первому вопросу Смит особо выделяет две точки зрения: Хатчесона, который полагал добродетель в благожелательности, и С.Кларка, видевшего добродетель в поведении, соответствующем обстоятельствам, в которых мы находимся относительно прочих людей.

---

²⁹ ТНЧ. С. 306.

Относительно второго пункта Смит задается вопросами: выражаются ли чувства одобрения добродетельного характера нашей любовью к самим себе, т.е. соображениями личной выгоды, либо мы постигаем различие между характерами одним разумом, подобно тому, как он отличает истину от заблуждения. Существует и третья точка зрения: одобрение — функция особого нравственного чувства или же, наконец, подобное действие производится каким-либо иным свойством человеческой природы, каким-либо видоизменением симпатии или подобного чувства.

Ни одна из этих систем, по мнению Смита, не дает точного представления о том основании, исходя из которого мы судим о приличии или неприличии чувства, побуждающего нас к поступку. Это основание, полагает Смит, может корениться только в симпатическом чувстве гипотетического свидетеля, который предполагается бесстрастным и просвещенным. Одновременно нельзя упускать из виду, что добродетель невозможна вне причинности и естественности.

Для нас представляют интерес высказывания Смита о системах, полагающих добродетель в человеколюбии. Наиболее глубокое философское развитие этой доктрины, по мнению Смита, представил Ф.Хатчесон, определявший добродетель как исключительно чистое и благородное человеколюбие. Высшая степень добродетели состоит в подчинении всех личных чувств желанию всеобщего благополучия людям. Ясно, что любовь к самому себе не может ни в каком случае считаться добродетелью. Добродетель в значительной степени теряет свое достоинство, если при совершении поступка агент имел в виду сопровождающее такое дело чувство внутреннего удовлетворения и одобрения со-

вести. Это мнение Хатчесона, считает Смит, противоречит общепринятому. Эгоистические мотивы могут быть побудительной причиной наших поступков, заслуживающих похвалы. Человеколюбие, как его понимает Хатчесон, метко замечает Смит, это скорее не человеческое, а божественное побуждение, которым божество руководствуется в своих действиях.

Смит ставит вопрос: почему нужно подчиняться божеству? Тут возможно несколько ответов. 1. Могущество бога беспредельно, он может наградить или наказать нас на веки (Гоббс). 2. Даже независимо от этих соображений несовершенное творение всегда должно повиноваться своему совершенному творцу (квиеизм).

При первом ответе добродетель заключается в благоразумии или корыстном преследовании наших интересов и счастья. Если принять второй ответ, то тогда добродетель состоит в приличии или естественности наших поступков, ибо основанием для нашего повиновения служит естественность чувства повиновения и подчинения божественному превосходству и совершенству.

Так в системе юмовского скептицизма, указывает Смит, все душевные качества, приятные или выгодные как для человека, обладающего ими, так и для прочих людей, одобряются как добродетельные. Но достоинства или полезность страсти состоит в пристойной степени ее напряжения. Поэтому добродетель по этой системе тесно связана не столько с самими чувствами, сколько с установлением приличных для них границ.

Различие между этой системой и той, которую намеревался установить Смит, заключается в том, что мерилom оценки страстей провозглашается не полезность, а симпатия или соответствующее чувство беспристрастного наблюдателя, в котором Смит, с

одной стороны, как бы персонифицирует нормы общественного мнения, а с другой — олицетворяет нашу внутреннюю совесть. *Теория нравственных чувств — это в первую очередь теория симпатии.*

Рассмотрим теперь обзор Смитом различных принципов одобрения. Здесь Смит также усматривает три способа или мотива одобрения. Среди философов, считавших, что одобрение имеет место только из любви к себе, Смит называет Гоббса, Пуффендорфа и Мандевиля. Критикуя их принципы, Смит указывает на недопустимость мотивирования сочувствия личной выгодой. Например, мужчина, переживающий роды любимой женщины, не извлекает из этого никакой пользы. В частности, Смит указывает, что Гоббс полагал, будто между справедливостью и несправедливостью нет никакого существенного различия. Их различие он целиком ставил в зависимость от воли правительственной власти. На деле попытка Гоббса подчинить требования человеческой совести правительственной власти, вырвав тем самым ее из-под власти фанатичного духовенства, была обусловлена крамольностью и честолюбием последнего, что было важнейшим источником общественных беспорядков в эпоху, когда жил Гоббс. Но это породило «возмутительное учение», для опровержения которого необходимо доказать, что разум человеческий естественно одарен способностью отличать похвальное, справедливое и добродетельное от несправедливого, достойного порицания в поступках.

Закон, как заметил глава кембриджских платоников Р.Кедворт, не может быть источником этих различий. Источником может быть только разум, показывающий нам различие между добром и злом так же, как и различие между истиной и заблуждением. Но, замеча-

ет Смит, хотя разум, несомненно, является источником всех общих правил нравственности и суждения, нелепо и невозможно предположить, чтобы в отдельных случаях, послуживших для составления общих правил, первоначальное представление о справедливом и несправедливом вытекало из разума. Эти первоначальные наблюдения, как и все прочие, на которых основаны общие правила, не могут быть предметом разума, но составляют предмет непосредственного чувства. Разум сам по себе не может сделать предмет приятным или неприятным, ибо главный предмет нашего влечения или отвращения — удовольствие и страдание, но отличает их друг от друга не разум, а непосредственное чувство.

Итак, Смит четко и определенно занимает позицию сторонников теории внутреннего чувства, уже традиционную для шотландских мыслителей. Он воздает должное Хатчесону, которому принадлежит честь точного доказательства, в каком смысле можно сказать, что «все нравственные различия составляют результат разума, а в каком отношении они непосредственно вытекают из чувства. Системы, полагающие принципом нашего одобрения и неодобрения чувство, разделяются Смитом на два класса. Первые полагают, что причина нашего одобрения лежит в чувстве особого рода, в силе впечатления, производимого на душу чувствами и поступками, из которых одни поражают эту душевную способность приятным, а другие неприятным образом. Так как это чувство по природе отлично от остальных, то ему и дали наименование нравственного чувства. Сторонником этой теории был Хатчесон, который доказывал, что себялюбие, а также любое отправление разума может быть не принципом одобрения, а лишь результатом совершенно особенной способнос-

ти, которую природа даровала человеку... Это чувство, замечает Смит, сходно с внешним чувством, например со вкусом и обонянием. Доктор Хатчесон, говорит далее Смит, старался защитить свою систему, доказывая, что она находится в согласии с законами природы, одарившей человека множеством чувств, в том числе чувством, отзывающимся на красоту и безобразие во внешних предметах, а также общественным чувством, посредством которого мы сочувствуем счастью или несчастью ближних. Но одновременно Хатчесон заявляет, что нелепо приписывать нашим чувствам качества, принадлежащие предметам, действующим на них. Все это находится, по мнению Смита, в известном противоречии с аналогией между внутренними и внешними чувствами.

Вместе с тем Смит выдвигает против этики Хатчесона и другие возражения, «отвергнуть которые затруднительно». Одно из них касается природы одобрения или неодобрения. Ясно, что нельзя унифицировать одобрение, как это делает Хатчесон. Так гнев, который мы испытываем против мужчины, отличается от гнева, испытываемого против женщины или ребенка. Возможны и возражения против самого понятия особенного и независимого морального чувства. Почему оно до последнего времени не было известно и даже не получило название ни на одном языке? Данный термин появился недавно и еще не прижился в английском языке. Да и действует ли моральное чувство когда-нибудь само по себе в чистом виде, спрашивает Смит. Можем ли мы почувствовать в себе его существование и увидеть, чем оно отличается от других чувств, как мы ощущаем впечатление радости и печали, надежды, страха, отчаяния?

Эта критика очень важна. Смит показывает, что натуралистическое рассмотрение внутреннего, социального по природе чувства (по аналогии с психологи-

ей внешнего чувства) неминуемо приводит к неограниченному расширению списка чувств. Принцип симпатии позволяет избежать плюрализма. Апелляция к социальной практике, отражающейся в языке, также весьма характерна, как легко убедиться в разборе позитивной части смитовского исследования.

Человеку свойственно участие к тому, что происходит с другими людьми. Истоки нашей чувствительности к страданию посторонних людей, по Смицу, лежат в нашей способности переноситься воображением на их место, в способности, которая доставляет нам возможность представлять себе то, что они чувствуют, и испытывать те же ощущения. Смит особо настаивает на этом моменте, считая, что «философы последнего периода» упустили его из виду. Не следует, однако, преувеличивать интенсивность симпатии, предупреждает Смит. Чувство нашей собственной безопасности, мысль о том, что в действительности страдает другой, не могут покинуть нас, ибо мы всегда сознаем, что перемещение в чужое положение, вызывающее симпатию, существует только в воображении.

Очень важна в этом отношении переписка Юма и Смита в период подготовки последним второго издания *Теории нравственных чувств* (1761 г.). Юм сообщил Смицу о том, что до него дошли слухи о подготовке второго издания *ТНЧ*, в котором Смит будто бы готовится внести дополнения и исправления в книгу. Юм предоставляет Смицу самому решать, в чем они будут состоять, но со своей стороны рекомендует более полно и детально обосновать то, что все виды симпатии являются необходимо положительными. Ведь может показаться, будто существует и отрицательная симпатия, что в обычном смысле на практике не может иметь мес-

то³⁰. Слезы и горе, симпатия к трагедии (сладкие слезы) были бы невозможны, если бы симпатия была сочувствием только положительному. Он напоминает Смиту, что и сам выражался в том смысле, что болезненно переносит горе и все мы всегда встречаемся с горем с неохотой. Отсюда пожелание Смиту «модифицировать» или получше объяснить это чувство и примирить его с собственной системой³¹.

Пытаясь преодолеть абстрактный подход к человеку, выявить его общественную природу, Смит утверждает, что общество может поддерживаться при содействии корыстного обмена взаимных услуг, за которыми всеми признана известная ценность. Человек не может довольствоваться ни к чему не обязывающей любовью к ближним или «воображать себя другом своих собратий только потому, что в глубине своего сердца он желает им благоденствия». Он должен идти к цели, указываемой ему жизнью.

Еще более отчетливы усилия Смита исследовать общественную стихию человека в разделе, посвященном происхождению и причинам наших суждений о наших собственных поступках и чувствах. Здесь Смит обнаруживает те же основания. Мы одобряем или порицаем наше поведение, смотря по тому, сочувствуем мы побуждениям и чувствам, руководившими нами, если мы вообразим себя в положении постороннего наблюдателя. Заслуживает внимания то, что Смит отчетливо понимает неприемлемость метода робинзонад в данном вопросе. Если бы можно было представить себе чело-

---

³⁰ The Correspondence of Adam Smith. Oxford, 1977. Letter 36 from David Hume 28 July 1759. P. 43.

³¹ Ibid.

века, пишет он, выросшего на необитаемом острове, вне всякого общения с людьми, то в нем не было бы никакого понятия о приличии и неприличии своих поступков и чувствований, о достоинстве и недостатках своей мысли, как и о красоте или безобразии своего лица. Но поместите этого человека в обществе, и он обретет зеркало. Он найдет его в собственном образе и образе людей, с которыми он будет жить вместе. Общество формирует наши мнения о характерах и поступках хороших людей и нашу склонность следить за впечатлением, которое мы производим на окружающих.

Смит проявляет себя как верный адепт школы внутреннего чувства. Нравственные способности — это первоначальный и самобытный инстинкт природы. Их исключительная цель состоит в одобрении или неодобрении оснований наших поступков. Способность эта составляет как бы род чувства. Как согласовать это с предыдущими рассуждениями об общественном происхождении наших оценок? Возможно, вслед за Хатчесоном Смит рассматривает нравственный инстинкт как потенцию, актуализирующуюся только в обществе. Как бы то ни было, опустив всю гносеологическую проблематику, беспокоившую Хатчесона, и как бы не замечая работы, проделанной в этом отношении Юмом, Смит просто объявляет: способности вложены богом в глубину наших сердец; эти чувства — поверенные бога, наказующие нас за нарушение нравственности неизбежным стыдом и угрызениями совести и награждающие за ее соблюдение «таким же неизбежным спокойствием и внутренним довольством».

Но все-таки необходимы какие-то рамки и для благочестия. Смит вовремя замечает опасность. Еще немало и ему пришлось бы признать религиозные прин-

ципы за единственные похвальные основания для наших действий и все наши естественные привязанности заменить единственно любовью к богу. Поэтому Смит указывает, что ложные представления в деле религии — едва ли единственные причины, которые могут совершенно извратить естественные чувства. И вообще во всем, что не имеет никакого отношения к религии, достаточно одного здравого смысла, чтобы вести нас если не к совершенству, то, по крайней мере, к поступкам более или менее близким к нему. В последнем прижизненном издании Смит снял тезис, который мог дать повод представить совесть и долг как данные Божественным Откровением способности. Как видим, отношение к религии у Смита достаточно сложное. Отвергая главенствующее значение благоволения и благожелательности, которое придавал им Хатчесон, он тем не менее воспроизводит теологический способ их обоснования: любовь ко всему человечеству может доставить радость только тому, кто проникнут глубоким убеждением, что все существа, населяющие вселенную, находятся под покровительством мудрого и по природе своей благого существа, управляющего миром. Именно богу принадлежит наблюдение за порядком и попечение о всемирном благополучии. Назначение человека скромнее — он должен заботиться о собственном счастье, о благосостоянии своего семейства, своих друзей, своей страны. Это достаточно сложная миссия. Смит отлично понимает, что любовь к отечеству вовсе не вытекает из любви ко всему человечеству и побуждает смотреть со злобой и завистью на благосостояние и усиление соседних народов. А эгоизм сословий, как правило, оказывается сильнее их патриотизма.

Внешне теория морального чувства Смита носит психологически-дескриптивный характер, что с известной натяжкой можно представить как результат вли-

яния Юма. Вместе с тем еще раз отметим, что смитовская теория не совпадает с юмовским учением о симпатии. Система Юма, указывает Смит, полагает добродетель в полезности, а удовольствие, доставляемое наблюдателю полезностью, приписывает симпатии его к счастью того, кому доставляет пользу это качество. Такая симпатия не похожа на то сочувствие, которое заставляет нас разделять побуждения действующего человека, ни на то сочувствие, которое вызывается в нас признательностью того, кому оказывается благодеяние.

Хотя Смит еще более тщательно, чем Хатчесон, избегает любой модификации локковской гносеологии, нетрудно увидеть, что он стоит на позиции «сентиментализма» — теории внутренних чувств, когда, например, критикует Кедворта за ошибку относительно функций разума в моральных дистинкциях или когда он, в духе Шефтсбери и Хатчесона, призывает к очевидности моральных правил и апеллирует к божеству как разумному и благому устройителю вселенной. Правда, этот призыв к божеству — призыв деиста. Смит указывает, что человек, не верящий в бога, совершив преступление, о котором никто никогда не узнает, все-таки будет терзаться угрызениями совести.

Как мы видели, теория нравственных чувств знаменует собой начало отхода от натурализма, попытку придать теории морали социологическое измерение. Само центральное понятие теории «симпатия» трактуется как «общественное чувство». Однако исследование продолжает оставаться сугубо абстрактным, интроспективным, а не экстраспективным.

Преодоление абстрактного подхода к изучению природы человека могло привести Смита к другим результатам. Он, например, писал: «Повествование о вой-

нах, интригах, партиях и революциях не что иное, как собрание опытов, с помощью которого политик или представители моральной философии устанавливают принципы своей науки».

3. *Богатство народов*: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно»

В *Исследовании о причинах и природе богатства народов* объектом изучения становятся гражданское общество, общественные отношения, в том числе отношения производства и обмена, а также их история, история науки и различных социальных институтов, наконец, «экономический человек». Легко увидеть, что сводить знаменитое произведение Смита только к политекономической проблематике нельзя.

Возникает вопрос, в каком же отношении находится учение Смита о природе человека в *Богатстве народов* и в *Теории нравственных чувств*. Существуют различные точки зрения по этому вопросу: *Теория нравственных чувств* и *Богатство народов* (1) противоречат друг другу, (2) не противоречат, а образуют единство, (3) независимы друг от друга. Нельзя не признать, что найти логическую связь между «экономическим» и «нравственным» человеком Смита весьма затруднительно. Вместе с тем не следует считать теорию морали обоснованием альтруизма, а симпатию — принципом благожелательности.

В *Теории нравственных чувств* предпринята попытка синтетического подхода к человеку как единству противоположных склонностей. Смит там пишет: какую бы степень эгоизма мы не предполагали в человеке, природе его свойственно участие к тому, что слу-

чается с другим. Человек может существовать только в обществе... все члены человеческого общества нуждаются во взаимных услугах. Общество может поддерживаться при содействии корыстного обмена взаимных услуг, за которыми всеми признана известная ценность.

Но Смит одновременно подчеркивает, что всякий человек, по внушению природы, заботится прежде всего о самом себе. Поэтому каждому из нас несравненно дороже наши собственные интересы, чем интересы прочих людей. Вместе с тем себялюбие и нравственность не релевантны: «любовь к самому себе ни в каком случае не может быть добродетелью, в какой бы степени она ни проявлялась и какое бы направление ни придавала она нашим поступкам».

С 1767 года Смит преимущественно проводит в родном Керколди, в глубоком уединении работая над своим главным трудом. Уже в начале труда он проводит демаркационную линию между *ТНЧ* и *БН*. Обосновывая ключевое понятие *БН* – разделение труда, – он видит его причину в определенной склонности человеческой природы к мене, торговли и обмену одного предмета на другой. Эта склонность антропологически не имеет ничего общего со склонностью или способностью симпатии. «Не от благожелательности (курсив мой. – *М.А.*) мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности (т.е. не к симпатии. – *М.А.*), а к их эгоизму и всегда говорим не о наших нуждах, но об их выгодах³².

---

³² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М., 1935. С. 17.

Итак, жизненно важные потребности создают на основе производственного разделения труда такую развивающуюся систему обмена из хаотичного конгломерата людских действий. Ответ на вопрос о том, как это происходило, происходит и должно происходить, и составляет *Исследование о природе и причинах богатства народов*.

Первая книга *БН* имеет такое название: «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа». Если к нему добавить оглавление 1 главы «О разделении труда», то мы будем иметь почти весь понятийный аппарат объяснения природы и причин богатства народов.

Это великое и по значению и по объему исследование действительно существует в трех временных ипостасях: оно действительно открывает экономические и социально-политические причины процветания наций, т.е. моделирует оптимум социальных отношений в то время, когда они еще не актуализировались в полном объеме как система, а существовали только потенциально, в *воображении* автора. Рождение же системы предполагало определенные условия, которые могли быть созданы и могли оказаться невостребованными, как это часто происходило в истории. На острове Великобритания нашлись влиятельные и внимательные высокопоставленные читатели труда Смита (так премьер-министр Великобритании У.Питт Младший на обеде, устроенном в честь автора *БН*, не сидел за стол, пока не сядет Смит, сказав: «Нет, доктор, после Вас; мы все здесь Ваши ученики»). У всех на глазах происходило становление будущей системы производства и обмена продуктами труда и ценностями, и ученикам хва-

тило здравого смысла (в чем они достойны своего учителя) не создавать серьезных внешних помех, которые могли бы помешать ей реализоваться.

В *Исследовании, посвященном производству национального богатства посредством труда*, Смит, как уже указывалось, строго разграничил морального человека и экономического человека. Именно труд последнего является причиной национального богатства. Должен был Смит кое-где поступиться и своим номинализмом, воспринятым от Юма. Некогда, характеризуя абстрактную философию Платона, Смит критиковал его учение об идеях как видах специфической сущности вещей за то, что Платон исходил не из природы вещей, а скорее из природы языка. В *БН* Смит позволил себе использовать абстракции в экономическом анализе. Тем самым, подобно Платону, он шел от общего к частному. Юм, получив первый том *БН*, сразу же обратил на это внимание. Он писал Смигу, что цена определяется вообще количеством и спросом³³. «Мне представляет-

---

³³ Ошибка Смита, по мнению современного исследователя М. Ротбарда, помогла Марксу *вообразить* еще одну составную часть цены — прибавочную стоимость. В экономических рукописях 1857—1858 гг. (Введение) он оценивал как огромное достижение А. Смита то, что он отверг всякую определенную деятельность, создающую богатство; у него просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не земледельческий, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также всеобщность предмета, определяемого как богатство (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XII. С. 730*). Вообще-то олимпийским чемпионом игр в абстрактные понятия был Платон. Но его вербально идеальное государство, рассчитанное на 5040 человек, по сравнению с проектом всемирного коммунистического общежития классиков научного коммунизма — всего лишь детский лепет.

ся невозможным, что Король Франции может взять налог с чеканки монеты в размере 8%. Никто бы не принес ни одного слитка серебра на монетный двор. Все было бы послано в Голландию или Англию, где все было бы отчеканено и вернулось бы во Францию всего за два процента»³⁴. Позже Рикардо заметил, что сначала продается товар, а потом выплачивается рента, а не наоборот.

Но все частные ошибки заслоняются грандиозной разработкой стратегии социально-экономического развития народного хозяйства, безусловно одобренной Юмом. Основные направления этой стратегии в теории — жесточайший удар по меркантилизму как типиковому пути в решении задачи роста национального богатства. Противопоставление ему промышленного развития на основе прогрессирующего разделения труда и свободы торговли — единственно возможный путь к богатству народа. Что вселяло уверенность в осуществимости этой стратегии? В какой-то степени начавшийся в середине столетия беспрецедентный экономический и культурный рост Шотландии — прямой результат либерального реформирования ее торговли, промышленного, сельскохозяйственного производства. Отсюда убеждение Смита, сложившееся уже в ранних произведениях и развитое в первой книге об оптимальной эффективности *естественного*, спонтанного развития природных и социально-экономических систем. То, что без всякого мистицизма Смит называл уже в ранних произведениях «невидимой рукой» (*invisible hand*). В «Предупреждении» к последнему изданию *ТНЧ* Смит указывает, что шес-

---

³⁴ Цит. по: *Mossner E.C. The Life of David Hume. Oxford, 1970 (1954). P. 271.*

тая часть «О свойствах добродетели» была переписана полностью. В 7-й части Смит соединил все, что было в разбросанном виде высказано в *ТНЧ* о стоической философии. Думается, в какой-то степени некоторые изменения вызваны выходом в свет и благоприятным приемом *БН*. Но в какой степени — это тема особого разговора.

Изучение конкретных общественных отношений в *Богатстве народов*, предпринятое спустя 17 лет после выхода 1-й книги Смита, начатое Смитом с анализа разделения труда, позволяет ему увидеть в новом свете ранее выдвинутые тезисы. Так положение о существовании в человеческом обществе взаимных услуг и т.п. наполняется историческим и социальным содержанием именно в свете учения о разделении труда. Раскрыто и содержание понятия «корыстного обмена услугами». Теперь Смит характеризует стремление человека к улучшению своего положения как могущественное начало, как естественное усилие, как постоянное, неисчезающее стремление, естественная склонность. Увы, услуги оказываются людьми не из симпатии и благожелательности, а из «соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к их гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим о наших нуждах, а лишь об их выгодах». Смит сравнивает это стремление с неизвестной нам жизненной силой организма, которая часто восстанавливает здоровье и силу вопреки не только болезни, но и нелепым предписаниям врача. Не означает ли такое настойчивое подчеркивание неумемного стремления «буржуазного» человека к материальным ценностям признание того, что это стремление полностью низводит до рыночной стоимости ценности нравственного и эстетического порядка?

Богатейшее идейное содержание знаменитого труда Смита заслуживает отдельного, обстоятельного исследования. Поэтому в рамках данной работы мы хотели бы более или менее произвольно выделить несколько проблем, которые, на наш взгляд, представляют особый интерес.

Первая — это то, что условно можно было бы назвать «парадоксом человеческой деятельности». Человек преследует определенные цели, но результаты его деятельности оказываются совсем другими. Главное: стремление человека к улучшению собственного положения, преследование частного интереса способствует общественному благу, «невидимая рука» приводит человека к цели, о которой он и не помышлял. Безусловная свобода предпринимательской деятельности, которую восхваляет Смит, однако уже в его время сыграла злую шутку с буржуазией. Когда в середине XVIII столетия был открыт дешевый способ перегонки спирта, ничем не ограниченная его продажа довела страну до повального пьянства. В одном Лондоне смертность в два раза превысила рождаемость. Кошмарная фантазмагория, в которой участвовали все: мужчины, женщины, дети и старики, запечатлена Хогартом в его «Улице Джина». Вот почему Смит решается на некоторое ограничение принципа. Хотя он и признает, что препятствовать фермеру отправлять его товар в любое время на наиболее выгодный для него рынок является нарушением обычных законов справедливости, он допускает подобное из соображений государственной пользы в случае крайней необходимости.

Установление буржуазных отношений, которое Смит называет революцией величайшей важности для общественного блага, «постепенно совершилось дву-

мя различными классами людей» — землевладельцами и торговцами с ремесленниками, «точнее безумием первых и трудолюбием вторых».

Одним из замечательных достижений Смита в книге является обоснование трудовой теории стоимости. Смит различает производительный (увеличивающий стоимость предмета) и непроизводительный труд, не производящий такого действия. Оспаривая «догму» физиократов о том, что производительным трудом является только сельскохозяйственная деятельность, Смит дает общее определение производительного труда как любого труда, обмениваемого на капитал, а непроизводительного как любого труда, обмениваемого на доход. На этом основании Смит решительно относит к непроизводительному классу государя со всеми судебными чиновниками и офицерами, всю армию и флот, а также священников, юристов, врачей, писателей всякого рода, актеров, паяцев, музыкантов, оперных певцов и танцовщиков.

Труд и вообще профессиональная деятельность человека во многом формирует его духовный облик. Умственные занятия и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Вот как, например, Смит описывает влияние труда на формирование личности пахаря и городского работника. Ремесло фермера требует больше искусства и опыта, чем большинство механических ремесел. И простой пахарь, хотя его обычно считают образцом глупости и невежества, обладает рассудительностью, недоступной городскому рабочему. «В умственном отношении низшие слои народа в деревне превосходят городское простонародье». Смит подроб-

но анализирует распространение образования, возможности получения знаний в зависимости от социального положения граждан.

Более того. Изучение влияния социальной структуры общества позволяет Смиту внести в понимание морали новый момент. В IV книге *Богатства народов* Смит пишет: в любом цивилизованном обществе, где уже вполне установилось разделение на классы, всегда существовали одновременно две схемы или системы нравственности... Первая обычно принимается и почитается простонародьем, вторая — так называемым обществом, людьми воспитанными и светскими. Выяснение зависимости содержания нравственных ценностей, норм от социального статуса субъекта морали — весьма плодотворный путь объяснения нравственности как таковой, не найденный Хатчесоном и по существу игнорируемый Юмом.

Столь же глубоко и плодотворно объяснение упадка влияния католицизма на общественную жизнь Европы. Устройство католической церкви, по мнению Смита, можно считать самой страшной силой, которая когда-либо была объединена и сосредоточена против власти и прочности гражданского правительства, а также против свободы и разума и счастья человечества... Сила католицизма в том, что самые грубые заблуждения суеверия питались и поддерживались частными интересами столь большого числа людей, что это ограждало их от всех нападений человеческого разума. Разум, хотя и мог разоблачить даже в глазах простого народа те или иные «фокусы» духовенства, тем не менее со своими «слабыми усилиями» не смог бы даже серьезно поколебать здание, выстроенное, казалось бы, на вечные времена. Постепенное развитие ремесел,

мануфактур и торговли — вот, по Смиуту, причина, уничтожившая власть крупных баронов, с одной стороны, и светскую власть духовенства в большей части Европы — с другой.

Важнейший аспект книги Смита состоит в теоретическом анализе наблюдаемых явлений, фактов, социальных, экономических отношений. Можно ли ограничиваться дескриптивным эмпиризмом, усвоенным Смитом у его старшего друга Д. Юма, который тот реализовал в *Истории Англии*? Погружение в исследование экономических отношений требовало решения вопроса об *эвристической силе абстракции*. В вопросе об абстракции, как было выяснено ранее, Юм стоял на позициях крайнего номинализма и свой анализ общих понятий обычно сводил к выяснению их фиктивности.

В своих ранних философских работах Смит также критиковал гипостазирование общих идей у Платона, хотя вынужден признать, что создать учение о происхождении общих идей даже сегодня является величайшей трудностью. Далее Смит критикует теорию абстракции Мальбранша и Локка. Но, видимо, Смита не устраивала и позиция крайнего номинализма Беркли и Юма, поскольку в противном случае он не преминул бы ее противопоставить критикуемым теориям абстракции. В политэкономических исследованиях *Богатства народов* Смит получил полную возможность проявить свое отношение к данному вопросу. Уже в начале работы Смит вводит понятие потребительной и меновой стоимости. Первая обозначает полезность какого-либо предмета, а иногда возможность приобретения других предметов, которую дает обладание данным предметом. Именно при определении меновой стоимости Смит вынужден использовать абстрагирование.

Но это не «гипотетическое абстрагирование, аналогичное геометрическому отвлечению от всего несущественного для нужд исследования», не идеальные математические объекты, это действительная квинтэссенция экономического отношения человека, когда Смит на вопрос, что является действительным мерилем меновой стоимости, из каких частей состоит действительная цена (вопросы по его выражению чрезвычайно абстрактные), называет труд единственным и действительным мерилом, при помощи которого во все времена и во всех местах можно было расценивать и сравнивать стоимость всех товаров. Смит идет еще дальше и указывает, что стоимость, которую рабочие прибавляют к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части. Работнику не всегда принадлежит весь продукт его труда. На этот фундамент опирается все последовательно развертываемое исследование Смита. Система Смита, ее судьба, ее истинность зависит именно от теории трудовой стоимости, от корректности ее абстракций.

Творчество Смита — действительный шаг в развитии шотландской философской мысли. Восприняв от Хатчесона проблематику теории внутреннего чувства и развивая ее дальше, он, под влиянием Юма, обращается к изучению историко-социальной практики. Смит является одним из инициаторов подхода к феномену человека с учетом всего богатства его исторических и общественных связей. Именно на этом пути можно было ожидать открытия тайны происхождения нравственных и эстетических ценностей, норм, критериев. За Смитом последовали представители так называемой исторической школы, в которую входили У.Робертсон, А.Фергюссон, Дж. Милляр и др. Так Фергюссон в ра-

боте *Опыт истории гражданского общества* указывает, что повествование об одном человеке отдельно есть не что иное, как подробное изложение его чувствований и мыслей в отношении к подобным себе, а всякий опыт по сему предмету должно делать над целым обществом, а не отдельно над одним человеком.

Вместе с тем отметим нежелание Смита следовать за Юмом в ревизии локковской гносеологии. Здесь Смит еще более консервативен, чем его учитель Ф.Хатчесон. Однако «не замечать» юмовские инновации в обосновании ценностного мира нельзя было бесконечно. Одну из первых попыток «ответа» мы находим у старшего современника Смита Генри Хоума.

4. Смит: Pro et Contra

Адам Смит, сидя в своей комнате у камина, произвел больше перемен, чем многие первые министры.

Г.Спенсер. Представительное правление и к чему оно пригодно (1857)

Увы, время меняет смысл книг. История идет дальше в глубь будущего, теряя по дороге книги и заново обнаруживая на своем пути книги прошлого и вот уже дети противников Смита его прославляют, потомки его сторонников насмеваются над ним и чуть ли не презирают. Разошлись оценки его трактовки вмешательства или невмешательства государства в экономические процессы, его понимания конкуренции и т.п. Марксисты считают его своим (трудовая теория стоимости), своим считают его и неоклассические либералы (Ф.Хайек — индивидуализм, стихийное возникновение государственных институтов, *Laissez passer*).

У кейнсианцев он также в святцах, хотя и с некоторыми оговорками (недостаточно ограничивал свободу торговли).

Современный исследователь Д.Р.Лингрен называет его мифом об Адаме Смите как неостроумном эклектике, которому удалось увидеть мельком невидимые силы, формирующие человеческое поведение и унифицирующие драму общества. Этот миф, говорит он, имеет лишь поверхностное сходство с глубоко человеческим философом, который дал исходный импульс тому, что стало в руках менее проницательных людей экономикой. Пожалуй, некоторая неопределенность такой характеристики наиболее симпатична. Смит писал книгу, не Скрижали. И относиться к ней уместнее как к книге, увеличившей духовное богатство народов, как бы ни толковали *БН* за уже 225-летнюю историю.

ГЛАВА II.
АДАМ ФЕРГЮСОН (1723–1816)
ТЕЗКА И СВЕРСТНИК АДАМА СМИТА

**1. Священник, солдат, ученый,
профессор...**

Сверстник и тезка Смита Адам Фергюсон, бывший полковой священник, став светским человеком, вошел в философский кружок в Эдинбурге с середины 50-х годов, разделив просветительские взгляды его членов и его неформального лидера Юма. Его главная книга *Опыт истории гражданского общества* вышла в 1767 г. и сразу была принята публикой, вопреки опасениям Юма, считавшим публикацию преждевременной. Фергюсон проявил в *Опыте* недюжинную оригинальность, хотя и признавался, что ему нечего добавить к тому, что написал Монтескье. Он также поддерживал стратегическую идею Юма о стихийном (аффективном по Юму, инстинктивном по Фергюсону) происхождении государственных институтов и установлений. Вместе с тем Фергюсон выдвигает идею, отрезвляющую безграничный оптимизм, столь свойственный веку Разума. Эта идея о цене прогресса. Прогрессирующее разделение труда обособляет от общества представителей важных профессий – военных и политиков. Это приводит к коррупции, поскольку жизненно важные проблемы мира и войны и свободы народ поручает посторонним

профессионалам. Фергюсону совершенно несправедливо и некомпетентно отдан Марксом приоритет открытия неоченимой важности социального явления — разделения труда. Это несуразное мнение исправлено в данной главе.

Когда Эдинбургский философский кружок, мозговой центр Шотландии в середине пятидесятих годов XVIII столетия, пополнился отставным капелланом Фергюсоном, Юм уступил ему место смотрителя библиотеки адвокатов. В 1759 г. Фергюсон служит на кафедре натуральной философии в университете Эдинбурга, с 1764 там же заведует кафедрой пневматики и моральной философии. Став в 1766 г. доктором права, в следующем году издает *Опыт истории гражданского общества*, свой самый известный труд. Возраст акме вобрал в себя богатый жизненный опыт. Адам родился в Пертшире, графстве на границе с горной Шотландией, 20 июня 1723 г., в один год с другим Адамом — Смитом. После учения в приходской деревенской школе и грамматической школе в Перте, в 1738—1742 гг. был студентом Университета св. Андрея, где получил степень магистра искусств, после чего поехал в Эдинбург — учиться на священника.

В 1745 назначен заместителем капеллана 43 шотландского полка «Черная стража» и сразу с палашом в руках принял боевое крещение, за что получил выговор от командира: мол, надо заниматься своим делом. Однако на следующий год Адам — уже главный капеллан полка. Его проповедь, заклеившая Дом Стюартов, Папу Римского и Францию, так понравилась знатной особе, матери командира полка, что она издала за свой счет ее английский перевод. Так началась литературная деятельность Адама. Простаясь навсегда с арми-

ей и церковью в 1754 г., отставник Фергюсон провел два года в Голландии и Саксонии. Вернувшись на родину, он принял участие в движении умеренных религиозных реформаторов и, как уже указывалось, начал преподавательскую деятельность. Через два года после выхода в свет *Опыта истории гражданского общества* опубликовал для студентов колледжа Эдинбурга пособие *Наставления моральной философии*.

В 1774–1775 г. Фергюсон – воспитатель Чарльза Честерфильда, с которым путешествует по Франции и Швейцарии. Во время этой поездки встречается с Вольтером.

После начала войны за независимость американских штатов принимает участие в полемике, развернувшейся в британском обществе, и в работе образованных комиссий по урегулированию конфликта. Усилия комиссии оказались тщетными, и Фергюсон возвращается к научной работе, издав в 1783 г. весьма популярный в его стране труд *История прогресса и падение Римской республики* (его затмило только аналогичное исследование Э.Гиббона *История упадка и разрушения Римской империи*). В 1785 г. оставляет кафедру моральной философии своему ученику Д.Стюарту. Последнее его произведение, *Принципы моральной и политической науки*, составлено по материалам лекций в колледже Эдинбурга.

В 1793 г. Фергюсон в последний раз посетил Европу. В Германии его избрали иностранным членом королевской прусской академии наук и искусств.

Умер Адам Фергюсон 22 февраля 1816 г. Таков его жизненный путь, путь священника, солдата, ученого, профессора и не востребовавшего в полной мере государственного мужа.

2. Книга жизни. Диспозиция

В архиве ученого осталось много неопубликованных рукописей. Тематика некоторых из них весьма привлекательна. Например, «О принципе моральной оценки», «О свободе и необходимости»; «Что можно утверждать и постигать относительно Высшего существа», «Экскурсия в Хайленд» (Горная Шотландия. — М.А.), «Пресловутые радости воображения»³⁵, «О науках, предмет которых дух», «Характеристики природы человека», «О природе и искусстве»; «О различных сторонах моральных наук»; «О политиках и военных», «О категориях, образующих рассуждения и продукты мысли».

Трудно судить о непрочитанном Фергюсоне, но очевидно, что из опубликованных произведений основное место занимает его труд *Опыт истории гражданского общества* (1767), выдержавший при жизни автора 6 изданий. Написанная, в отличие от большинства современных сочинений такого рода, сжато и ясно, книга сразу получила признание и уже на следующий год после выхода была переведена на немецкий язык. Между тем близкий друг автора и в чем-то его покровитель Давид Юм высказывал опасения относительно дальнейшей судьбы творения Адама и считал его публикацию преждевременной. Нет оснований сомневаться в доброжелательном отношении Юма к младшему коллеге по философскому цеху: первая версия *Опыта* — *Об усовершенствовании* расценивалась им как эскиз будущей великой книги. Окончательный же ее вариант мог, по мнению Юма, нанести непоправимый удар по научной репутации друга. Что же смущало мэтра?

---

³⁵ Радости (удовольствия) воображения — выражение Аддисона.

И изменил ли он свое мнение после того, как современники и близкие друзья Юма приняли книгу «на ура»? Однозначного ответа нет. Возможно, какой-то свет могла бы пролить неопубликованная работа *О принципах моральной оценки*, в которой описывается беседа Д. Юма, А. Смита и некоего Роберта Кларка, выражавшего взгляды самого Фергюсона, но она нам, к сожалению, недоступна.

Особое мнение Юма поставило участников его кружка в неловкое положение, поскольку те поспешили расхвалить книгу Фергюсона. Как бы то ни было, инцидент не нарушил добрые отношения друзей. Юм завещал А. Фергюсону (так же как А. Смигу и Ж. Даламберу) немалую по тем временам сумму, по 200 фунтов стерлингов.

Все основные проблемы природы человека и его общественного бытия заново обсуждены в труде Фергюсона. Изначальная «общежительность» человека рассматривается автором *Опыта истории гражданского общества* как переход от грубого, первобытного «дикого» общественного состояния к цивилизации, причем выявляется несовпадение этого процесса с совершенствованием моральных качеств человека, т.е. ставится вопрос о регрессивных сторонах общественного процесса. Цивилизационный процесс, рафинируя общественные отношения и институты, увеличивая богатство нации, создает возможность обособления людей от общества, они теряют чувство гражданственности. Такое попятное движение называется коррупцией.

Моралистическая критика коммерческого общества во многом обусловлена жизненным опытом автора. Рожденный на рубеже между горной и равнинной частями Шотландии, он с детских лет жил как бы в двух

мирах. Реликтовом — клановом, с отношениями кровнородственными и патерналистскими — и «цивилизованном», с обезличенными социальными связями, обществе коммерческом и «атомизированном», где всё — на продажу. Большую часть жизни он прожил в равнинной Шотландии, говоря словами Бернса, «В горах моё сердце, доныне я — там». Здесь кроются истоки своеобразных оценок социального развития в современную и прошлые эпохи, ностальгия по Спарте с ее строгой моралью и неприязнь к демократическим Афинам, моралистическая оценка коммерческого общества.

Нестандартность подхода шотландского социолога и моралиста проявляется в трактовке традиционного для политической литературы того времени вопроса о естественном состоянии. Как известно, существовало представление о первобытном или естественном, природном состоянии как асоциальном, разобщенном бытии человека, в крайнем случае допускалось существование семьи, которая жила сама по себе, с тенденциями постепенного объединения с другими родственными семьями. Конец естественного состояния наступает тогда, когда разросшееся племя или род заключают общественный договор, учреждающий ту или иную форму государственного правления со взаимными правами и обязанностями правителя и подданных. По Гоббсу, этот переход к общественному или гражданскому состоянию был результатом истребительной войны всех против всех; по Локку — добровольного согласия людей, живших в относительном мире, но благоразумно предположивших, что при установлении государственных институтов и законодательства у них повысится уровень личной безопасности и сохранности наследуемой собственности. Существовала и другая точка зрения —

Давид Юм считал общественный договор философской фикцией. Группы семей консолидируются в общество стихийно или насильственным путем объединяются в государстве посредством завоевания интервентами³⁶. Разделение человеческой истории на естественную (предысторию) и общественную впервые артикулировано в терминах светской доктрины Т.Гоббса, который ведет ее разработку независимо от христианской дихотомии — до грехопадения и после грехопадения. Так возникла возможность раздельного анализа естественной и общественной природы человека, а в дальнейшем и противопоставления естественных и социальных законов.

Фергюсон по этим ключевым вопросам имеет свою точку зрения. Она находится в оппозиции со взглядами Ж.Ж.Руссо. Естественное состояние не осталось в прошлом, оно было и будет всегда и везде. Иначе говоря, Фергюсон считает природу человека неизменной и отвергает попытки обвинить «общепринятые институты, ныне действующие в человеческом обществе, в посягательстве на то естественное состояние, которое в равной мере оберегало нас как от нынешних бед, так и от наших нынешних благ³⁷. Что касается прогресса, то он заложен в самой природе человека, в чем и заключается его отличие от животных.

Фергюсон объявляет теорию «войны всех против всех», а также попытки представить естественного человека как лишенного всех тех способностей, которые

---

³⁶ См.: Шотландская философия века Просвещения. Часть 1. Глава 3: Давид Юм. Учение о природе человека. I 8: Основания политики. Собственность и справедливость. М., 2000.

³⁷ См.: Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М., 2000. С. 32.

возвышают его над животными бесплодными поисками, приводящими к множеству «безумных предположений». Основной порок всех этих измышлений в том, что их создатели не обращают внимания на человека, каким он является нашему непосредственному наблюдению и каким сходит он со страниц истории.

Эта эмпирическая программа исследования подкрепляется постулатом: «людей надо рассматривать в сообществах так, как они всегда жили»³⁸. Мысль, высказанная любимым автором Фергюсона — Шарлем де Монтескье — человек рождается в обществе и остается в нем. Фергюсон признавался, что не знает, что можно добавить к написанному Монтескье, однако добавил. Он жил в стране более социально развитой, чем Франция. Заметим, что Юм был иного мнения об авторе *Духа закона* и полагал, что его слава сильно убудет к концу Века Разума.

Акцент на социальном характере природы человека не исключает наличия общих черт с животными — например, инстинкта самосохранения. Однако человек очень рано дополняет его саморефлексией и предвидением возможных последствий окружающих событий и своих собственных действий. Подобным образом совершенствуются и другие инстинктивные желания.

Фергюсон резко выступает против редуccionизма Гоббса, видящего во всех движениях души корыстную подоплеку. Сторонники «эгоистической» этики считают, что даже благожелательность мотивируются личной выгодой. Но невозможно жить и действовать вместе с людьми, не отличая гуманного от жестокого, благожелательного от эгоистического различными именами³⁹.

---

³⁸ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. С. 34.

³⁹ Там же. С. 49.

Признавая великое разнообразие способностей и талантов в человеческой природе, Фергюсон главным призванием и занятием человека полагает публичную деятельность и формирование в ней собственного духа. И нет лучшей цели у людей, чем благо человечества, а из всех его талантов нет лучше тех, которые делают его способным жить с людьми. Однако это идеальная модель человеческого призвания. Реально человек в большой степени зависит от своих страстей. Именно соотношение познания (разума) и страстей выявляет то, что люди способны осуществить. Так как человек представляет конгломерат противоположных тенденций, соединение людей для совместного ведения дел еще более усложняет картину. Эта исходная диспозиция, анализируемая ближайшими предшественниками Фергюсона, Френсисом Хатчесоном и Давидом Юмом⁴⁰. Как и они, Фергюсон особое место в человеческой природе отводит моральному чувству. Это особая восприимчивость к добродетели и пороку, вызывающая восхищение и сострадание, либо возмущение и негодование. В совокупности со способностями рассудка и разума она составляет основу нравственной природы и вместе с тем она дает критерий похвалы и осуждения⁴¹.

Раскрытие активных сил и моральных качеств человека содержат в себе определения счастья человека. Будучи деятельным существом, человек может обрести счастье только в деятельности. Но в какой? Все занятия подразде-

---

⁴⁰ См.: *Абрамов М.А.* Шотландская философия века Просвещения. М., 2000. Часть 1. Глава 2: Френсис Хатчесон. §4: Система моральной философии; Глава 5: Гражданская политика; Глава 3: Давид Юм. § 9: Политика как таковая.

⁴¹ *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. С. 76.

ляются на два класса: эгоистические и социальные. Первые тяготеют к скрытности, соперничеству и вражде, вторые же располагают к совместной жизни с окружающими, объединяют людей. Ясно, что следует ориентироваться на вторые, общественно полезные склонности. Присущая индивиду забота о животном самосохранении может выродиться в алчность, тщеславие или гордость, став пагубной для наших радостей и враждебной к благосостоянию людей. Но что если таков выбор индивида и удовлетворение этого чувства будет представляться ему самодостаточным счастьем? Требуется, видимо, внешний критерий счастья, дабы продемонстрировать ложность такого эгоистического представления. Тут есть соблазн сослаться на Бога, что и сделал Ф.Хатчесон⁴², Фергюсон не идет по этому пути, поскольку следование заповедям Господа за потустороннее вознаграждение также может быть истолковано как расчет. Фергюсон, правда, признает, что благожелательность и удовлетворение других содержит основу наслаждения и самого существования в мире, управляемом мудростью Божьей, но последние слова придают внешнему критерию локальный характер, поскольку он вовсе необязателен для нехристианских народов с иной версией происхождения и устройства мироздания. Собственная версия ответа будет дана позднее, и она уже обходится без ссылки на Божью мудрость, пока же Фергюсону достаточно подчеркнуть, что указание на частный интерес как на чуть ли не единственный мотив поведения несостоятельно, поскольку ему противостоит и исторический опыт человечества, и сама стихия языка, отторгающая надуманные вербальные эксперименты.

---

⁴² См.: *Абрамов М.А.* Шотландская философия века Просвещения. М., 2000. Глава 1. I 4: Замысел Божий о человеке.

Поскольку человечество всегда жило в сообществах, то структурные единицы человеческого общества, такие как нации, выступающие некими историческими целостностями, требуют специального рассмотрения. Сам индивид лишь часть целого и как таковой уже не принадлежит самому себе. Он должен отказываться от счастья и свободы там, где они мешают благу общества⁴³. Делаящие это добровольно – счастливейшие из смертных. Здесь подразумевается отказ от естественной свободы, существующей в «грубом» состоянии человеческого общества, и в этом самоограничении и заключается общественная добродетель, свойственная цивилизации. Такой альтруизм, однако, коммерческому обществу представляется «пережитком прошлого». И поскольку негласным девизом Фергюсона могли быть слова «В горах мое сердце», с коммерческими оценками он решительно не соглашался. Правда, патриот Шотландии предпочитал обращаться к примеру Спарты как образцу гражданских доблестей.

Далее. Нации обладают различными характерами, хотя и проходят различные этапы развития от дикости через варварство к цивилизации. Но темпы их прогресса не совпадают. Отсюда соперничество и раздоры, многообразие политических и правовых форм различных обществ. Крайними полюсами всех основных форм правления являются, по нетрадиционному взгляду Фергюсона, совершенная (видимо, подразумевается прямая) демократия и абсолютная деспотия. Первая возможна при совершенной добродетели, вторая – при полной развращенности общества.

---

⁴³ См.: *Фергюсон А.* Цит. соч. С. 113.

Решающий фактор — духовный потенциал общества. Уровень этого потенциала определяет степень ориентации личностей на духовные (в отличие от материальных) ценности.

3. От теории к практике. Дикость — варварство — цивилизация

Установив общие черты человеческой природы, которыми она обладает изначально и которых не утрачивает в последующей истории, Фергюсон переходит к рассмотрению конкретной истории, ставя тем самым телегу впереди лошади. Как заметил Б.Н.Чичерин, «он утверждает, что наблюдение частных случаев должно предшествовать установлению общих правил, поэтому он считает историю основанием всех наук, касающихся человека. С другой стороны, когда он берется писать историю, он предпосылает изложению фактов готовую уже теорию»⁴⁴. Но так же поступают и учителя Фергюсона — Ф.Хатчесон и Д.Юм. Известно, что спустя почти 20 лет после метафизического *Трактата о человеческой природе* Юм издал *Историю Англии*. Оба исходили из того, что установленные ими формальные структуры человеческого духа принципиально тождественны во все времена, что может удостоверить любой субъект посредством интроспекции. Материальное же наполнение чувственных и материальных форм, происходящее в процессе приобретения индивидом жизненного опыта, приводит к бесконечному разнообразию содержания духа каждого субъекта. В этом оправдание их

---

⁴⁴ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 3. М., 1874. С. 23.

метода, но нельзя не признать, что оно недостаточно. Юм, впрочем, предупреждал, что знание о фактах имеет вероятностный характер.

Во второй части *Опыта* Фергюсон констатирует, что народы развиваются от дикости к цивилизации неравномерно, но нигде не предполагает конечное торжество прогресса, так же как и окончательную гибель развращенного до мозга костей общества, хотя он иногда и прибегает к аналогиям с рождением, развитием и смертью живого существа, но это относится к отдельным нациям, но не к человечеству в целом.

Обращаясь к древней истории, он обнаруживает вехи того медленного и постепенного прогресса, в ходе которого народы приобретают различный характер и пути развития. Этот тезис иллюстрируется обращением к Священной истории, истории греков и римлян. Схожие условия сопровождали и становление галлов и германцев. Что касается племен, населявших Британию до вторжения римских легионов, то они напоминали, по мнению Фергюсона, аборигенов Северной Америки.

Но можно ли удовлетворительно описать первобытного человека простым вычитанием всех наших нынешних достоинств? Тут автор подмечает весьма распространенный с античности грех модернизации предмета исторических описаний. Он призывает к критическому отношению и к древним историкам, и к национальным мифам, которые, будучи свидетельством художественной одаренности сложивших их народов, не могут рассматриваться как источник исторических фактов. В итоге, даже при очень высоком уровне исторических исследований, мы лишены возможности фактического проникновения в начальные стадии челове-

ческой истории, но в качестве аналога можем использовать современные неразвитые народы, путь которых мы некогда прошли.

При всей неопределенности фактической и хронологической первоначальной стадии человеческой истории Фергюсон выделяет период, предшествующий появлению собственности, с которым он связывает дикость и период утверждения собственности, но без охраняющих его законов — варварство. Высшим же типом общества будет цивилизация с развитыми политическими учреждениями и законодательством. Эту периодизацию, дикость-варварство-цивилизация в девятнадцатом веке можно найти у Фурье и даже у Энгельса.

С «открытием» собственности человечество посредством множества переходных ступеней обретает трудолюбие. Эта гипотеза близка к локковской теории трудового происхождения собственности. Мотивация индивида в стремлении к приобретению, увеличению или расширению собственности чисто психологическая, то есть субъективная. Но степени трудолюбия у разных народов различны и определяются какими-то объективными факторами, повлиявшими на неравномерность прогресса.

В первую очередь, это влияние климата и географического местоположения. Как известно, Монтескье основал натуралистическую теорию решающего влияния на общества климата, почвы и рельефа поверхности. Но можно исходить, как продемонстрировал Юм, и из допущения изначальной разнородности человеческих рас. Так в эссе *О национальных характерах* он предположил, что «все нации, живущие за полярным кругом или в тропиках, ниже остального человечества и не способны ни к одному из высших дости-

жений человеческого духа. Несомненно, однако, что национальные характеры очень неоднородны в умеренных зонах и что почти все общие наблюдения, относящиеся к людям, живущим южнее или севернее этих зон, оказываются недостоверными и ошибочными». К этому высказыванию Юм добавляет в издании 1753—1754 г., что негры и вообще другие расы по природе ниже белых. Даже переселенные в благоприятные климатические условия представители небелой расы не проявляют выдающихся талантов в любой области, за редкими исключениями. Опять поспешная оценка!

Фергюсон не противопоставляет так резко расы, хотя и признает, что гений политической мудрости и гражданских искусств тяготеет к определенным частям света. Но разнокачественность природ человека из этого не следует. И дикарь, и гражданин, и раб, и хозяин могут обладать жизненными силами, способностями и те же душевные силы могут быть обращены на весьма различные цели. Фергюсон готов допустить, что условия крайнего холода и жары сужают активность человеческой жизни, но для исследования конкретного исторического пути гражданского общества следует расстаться с теми районами земли, в которых человек в силу особенностей местоположения или климата оказывается стремительным в своем национальном развитии и заторможенным в смысле развития способностей духа.

4. В горах моё сердце, доныне я там... Цена Прогресса

Сразу же перед исследователем встает проблема происхождения неравенства, и здесь Фергюсон приходит к одной из важнейших идей, призванное вытеснить рационализм из еще одной облюбленной им области познания.

Политические учреждения и законодательство образовались в ходе поступательного развития человечества. Но образовались они не в результате чьего-то проекта или плана, а на основании инстинкта, стихийно. Эта гипотеза сходна с юмовским тезисом о том, что различные институты и правила общежития создаются не разумом, а аффектами. У Смита нечто подобное выражено в образе невидимой руки. По сути это прообраз синэнергетической идеи: система, получаемая путем самоорганизации, оптимальна. На ней основана теория государственного невмешательства в экономику, развиваемая вслед за манчестерской школой неоклассическим либерализмом (Л. Фон Мизесом и лауреатом нобелевской премии Ф.Хайеком). В его 12-й завершающей лекции, прочитанной в Дублинском университете в 1945 г., он особо выделяет мысли Фергюсона о том, что нации спотыкаются об установления, которые являются на самом деле результатом человеческих действий, а не человеческого намерения. Восходящая к Юму и развитая Смитом идея о происхождении общественных институтов из темных и удаленных источников, задолго до возникновения философии, из инстинктов, а не из размышлений человека, разделяется и Фергюсоном. Впоследствии эту мысль подхватил Карл Менгер, который возродил методический индивидуализм (который, дума-

ется, можно назвать и номинализмом. — М.А.), свойственный Юму, Смуту и Фергюсону, и указал на связь между теорией сознательного конструирования социальных институтов и социализмом⁴⁵.

Другая сторона этой проблемы — вопрос о свободе. Ведь любые исторические события складываются из индивидуальных действий одних и противодействия или бездействия других индивидов. Когда индивид действует свободно и когда можно считать бездействующего индивида свободным? Определение Фергюсона таково: там, где за индивидом закрепляются права собственности и где осуществление этих прав находится под защитой, индивид может быть признан свободным; и самоограничения, не позволяющие ему совершать преступления, являются частью его свободы.

Автор *Опыта* не считает свободу основной политической категорией и не связывает с ней благосостояние общества. Кроме того, он, кажется, представляет свободу следствием, а не причиной добродетели. Его больше интересует выявление причин дестабилизации общества — помимо психологического фактора — традиционных страстей — зависти, корыстолюбия, ненависти, тщеславия и т.п. объективные причины — неравенство в распределении собственности, социальные, сословные или классовые привилегии. Приводимый Фергюсоном пример Спарты, где большинство субъективных и объективных источников коррупции были перекрыты, демонстрирует предпочтительную для шотландского мыслителя модель цивилизации, поскольку

---

⁴⁵ См.: Хайек Ф. Индивидуализм истинный и ложный // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (1 пол. XX в.). М., 2000. С. 388.

она сохраняет многие, казалось, обреченные на исчезновения в коммерческом обществе, сходные добродетели хайлендеров — жителей горной Шотландии.

Добродетель как главная воспитательная цель государства, выдвинутая Аристотелем в *Политике*, в отличие от утопии справедливого государства Платона, основывалась на вполне реальном осуществлении «золотой середины» и в политических институтах, и в жизненной ориентации человека. Некоторые современные исследователи полагают, что Аристотель представил в конце своей книги о политике идеальную модель политеи, уже воплощенную в жизнь его воспитанником. Для шотландца Фергюсона проблема заключалась в поиске гармоничного симбиоза деловой эффективной активности коммерческого общества с неистраченным моральным потенциалом человеческих сообществ прошлого. Заметим: тезка Фергюсона указывал, что, обращаясь к мяснику, мы взываем не к его нравственности, а к его выгоде. Фергюсон предостерегает от увлечения деловой активностью, она порождает свою противоположность — социальную пассивность и разобщенность людей, удовлетворенный частный интерес равнодушен к общественному благу. Это то, что впоследствии будет названо индивидуализмом, которому Сен Симон будет противопоставлять социальность.

Пагуба обособления частных лиц заключается в утрате ими общественных связей и гражданского мужества в отстаивании своих свобод.

Исследование социального прогресса, может быть впервые, приобретает новое изменение — культурологическое. Фергюсон обращается к общей истории искусств и ремесел, а также литературы, в которых за многовековую практику совершенствуются таланты чело-

века и реализуются его изначальные способности. «Совершенства можно достичь многими путями, и мы не знаем, кому воздать высшую хвалу — первым или последним участникам прогресса»⁴⁶. В век нормативной эстетики такой переход противостоял классицизму и оспаривал его претензии быть единственной эстетически легитимной парадигмой художественного творчества.

Выживание людей при многообразных внешних условиях и внутреннем многообразии потенций индивидов достигает успеха при наличии разделения труда и специализации людей на выполнении задач, требующих особого умения и особого внимания к себе. Случайности, порождающие неравномерное распределение средств к существованию, а также личные склонности и благоприятствующие обстоятельства закрепляют за отдельными людьми различные занятия, а соображения целесообразности подталкивают их к бесконечному разграничению профессий.

Специализация приводит к товарному изобилию и улучшению качества товаров. Богатства увеличивают мощь и значение наций. Этот процесс развивается стихийно, и никто не мог предвидеть или даже перечислить многообразные занятия и профессии, свойственные современному коммерческому обществу. С одной стороны, замечает Фергюсон, в век разделения труда само мышление может стать особой специальностью⁴⁷, с другой — производители тогда достигают наибольшего процветания, когда специализированный производственный процесс не требует никаких способностей и полностью подавляет чувство и разум.

---

⁴⁶ Фергюсон А. Цит. соч. С. 248.

⁴⁷ Там же. С. 267.

Недостижимость равенства при разделении труда, возвышая в коммерческом обществе меньшинство, заставляет его подавлять большинство. И виною тут не только дефицит образования и знаний, тут и превалирование в умонастроении зависти и низкопоклонства, распространенное предпочтение ближайших выгод, добываемых зачастую преступным путем.

Все эти противоречия являются серьезной угрозой демократии в больших и малых государствах и, если в обществе уничтожен принцип демократии, нечего стремиться к сохранению ее формы. Такой печальный исход становится неизбежным, если институты, предназначенные для сохранения свободы, вместо того, чтобы призывать народ самому о себе заботиться и защищать собственные права, гарантируют ему безопасность, но взамен предлагают отказаться от собственных инициатив, что усиливает изоляцию и взаимное отчуждение тех самых слоев общества, кои оно желало примирить. Но тогда демократия даже в образцово деятельном и социально активном обществе обречена, если непристязность занятий и приниженность бедных слоев делает их участие в политической жизни деструктивным. Фергюсон сам указывает, что им не может быть доверено руководство нацией, поскольку их интересы ограничены заботой о собственном пропитании и выживании. Фергюсон оспаривает тут (в духе лаконофильства Платона и Ксенофонта) свидетельство самого Перикла, который указал на ту положительную черту афинской демократии, что при ней «бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешает человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству»⁴⁸.

---

⁴⁸ Фукидид. История. Книга II 37. 1.

Что же в итоге? С одной стороны, обособление политических профессий отчуждает народ, в частности, от самостоятельной защиты собственной безопасности. С другой — непосредственное участие в политической жизни простого народа в силу его некомпетентности неэффективно и даже вредно. Все эти замечания подводят к важнейшему критическому разделу книги «Об упадке нации». Значение этой критики в том, что теория прогресса оказывается дополненной теорией регресса, что вносит тревожную ноту в мажорный оптимизм идеологов Просвещения. Возможность регрессии цивилизованной нации связана в моральном смысле с соотношением добродетелей и пороков в обществе. Видимо, обращаясь к недавней истории Англии, шотландский социолог отмечает, что бурные события, когда люди преследовали высокие цели, для достижения которых требовались соответствующие добродетели, должны были привести (согласно представлениям простых людей) к наивысшему развитию жизненных благ, тем не менее обернулись причинами коррупции и порока. Может быть, это первое обнаружение иронии Истории, но далеко не последнее.

Упадок национального духа приводит к главной причине, губящей государство. Как это происходит, Фергюсон продемонстрировал на примере Римской республики. Великая республика пала не от летаргии и не от ослабления внутренних политических страстей. Это время стало временем нейтральности и ухода от дел ради собственной безопасности многих людей, в том числе выдающихся... Огромная масса народа осталась незатронутой той бурей, которая не пощадила верхние слои общества. Понятие общественности было дискредитировано в глазах народа. Добровольный отказ от

гражданских обязанностей, стремление к удобствам, комфорту, богатству, то, что мы сейчас назвали бы потребительством, вытеснили цели нравственного совершенствования. Легкая, обустроенная жизнь не только расслабляет тела, но и развращает дух. Главный урон наносит разделение военных, политических и гражданских профессий, что является попыткой расчленить человеческую личность. Этот профессионализм военных и политиков лишает свободных людей необходимых средств обеспечения собственной безопасности и заканчивается, в случае внешней агрессии, установлением правления военных внутри страны.

Итак, разделение труда, узкая специализация, при всей эффективности профессиональной деятельности, отчуждает людей друг от друга, ослабляет потенциал добродетели в обществе и, в конце концов, подготавливает правление силовыми методами. Таковы грозные пророчества шотландского мыслителя.

В итоге вырисовывается реальная угроза для перспектив общества, живущего в условиях прогрессирующего разделения труда. Победы в технике, изобретательстве, достижение невиданной производительности труда оборачиваются коррупцией и политическим рабством. Этому посвящена последняя часть книги Фергюсона, где в сконцентрированном виде представлена моралистическая критика коммерческого общества, которую Маркс, в свое время, переадресовал зрелому капиталистическому обществу. В его речи на юбилее чартистской *Народной газеты* в апреле 1856 г. воспроизводятся основные инвективы Фергюсона. «С одной стороны пробуждены такие промышленные и научные силы, о каких даже подозревать не могла ни одна из предшествующих эпох истории. С другой же стороны, обнаруживаются признаки упадка, далеко

превосходящие все занесенные в летописи ужасы последних времен Римской империи. В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства, благодаря каким-то странным непонятым чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники куплены ценой моральной деградации»⁴⁹.

5. Фергюсон в России

Произведения Фергюсона казались актуальными не только социалистам. Они пользовались значительной популярностью в России в годы неосуществленных до конца реформ в правление Александра I. Вольтер при встрече с Фергюсоном сообщил ему о том, что его работы входят в учебные курсы российских университетов. Его *Наставления в нравственной философии* были дважды изданы в Санкт-Петербурге и Москве в 1804 г. В 1817 г. был издан *Опыт истории гражданского общества* в неполном переводе Тимковского. Фергюсон актуален в современной России. Это легко почувствовать по нескольким, взятым наудачу, его высказываниям. «Где-нибудь в Константинополе или в Алжире попытки людей действовать, как бы на основе равенства являют собой жалкое зрелище, под равенством они понимают лишь освобождение от правительственных и возможность охватить как можно больший куш, который в обычное время достается хозяевам...

---

⁴⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 12. С. 4.

...Когда политическим правам не уделяют должного внимания, на них всегда посягают...

...Республиканские правительства вообще находятся под постоянной угрозой разрушения со стороны отдельных восходящих к власти фракций, а также со стороны мятущейся черни, которая в ее развращенном состоянии не способна принимать участие в управлении государством...

...Свобода есть право, которое каждый человек должен быть готов отстаивать для самого себя, каждый же, кто желает даровать ее другим как некую милость, тем самым в действительности отрицает ее. Сохранение свободы нельзя доверять даже политическим учреждениям, хотя они и кажутся независимыми от воли и решений людей, они способны питать тот дух твердости и решительности, которым полнится свободный дух, но ставить себя над ним они не вправе...».

6. Мораль — дело неполитическое

Если, как уже указывалось, самое популярное произведение Фергюсона в России не было издано полностью даже в либеральные времена Александра I, то его работы по этике, в которых он пытался поставить теорию морали на эмпирическую почву, издавались и в Москве, и в Петербурге. Этим показано, что этика мыслится им как практическая философия. Ее теоретической основой являются законы природы. Возможно, тут имеются в виду и законы природы человека. В пользу этого предположения свидетельствует подразделение им законов природы на моральные и физические. Если физический закон обобщенно выражает естественное

действие, представленное в ряде частных случаев, то моральный закон обобщенно выражает то, что есть благо. И если физический закон проявляется в фактах, то моральный закон — в бытии обязанности, в долге. Но, будучи представителем одной из трех специальностей, коим обучали в университетах, Фергюсон рассматривал науку о природе человека разделенной на три обязательных части. 1. Естественная история человека. 2. Теория духа. 3. Знания о Боге. Человек сначала рассматривается как вид, а затем как индивид. Главный предмет изучения природы человека — дух, общий у него с Богом. Каждый индивид характеризуется способностями к познанию (сознанием, чувством и восприятием, наблюдением, памятью, воображением, абстрагированием, рассуждением и предвидением). Кроме того, у него есть активные способности — желание, отвращение и воление. Итак, человек характеризуется как познающее и активное существо. Действиям человеческого ума свойственно то же единообразие, что и у природных фактов. Однако оно не распространяется на некоторые модусы человеческого поведения. Это исключение есть следствие высоконравственного начала или авторитета, а не бытия индивида как факта. Из физических законов человеческой природы, относящихся к познанию, Фергюсон выводит 3 общих правила: 1) закон самосознания; 2) закон восприятия внешних вещей; 3) закон понимания. Из способности к волению следуют также 3 закона — 1) закон самосохранения; 2) закон общежительности; 3) суждения о достоинстве или стремление к совершенству или прогрессу. Последний закон — дар Божий. Фергюсон не уходит от ответа о будущем состоянии и тут он вполне ортодоксален. Ничто в природе не исчезает и потому

активная и неделимая душа бессмертна. Этот аргумент подкреплен древним тезисом о необходимости конечной причины (цели), к ней приводит наше познание, чем бы оно ни занималось. Но что мы можем знать о намерениях Творца? Человек снова пытается вытащить самого себя за волосы из метафизической ямы, которую он сам же создал. Может ли ответить на этот вопрос наука о морали? Эта наука говорит о должном, а не о факте, хотя фактом остается духовная конституция человека, которая содержит не только принцип самосохранения, но и принцип благожелательного отношения к себе подобным, к обществу и стремления совершенствовать себя и общества. Все это путь не только к добродетели, но и к счастью. Счастье результат и санкция, так же как в отношении собственности санкцией является долг. Как видим, отличие от моральной системы Хатчесона невелико. Разве что последний не требовал награды за добродетель. Она в самой добродетели.

Моральность находится вне сферы внешних действий. Добродетель — атрибут духа. Применима ли она в политике? Как и Юм, Фергюсон отвергает фикцию не только естественного состояния, но общественного договора. Институты государства не придумываются, а возникают стихийно для общественной пользы. Они полезны в той мере, в какой способствуют счастью и безопасности народа.

Исследователи видят в творчестве Фергюсона влияние Монтеスキё, его двух главных работ. *Причины величия и упадка Рима* (1734) и *Дух законов* (1748). Юм опасался даже, что *Опыт истории гражданского общества* мог показаться современникам простым приложением или комментарием к *Духу законов*. Между тем здесь Фергюсон воспринял идеи не только Монтеスキё,

но и, как мы видели, Д.Юма, а также Т.Мора, Д.Бьюканана, Ф.Бэкона, Г.Гроция, С.Пуффендорфа, епископа Барнета⁵⁰.

В неопубликованном эссе *О принципах моральной оценки* Фергюсон (устами капитана Клерка) осуждает Юма за отказ разрешить все парадоксы и изучать полезные истины и за попытку внушить своим читателям неверие в гармонию мировой системы. Юм на это отвечает: я не знаю, какой литератор может достичь этого. И правда, что толку писать о том, что знает каждый «человеческий организм», или о том, что можно услышать от любого завсегдатая кафе. Сам же Фергюсон вспомнил однажды о ночной прогулке с Юмом, когда тот, глядя на звездное небо, воскликнул: можно ли сомневаться в существовании Творца, глядя на небо!

---

⁵⁰ См.: Глава 2 1-й части книги «Шотландская философия века просвещения».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рассказ о жизни и творчестве Адама Смита, доктора литературоведения и правоведения

Из трудов Королевского общества Эдинбурга
[Прочитано м-ром Стюартом 21 января и 18 марта 1793 г.]

Раздел I.

От рождения м-ра Смита до публикации Теории нравственных чувств

1. Адам Смит, автор *Исследования о природе и причинах богатства народов*, был сыном Адама Смита, контролера таможни в Керколди¹, и Маргарет Дуглас, дочери м-ра Дугласа из Стратенри. Он был единственным ребенком от этого брака, родившись 5 июня 1723 года, через несколько месяцев после смерти отца.

2. Будучи в младенчестве ребенком слабой и болезненной конституции, он крайне нуждался в нежной заботе своей родительницы. Ее же обвиняли в том, что уходу за дитем она посвящала безгранично много сил и времени; но подобное не пошло во вред характеру и темпераменту ребенка: и он имел редкостную возможность вполне вознаградить ее за эту любовь, оказывая своей матери на протяжении целых шестидесяти лет последующей жизни все то внимание, которое только может подсказать сыновья благодарность.

3. Когда ему было три года отроду, произошел весьма интересный случай, не упомянуть о котором, рассказывая о столь замечательной личности, просто невозможно. Вместе с матерью он гостил в Стратенри у своего дяди м-ра Дугласа, и однажды, играя в одиноче-

стве на пороге дома, был похищен компанией бродяг, которых в Шотландии обычно зовут лудильщиками. К счастью, вскоре о нем спохватился его дядя, который, помня, что мимо проходили бродяги, бросился за ними вдогонку, по дороге призвав на помощь всех, кого только мог, и настиг их в лесу Лесли; так его усилиями для мира был спасен гений, коему суждено было не только раздвинуть границы науки, но и привести просвещение и реформу в коммерческую политику Европы.

4. Учителем в школе Керколди, где получил первые зачатки знаний м-р Смит, был в ту пору м-р Давид Миллер, пользовавшийся тогда изрядной репутацией; имя этого человека заслуживает увековечения, так как под его руководством данный никому не известный рассадник знаний воспитал ряд выдающихся личностей, среди которых м-р Освальд Даникерский, его брат д-р Джон Освальд, впоследствии епископ Рэфоу; а также наш замечательный коллега, уже ушедший от нас преподобный д-р Джон Драйсдейл: все они являются почти современниками м-ра Смита, с которым на протяжении всей жизни его связывали теснейшие узы дружбы. Один из его однокашников жив до сих пор²; именно ему я в первую очередь обязан тем обрывочным сведениям, которые образуют первую часть настоящего повествования.

5. Среди названных товарищей м-р Смит уже в свои молодые годы стал привлекать к себе внимание страстью к книгам и феноменальной памятью. Слабость телесной конституции не позволяла ему участвовать в более активных развлечениях друзей; но те любили его за его особый темперамент, в котором горячность сочеталась с необычайным дружелюбием и великодушием. Уже тогда его отличали характерные привычки, ос-

тававшие с ним на протяжении всей жизни: находясь в одиночестве, разговаривать с самим собой и оставаться *отсутствующим*, даже будучи в компании.

6. Закончив среднюю классическую школу в Керколди, он был послан в 1737 г. в университет Глазго, где оставался до 1740 г., после чего уехал в Балиол Колледж в Оксфорде в качестве стипендиата³ фонда Снелла.

7. Д-р Маклейн из Гааги, который был соучеником м-ра Смита в Глазго, рассказал мне несколько лет назад, что во время учебы в университете его любимыми предметами были математика и естественная философия; и я помню, как мой отец напомнил ему о довольно сложной геометрической задаче, занимавшей его, когда состоялось их знакомство; эту задачу предложил ему в качестве упражнения знаменитый д-р Симпсон.

8. Однако не в этих науках было предназначено ему блистать; и недолго отвлекали они его от занятий, более конгениальных его уму. К нему можно с полным основанием отнести то, что говорил о Платоне лорд Бэкон: «Хотя он и не занялся политикой, по своей природе и общему предрасположению он имел склонность к гражданским делам, и его таланты находились именно в этой области; не особенно интересовала его и естественная философия, разве только в той степени, в какой она необходима для поддержания доброго имени и славы философа, и в какой обогащает она моральную и гражданскую дисциплины, придавая им некое величие». Исследование человеческой природы во всех ее ипостасях, конкретней — политической философии человечества, открыло огромное поле для его любопытства и ее амбиций; и служа подходящей пищей для всех проявлений его разностороннего и всеохватного гения, оно удовлетворяло в нем главную страсть — способст-

воватъ улучшенію общества и его счастью. Этому исследованію, занятіе которымъ в часы досуга онъ разнообразилъ не столь серьезнымъ увлеченіемъ изящной словесностію, онъ почти без остатка посвятилъ себя со времени переезда въ Оксфордъ; но и тогда, и въ болѣе зрѣлыя годы сохранялъ онъ воспоминанія о своихъ начальныхъ достиженіяхъ, которые не только добавляли блеска его беседамъ, но и позволяли ему давать наглядныя иллюстраціи некоторымъ изъ своихъ излюбленныхъ теорій, касающихся естественнаго прогресса ума въ исследованіи истины, черпая ихъ изъ исторіи техъ наукъ, въ которыхъ легче всего прослѣдить связь и последовательность открытій. И если я не ошибаюсь, влияние его ранней увлеченности греческой геометрией, возможно, выразилось въ элементарной чистотѣ и полнотѣ, порой граничащихъ съ многословіемъ, часто проявляющихся въ изложеніи его политическихъ сужденій. Лекціи красноречиваго и глубокомысленнаго д-ра Хатчесона, которые онъ посещалъ до отъезда въ Глазго и о которыхъ всегда говорилъ съ чувствомъ горячаго восхищенія, возымели, какъ можно предположить, значительное воздѣйствіе на формированіе истиннаго объекта для приложенія его талантовъ.

9. Мнѣ не удалось найти какихъ-либо свѣденій относительно техъ его молодыхъ летъ, которые были проведены въ Англіи. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ, что часто ему выпадало удовольствіе практиковаться въ переводѣ (особенно съ французскаго языка) съ цѣлью улучшенія собственнаго стили; отъ него нередко приходилось слышать благосклонныя отзывы, касающиеся пользы подобныхъ упражненій для всякаго, кто совершенствуется въ искусствѣ сочиненія. Остается только горько сожалѣть о томъ, что ни одинъ изъ его юношескихъ опытовъ подобнаго рода не сохранился, ибо те немногіе образ-

чики его переводческого искусства, которые содержатся в его произведениях, служат достаточными свидетельствами его достижений как литератора, что для гениев нашей страны весьма нетипично.

10. Вероятно, в этот же период жизни он наиболее прилежно занимался изучением языков. Обретенные им знания как древних, так и современных языков отличались необыкновенной широтой и точностью и служили ему не для того, чтобы тщеславно похвалиться безвкусной эрудицией, а для более близкого знакомства со всем тем, что способно послужить иллюстрацией установлений, обычаев и идей, присущих различным эпохам и нациям. О том же, насколько близко был он знаком с наиболее орнаментальными областями знания, в частности с творчеством римских, греческих, французских и итальянских поэтов, можно судить по тому, сколь прочно обосновались они в его памяти, оставаясь в ней и после предпринятых им позже разнообразных занятий и исследований, коим он посвятил себя в зрелом возрасте⁴. Что же до английской литературы, то здесь его способность не только цитировать к случаю самые разнообразные поэтические произведения, но и с точностью воспроизводить отрывки по памяти казалась поразительной даже тем, чье внимание никогда не привлекали его более важные достижения.

11. Пробыв в Оксфорде семь лет, он возвратился в Керколди и прожил два года с матерью, занятый исследованиями и не имея каких-либо четких планов относительно своей будущей жизни. Изначально его прочли в служители английской церкви, именно с этой целью он и был послан в Оксфорд; но, найдя поприще священнослужителя несообразным со своими предрасположенностями, он избрал в данном случае предпо-

честь собственные наклонности тому, чего желали для него друзья; и, разом отказавшись ото всех их благих предначертаний, решил вернуться на родину, ограничив собственные амбиции неопределенной перспективой обретения со временем какого-то из тех почтенных и весьма скромных положений, которые способны доставить ученому в Шотландии литературные достижения.

12. В 1748 г. он обосновался в Эдинбурге и на протяжении этих и последующих лет занимался чтением лекций по риторике и литературе под патронажем лорда Кеймса. Кроме того, к этому времени он завязал теснейшую дружбу, без перерыва продолжавшуюся до самой его смерти, с м-ром Александром Уеддерберном (см. выше с. 172, 229, 242 и дальше), ныне лордом Лафбургом, и с м-ром Уильямом Джонстоном, ныне лордом Пелтни.

13. Из полученной мной информации невозможно выяснить, когда именно началось его знакомство с м-ром Давидом Юмом; но согласно некоторым бумагам, оказавшимся ныне в распоряжении племянника м-ра Юма, который был настолько любезен, что позволил мне просмотреть их, их знакомство очевидно переросло в дружбу в 1752 г. Это была дружба, которая с обеих сторон основывалась на восхищении гением и любви к простоте; другим источником этой дружбы, добавившим интересный штрих к истории жизни обоих этих выдающихся людей, явилось обоюдное стремление донести сведения о ней до потомства.

14. В 1751 г. он был избран профессором логики университета Глазго; на следующий год он был переведен на должность профессора моральной философии того же университета в связи со смертью м-ра Томаса Крейги, преемника д-ра Хатчесона на этом посту. В этой должности он пробыл тринадцать лет и часто

потом вспоминал данный период как наиболее плодотворный и счастливый отрезок своей жизни. (См. ниже V. 10, где Стюарт цитирует письмо Смита главе университета и говорит о своем согласии принять пост ректора университета.) Конечно, данная ситуация как нельзя более подходила выявлению наиболее выдающихся сторон его дарования, а ежедневное выполнение профессиональных обязанностей позволяло постоянно держать в центре внимания любимое дело и приучать ум к тем важным размышлениям, о которых впоследствии ему довелось сообщить миру. С этой точки зрения данная должность, несмотря на то, что как таковая она являлась местом малопrestiжным, вероятно, немало поспособствовала его будущему возвышению в качестве известнейшего автора.

15. Из лекций, прочитанных м-ром Смитом в качестве профессора в Глазго, не сохранилось ничего за исключением тех частей, которые сам он опубликовал в *Теории нравственных чувств* и в *Богатстве наций*. Поэтому, как меня заверили, Королевское общество с удовольствием ознакомится с нижеследующим кратким пересказом их содержания, ставшего доступным мне благодаря бывшему ученику м-ра Смита, остававшегося до самой его смерти одним из наиболее близких и дорогих его сердцу друзей⁵.

16. На должности профессора логики, на которую м-р Смит был назначен с самого начала своей университетской карьеры, он вскоре убедился в необходимости значительно отступить от плана, по которому вели преподавание его предшественники, и обратить внимание своих учеников на исследования, более интересные и полезные по своей природе, чем логика и метафизика теоретических школ. Изложив свою общую точ-

ку зрения о силах ума и рассказав об античной логике столько, сколько требовалось для удовлетворения любопытства относительно искусственного метода рассуждения, некогда привлекавшего к себе внимание всех ученых мужей, все остальное время он посвятил изложению системы риторики и изящной словесности. Лучший метод объяснения и демонстрации различных способностей человеческого ума, являющийся наиболее полезным разделом метафизики, возникает при рассмотрении нескольких способов сообщения мыслей при помощи речи, а также при обращении внимания на принципы тех литературных композиций, которые участвуют в процессе убеждения или развлечения. Благодаря этим искусствам все, что мы воспринимаем и чувствуем, любое действие нашего ума, выражается и описывается таким образом, что его можно легко распознать и запомнить. В то же время нет такой области литературы, которая была бы более приспособлена для впервые знакомящейся с философией молодежи, чем эта область, затрагивающая их вкусы и их чувства.

17. Приходится весьма сожалеть о том, что рукопись, содержащая лекции м-ра Смита по данной тематике, была уничтожена еще при его жизни. Первая ее часть, с точки зрения композиционной, имела совершенно законченный вид, и целое также носило на себе сильный отпечаток вкуса и оригинальности. Вследствие того, что студентам, слушавшим его лекции, было разрешено делать записи, многие из высказанных в них замечаний и мнений либо получили детализацию в самостоятельных диссертационных работах, либо были приобщены к представленным публике общим собраниям трудов м-ра Смита. Но при этом они, как и сле-

довало ожидать, утратили ту оригинальность, те отличительные черты, которыми они были награждены своим изначальным автором; часто они становятся невнятными, будучи растворены в массе банальностей.

18. Примерно через год после назначения его профессором логики м-р Смит был избран на должность председателя кафедры моральной философии. Курс лекций, который он читал по данной тематике, был разделен на четыре части. Первая содержала изложение естественной теологии; здесь он рассматривал доказательства бытия Божия и божественную атрибутику, а также те из принципов человеческого духа, на которых основана религия. Вторая часть охватывала этику в строгом понимании слова и главным образом состояла из учений, впоследствии опубликованных в его *Теории нравственных чувств*. В третьей части он подробно рассматривал ту область морали, которая связана со *справедливостью* и которая, будучи предрасположенной к точным и выверенным правилам, допускает полное и детальное обоснование.

19. В рамках данной тематики он, как нам представляется, следовал плану, намеченному Монтескье; он пытался проследить постепенное развитие юриспруденции (как публичной, так и частной), начиная с самых грубых и кончая самыми утонченными эпохами; при этом он хотел подчеркнуть влияние тех гуманитарных наук, которые способствуют нормальной жизни и накоплению богатства, производя соответствующие улучшения или изменения в законах и образе правления⁶. Эту важную часть своего творчества он также намеревался представить на суд общественности; но ему так и не удалось осуществить это намерение, о котором он заявлял в *Теории нравственных чувств*⁷.

20. В последней части своих лекций он исследовал те политические установления, которые основаны не на принципе *справедливости*, а на принципе *целесообразности* и рассчитаны на увеличение богатства, власти и процветания государства. Под этим углом зрения он рассмотрел политические институты, которые связаны с коммерцией, финансами, церковным и военным истеблишментом. Высказанные им идеи составили основное содержание труда, впоследствии опубликованного им под заглавием «Исследование природы и причин богатства народов».

21. Ни в каком другом качестве м-р Смит не имел лучших возможностей для применения своих способностей, чем в должности профессора. При чтении лекций он почти полностью полагался на свое беспредельное красноречие. Стиль его выступлений, не отличаюсь изяществом, был простым и безыскусным; а так как его всегда интересовал излагаемый предмет, слушатели его также не могли оставаться безучастными. Обычно каждое предпринимаемое им рассмотрение состояло из ряда отдельных утверждений, которые он одно за другим брался доказать и проиллюстрировать⁸. Эти утверждения, будучи высказаны в общем виде, нередко имели парадоксальный вид⁹. Пытаясь разъяснить их, он часто казался поначалу человеком, недостаточно владеющим предметом и высказывающимся с некоторой неуверенностью. Однако по мере того, как он продвигался вперед, казалось, до него начинает доходить суть дела, его манера становилась живой и эмоциональной, а речь — легкой и плавной. Когда дело доходило до спорных вопросов, нетрудно было почувствовать, что он втайне понимал возможность несогласия с его мнениями, и это заставляло его отстаивать их с наи-

большей энергией и жаром. Благодаря полноте и разнообразию приводимых им примеров предмет исследования становился все всеохватнее и достигал такой масштабности, что и без скучных повторений одних и тех же взглядов он мог захватить внимание аудитории и доставить ей полезное удовольствие рассматривать один и тот же предмет во всем разнообразии представленных граней и оттенков, после чего возвратить его к изначальному виду общей истины, из которой и следует выводить всю эту блестящую вереницу размышлений.

22. Репутация его как профессора была очень высока, и множество студентов стекались в университет из отдаленных мест исключительно ради него. Преподаваемые им области знания становились популярными там, где он их преподавал, а высказанные им мнения были главными предметами обсуждения в клубах и литературных обществах. Даже мелкие особенности его произношения или манеры говорить зачастую становились объектами для подражания.

23. Являясь, стало быть, выдающимся публичным учителем в том, что касается увлеченности и способностей к преподаванию, м-р Смит одновременно шаг за шагом закладывал основание более серьезной репутации, готовя к печати собственную систему морали. Первое издание этого труда появилось в 1759 г. под названием *Теория нравственных чувств*.

24. До той поры мир не знал м-ра Смита как автора; неизвестно мне и о каких-либо его попытках опробовать свои силы в анонимных публикациях; единственное исключение составляет периодическое издание *The Edinburgh Review*, начатое в 1755 г. некими джентльменами, наделенными незаурядными способностями; но иные занятия не позволили им опубликовать более

двух номеров названного издания. В этом издании м-р Смит опубликовал обзор *Словаря английского языка* д-ра Джонсона, а также письмо, адресованное редакторам, в котором содержались некоторые общие замечания, касающиеся состояния литературы в различных странах Европы. В первой из названных публикаций он указывает на ряд недостатков в структуре словаря д-ра Джонсона, который он критикует за недостаточную грамматичность. «Конечно, для каждого слова указаны различные значения (отмечает он); но они редко когда разбиты по общим классам или подведены под главное значение слова; и еще недостаточно внимания уделено смысловому различию явных синонимов». В качестве иллюстрации этим критическим замечаниям он цитирует из словаря д-ра Джонсона статьи НО и ЮМОР и противопоставляет им статьи, подготовленные в соответствии с его собственными представлениями. Он дает тонкое и удачное разграничение различных значений слова НО. Вторая статья представляется нам не столь удачно подготовленной (см. выше, 232 и дальше. Данная цитата не вполне точна).

25. Наблюдения касательно состояния исследований в Европе написаны с изобретательностью и изяществом; но главный интерес они представляют тем, что из них видно, какое внимание уделял автор континентальной философии и литературе в период, когда на Британских островах и то и другое изучали мало.

26. В одной книге с *Теорией нравственных чувств* м-р Смит издал диссертацию «О происхождении языков и о неравном совершенстве языков исконных и языков производных»¹⁰. Замечания, имеющиеся у меня по поводу этих двух дискурсов, я ради пушней ясности сделаю предметом отдельного рассмотрения.

Раздел II.

О Теории нравственных чувств и Диссертации о происхождении языков

1. Современными авторами наука этики поделена на две части; одна из них охватывает теорию морали, а другая — ее практические учения. Первая дает ответ главным образом на следующих два вопроса. *Во-первых*, при помощи какого *принципа* нашей собственной конституции формируем мы представление о моральных различиях; — идет ли речь о той же способности, благодаря которой в других областях человеческого знания распознаются истина и ложь; либо же все дело в специфической особенности восприятия (называемой некоторыми моральным чувством), которой оказывается *приятен* один набор качеств и *неприятен* другой? *Во-вторых*, каков истинный *объект* морального одобрения? Или, говоря иначе, каково общее качество или качества, принадлежащие всевозможным типам добродетели?¹¹ . Являются ли таковыми доброжелательность или рациональный эгоизм или предрасположенность (проистекающая из господства разума над страстью) действовать соразмерно тем разнообразным обстоятельствам, в которых мы можем оказаться? Двумя данными вопросами, как кажется, исчерпывается вся теория морали. Задача первого — удостовериться в происхождении наших моральных идей; задача второго — соотнести феномены морального восприятия с наиболее простыми и общими законами, ими управляющими.

2. Практические учения о морали охватывают все те правила поведения, предназначение которых — указать на истинные цели человеческих начинаний, а также на наиболее действенные средства достижения та-

ковых; к этому можно добавить все литературные сочинения (каковой бы ни была их форма), кои нацелены на укрепление и оживление нашего благорасположения и кои ради этого дают описания красоты, достоинства или полезности Добродетели.

3. В настоящий момент я не стану задаваться вопросом об истинности подобного деления. Замечу лишь, что в данном случае слова «теория» и «практика» используются в необычном для них значении. Например, теория морали соотносится с практикой морали не так, как соотносится теория геометрии с практической геометрией. Что касается геометрии, то все ее практические правила основаны на ранее установленных теоретических принципах; в случае же морали практические правила очевидны для всего человечества, в то время как ее теоретические принципы принадлежат к числу наиболее сложных предметов из тех, которые когда-либо занимали умы метафизиков.

4. Иллюстрируя доктрины практической морали (если сбросить со счета некоторые печальные предрассудки, порожденные или спровоцированные насильственными, угнетательскими системами политики), древние пользовались любыми идеями, на которые только способна природа человеческого разума; и, конечно, из позднейших авторов наибольшего успеха в рассмотрении данного предмета достигли те, кто старательней других следовал за греческими и римскими философами. Теоретические вопросы, касающиеся сущности добродетели или истинного *объекта* морального одобрения, также являлись любимыми темами античных школ мысли. Вопрос о *принципе* морального одобрения, хотя он и не является современным по происхождению, начал привлекать к себе внимание глав-

ным образом со времени появления сочинений д-ра Кедворта, написанных в опровержение работ м-ра Гоббса; соответственно именно этот вопрос (возбуждающий любопытство мыслящих людей как новизной, так и трудностью) породил больше всего теорий, характеризующих и отличающих друг от друга позднейшие системы моральной философии.

5. По мнению д-ра Кедворта и д-ра Кларка, моральные различия воспринимаются той же частью ума, которая отличает истину от лжи¹². Эта система являлась важнейшим объектом опровержения для философии д-ра Хатчесона, стремящейся доказать обратное, а именно что слова «правильное» и «неправильное» выражают определенные благоприятные и неблагоприятные качества действий, восприятие которых является прерогативой чувств, а не разума; этой способности восприятия, делающей нас подверженными удовольствию или страданию в аспекте добродетели или порока, он дал название *морального чувства*¹³. Его рассуждения на эту тему в основных чертах одобряются и Юмом, и Смитом; но в одном важном пункте они расходятся с ним — д-р Хатчесон попросту полагает, что моральное чувство есть принцип нашей конституции, о котором ничего невозможно сказать; тогда как два других философа попытались аналитически разложить его на более общие принципы. Однако их системы сильно разнятся между собой в том, что касается их отношения к этому принципу. Согласно м-ру Юму, все качества, называемые добродетельными, полезны либо нам самим, либо окружающим, а удовольствие, получаемое от созерцания их, является удовольствием от пользы¹⁴. М-р Смит, не отрицая теорию м-ра Юма целиком, предлагает собственную, гораздо более всеобъемлю-

щую теорию; он полагает, что с этой теорией частично совпадают все наиболее известные теории морали, изобретенные его предшественниками; и именно из того или иного частичного понимания данной теории все они и исходят.

6. Я попытаюсь кратко изложить эту весьма изобретательную и оригинальную теорию. Я понимаю: тем, кто знаком с ней с тех пор, как она была разработана самим автором, предпринимаемая мною попытка может показаться излишней. Но я льщу себя надеждой, что мой пересказ будет не совсем бесполезен для тех, кто не столь сведущ в данных абстрактных изысканиях, так как представит им ведущие принципы системы в единстве и взаимосвязи, без тех отвлечений внимания, которые неизбежно возникают из-за многочисленных и уместных авторских иллюстраций, а также из-за многих красноречивых отступлений, оживляющих и украшающих его сочинение.

7. Фундаментальный принцип теории м-ра Смита состоит в том, что первичными объектами наших моральных восприятий являются действия других людей; что относительно нашего собственного поведения моральные суждения суть лишь применения к нам самим тех решений, которые мы уже выносили касательно поведения наших ближних. Соответственно его сочинение включает в себя два отдельных исследования, и хотя, реализуя свой общий план, эти исследования иногда оказываются перемешанными, читателю необходимо отличать одно от другого, дабы постичь все разнообразные оттенки суждений автора. Целью первого исследования является выяснение того, каким образом мы научаемся судить о поведении ближнего; цель второго исследования — показать, как, применяя эти суж-

дения к себе самим, мы обретаем *чувство долга* и ощущение его огромной власти надо всеми прочими нашими принципами действия.

8. Наши моральные суждения, как относительно нашего собственного поведения, так и относительно поведения других, включают два разных вида восприятия: *первое*, восприятие поведения как правильного или неправильного; и *второе*, восприятие достоинства или недостатка действующего субъекта. Тому качеству поведения, которое моралисты в общем называют словом «нравственность», м-р Смит называет словом «пристойность»; изложение своей теории он начинает с исследования того, в чем она состоит и как мы приходим к формированию этой идеи. Ведущие принципы его теории относительно данного предмета заключены в следующих утверждениях.

9. Только из собственного опыта способны мы сформировать какое-либо представление о том, что происходит в уме другого человека по любому конкретному поводу; и сформировать эту идею можно только представив самих себя в аналогичных обстоятельствах и вообразив, как подействовало бы на нас подобное положение. Однако мы не можем вообразить себя в любой ситуации, как приятной, так и неприятной, не ощутив на себе воздействие того же рода, как то, что возникает в реальной ситуации; следовательно, внимание, уделяемое нами обстоятельствам, в которых находится ближний, должны воздействовать на нас (хотя, конечно, отнюдь не в такой же степени) аналогично тому, как воздействовали бы они на нас, окажись мы сами в подобных обстоятельствах.

10. При помощи различных примеров м-р Смит пытается доказать, что это воображение себя на месте другого человека является источником того интереса, кото-

рый мы испытываем к судьбам других людей. «Когда мы видим направленный против кого-нибудь удар, готовый поразить его руку или ногу, мы, естественно, отдергиваем собственную руку или ногу; а когда удар нанесен, то мы в некотором роде сами ощущаем его и получаем это ощущение одновременно с тем, кто действительно получил его»¹⁵. То же самое, согласно м-ру Смигу, происходит всякий раз, когда мы обращаем внимание на положение ближнего. «Какое бы впечатление ни испытывал человек в известном положении, внимательный человек при взгляде на него будет возбужден сходным с ним образом <...> какие бы ощущения ни испытывал человек, такие же ощущения присутствующего непременно предполагают воображаемое представление о том, что он переносит себя на его место»¹⁶.

11. Данному принципу нашей природы, заставляющей нас [мысленно] становиться участниками того, что происходит с другими людьми, разделяя с ними все те страсти, которые должны вызывать подобные ситуации, м-р Смит дает название симпатии или сочувствия, употребляя то и другое как синонимы. В некоторых случаях, признает он, симпатия возникает из простого восприятия эмоций другого человека; вообще же она возникает не столько при виде чужих эмоций, сколько при виде ситуации, способной их вызвать.

12. Симпатия или сочувствие, существующая между двумя людьми, всегда благотворна для их обоих. Если я нахожусь в ситуации, способной вызвать те или иные страсти, мне бывает приятно сознавать, что свидетели данной ситуации вместе со мной вникают в ее разнообразные обстоятельства и эти обстоятельства воздействуют на них так же, как и на меня самого. С другой стороны, и зрителю приятно сознавать это совпадение его собственных эмоций с моими.

13. Когда свидетель ситуации, в которой находится другой человек, вникнув во всевозможные обстоятельства, сопутствующие этой ситуации, чувствует, что они воздействуют на него так же, как и на непосредственно вовлеченного в ситуацию человека, он одобряет аффект или страсть, переживаемые этим человеком, признав их справедливыми и подобающими ситуации и объекту, на который данные эмоции направлены. По мнению м-ра Смита, возможные исключения являются относительно подобной ситуации лишь кажущимися. «Например¹⁷, мы встречаем на улице незнакомого человека, на лице которого написано самое глубокое огорчение, и мы узнаем, что он только что получил известие о смерти отца. Скорбь его не может не быть признана нами естественной, а между тем может случиться, что, нисколько не нарушая человеколюбия, мы вовсе не станем разделять его жестокого горя и даже не обратим особенного внимания на первые его проявления...¹⁸. Однако из опыта нам известно, что при подобном несчастье такая скорбь является естественной; и мы знаем, что будь у нас достаточно времени для того чтобы подробно вникнуть в произошедшее, мы, вне всякого сомнения, начали бы искренне симпатизировать горю этого человека. Именно на сознании того, что при определенных условиях наша симпатия была бы полной, и основывается одобрение нами его скорби — пусть даже конкретные обстоятельства не позволяют нашей симпатии осуществиться на деле; так, общие правила, выведенные из нашего предшествующего опыта, позволяя нам судить о том, какие чувства должны обычно соответствовать тем или иным событиям, корректируют данную и во многие другие ситуации, исправляя непорядочность (*impropriety*) наших сиюминутных эмоций»¹⁹.

14. Следовательно, под *порядочностью* любого аффекта или страсти, выказываемых другим человеком, следует понимать соответствие их объекту, их вызвавшему. Что же до самого факта соответствия, то о нем я могу судить только на основе совпадения данного аффекта с тем, что чувствую я сам, если представлю себя находящимся в аналогичных обстоятельствах; и это ощущение совпадения есть основа чувства *морального одобрения*.

15. Вместе с тем всякий раз, когда мы оказываемся свидетелями ситуации, в которой находится другой человек, и чувствуем себя так, как если бы мы находились на его месте, и в нашей душе естественным образом возникают эмоции того же рода, что и в его душе, все же с точки зрения интенсивности наша эмоция является лишь малой толикой того, что чувствует тот человек, кого это затрагивает непосредственно. Поэтому природа учит наблюдающего, коль скоро тот хочет насладиться взаимной симпатией, изо всех сил стремиться достичь такой интенсивности чувств, какую только способен реально вызвать в нем данный предмет; с другой стороны, она учит того человека, чьи страсти в действительности возбудил данный объект, умирять свои эмоции до того уровня, на каком испытывает их сторонний наблюдатель.

16. На данных двух стремлениях основаны два различных вида добродетели. На стремлении зрителя представить себя в данной ситуации на месте ее реального участника и сделать эмоцию своего сочувствия этой ситуации столь же сильной, сколь и эмоция самого участника ситуации, основаны добродетели благородства и дружественности, добродетели чистосердечной снисходительности и чуткой человечности. На стремлении же непосредственного участника смирить собственные

эмоции, сделав их по возможности соразмерными с эмоциями сторонних наблюдателей, основаны великие, ужасные и достойные уважения добродетели; добродетели самоотверженности, владения собой и того управления собственными страстями, которое подчиняет все движения собственного естества потребностям чести и достоинства, а также порядочности собственного поведения.

17. В качестве дальнейшей иллюстрации изложенного учения м-р Смит предпринимает особое рассмотрение страстей различной интенсивности, все из которых совместимы с порядочностью; делая это, он пытается доказать, что сильное выражение страстей применительно к каждой конкретной ситуации является приличным либо неприличным — в зависимости от того, предрасположено или не предрасположено человечество сочувствовать каждой из них. Например, неприличным считается допускать отчетливое выражение любой из тех страстей, которые возникают при определенных состояниях тела; ибо нельзя ожидать от других людей, что они, не находясь в таком же положении, будут сочувствовать им. Неприлично кричать от физической боли, так как сочувствие, которое вызывается этим у зрителя, непропорционально остроте чувства, испытываемого страдающим от боли человеком. Нечто аналогичное имеет место и в случае с теми страстями, которые зарождаются от отдельных картин или привычных образов, рисуемых нашим воображением.

18. В случае же столь антиобщественных страстей, как ненависть и обида, симпатия зрителя оказывается разделенной между человеком, испытывающим данную страсть, и человеком, являющимся ее объектом. «...Мы интересуемся обоими, и наше опасение за стра-

дания, грозящие одному, ослабляет наше озлобление за страдания, переносимые другим». Отсюда несоразмерность нашего сочувствия подобным страстям; когда мы находимся под их влиянием, порядочность (*propriety*) требует усмирения этих чувств в гораздо большей степени, чем в случае переживания любых других эмоций.

19. Когда же мы переживаем все те аффекты, которые настраивают нас на общение и доброжелательность, ситуация оказывается прямо противоположной. Сочувствие зрителя человеку, переживающему эти аффекты, совпадает с интересом к человеку, являющемуся объектом этих чувств. Именно это удвоение симпатии делает аффекты такого рода особо приличными и приятными.

20. Эмоции, отражающие эгоистическую радость или эгоистическое недовольство, будучи рассмотрены с позиции нашего собственного везенья или невезенья, занимают некую промежуточную позицию между страстями общественными и антиобщественными. Они никогда не бывают ни столь милосердными, как первые, ни столь одиозными, как вторые. Даже будучи чрезмерными, они никогда не вызывают такого неудовольствия, какое вызывает чрезмерное презрение; а все потому, что мы не можем отыскать никакого иного [объекта] сочувствия в качестве противовеса им; и даже идеально соответствуя собственному объекту, они никогда не бывают столь приятны, как беспристрастная человечность и честная благожелательность; ведь относительно их у нас не возникает никакого двойного сочувствия.

21. После данных общих рассуждений касательно порядочности тех или иных действий, м-р Смит исследует вопрос о том, насколько способен повлиять на суж-

дение наблюдателей благоприятный или неблагоприятный характер обстоятельств, в которых находится субъект. Все его рассуждения, посвященные данному предмету, направлены на (противоположное общепринятому мнению) доказательство того, что если к созерцанию не примешана зависть, то наша склонность сочувствовать радости является гораздо более сильной, чем желание сочувствовать горю; и, как следствие этого, человечеству гораздо легче получить одобрение, когда оно находится в состоянии процветания, чем когда оно переживает невзгоды. Из этого же принципа он выводит происхождение честолюбия или стремления занять почетное положение и иметь превосходство над окружающими; в данном случае великим предметом страсти является достижение такого состояния, которое в наибольшей степени делает человека объектом всеобщей симпатии и всеобщего внимания и позволяет ему с легкостью властвовать над аффектами других людей.

22. Завершив анализ чувства порядочности и непорядочности, м-р Смит переходит к рассмотрению чувства достоинства и недостатков, которые он также считает связанными прежде всего не с нашими собственными качествами, а с качествами наших ближних. Объясняя происхождение этой составляющей нашей моральной конституции, он прибегает к тому же принципу симпатии, к которому сводит принцип морального одобрения.

23. Слова *приличное* и *неприличное*, будучи применены к аффектам нашего разума, используются в его теории (как уже отмечалось) для обозначения соответствия или несоответствия аффекта возбудившей его *причине*. Слова *достоинство* и *недостаток* всегда (согласно м-ру Смиту) имеют отношение к тому *следст-*

вию, которое обычно производит данный аффект. Когда аффект имеет тенденцию порождать благотворные последствия, субъект представляется нам достойным награды; когда же тенденция пагубна по своим результатам, субъект оказывается подлежащим наказанию.

24. Принципами нашей природы, наиболее непосредственно подталкивающими нас к тому, чтобы награждать и наказывать, являются благодарность и обида. Стало быть, сказать о ком-то, что он достоин награды или наказания, это все равно, что сказать: он является подходящим объектом для чувства благодарности или обиды; или, что то же самое, — что какому-то человеку или нескольким людям он причинил обиду или вызвал у них чувство благодарности, а такое утверждение любой здравомыслящий человек воспримет с сочувствием.

25. Однако крайне необходимо отметить, что мы не спешим симпатизировать благодарности одного человека другому потому лишь, что этот другой оказался причиной его везенья — если только причиной везенья этот другой стал из побуждений, вполне нами одобряемых. Таким образом, возникающее у нас ощущение порядочности действия представляет собой сложное чувство, составленное из косвенной симпатии к человеку, действие которого благотворно, и из прямой симпатии к аффектам и мотивам действующего лица. — Тот же вывод, *mutatis mutandis*, относится и к нашему восприятию недостойного и непорядочного.

26. Из этих принципов делается вывод о том, что единственно достойными награды являются в наших глазах действия с благой направленностью, продиктованные правильными мотивами, а наказания единственно достойны те действия, направленность которых

пагубна — действия, проистекающие из неправильных мотивов. Простое отсутствие благих намерений ненаказуемо, ибо само по себе отсутствие благих намерений не ведет к совершению реального зла. С другой стороны, просто невинный человек, готовый строго соблюдать в отношении других законы справедливости, способен удостоиться лишь того, что ближние его, в свою очередь, будут истово блюсти те же законы по отношению к нему.

27. Эти наблюдения заставили м-ра Смита несколько предварить предмет второй части его книги, написав краткое исследование о происхождении у людей чувства справедливости *как составной части нашего собственного поведения*; а также о чувствах, выражающих раскаяние, либо удовлетворение от воздаяния по заслугам.

28. Происхождение у людей чувства справедливости, равно как и всех прочих нравственных чувств, объясняется им через принцип симпатии. Когда я забочусь лишь о тех чувствах, которые коренятся в моей груди, забота о собственном счастье представляется мне куда более важным делом, чем забота о счастье окружающих. Но я сознаю, что подобное чрезмерное предпочтение практически лишает меня симпатий окружающих людей, а также что для них я представляюсь лишь одним из многих и интересую их не больше, чем любой другой индивид. Поэтому, если я хочу обеспечить себе их симпатию и одобрение (которые, согласно м-ру Смиту, составляют предмет самых сильных желаний из тех, что заложены в нашей природе), необходимо, чтобы я рассматривал собственное счастье не в том свете, в каком оно представляется мне самому, но в том, в каком его видят все люди. [В этом случае] если мне будет нанесено незаслуженное оскорбление, я буду знать, что

общество посочувствует моей обиде; если же я ущемлю интересы другого человека, никогда не оскорблявшего меня, просто потому что эти интересы мешают моим собственным, я явственно почувствую, что общество симпатизирует *его* обиде, а я становлюсь объектом всеобщего негодования.

29. Доведись мне когда-либо, находясь во власти страстей, не принять во внимание эту сторону дела и позволить соперничеству с чужими интересами заставить меня с позиции собственных чувств, а не с позиции бесстрастных наблюдателей, я никогда не премину наказать себя за это угрызениями совести. Когда моя страсть удовлетворена и я начинаю размышлять над своим поведением без эмоций, я уже не могу понять своей собственной исходной мотивации; она начинает представляться мне самому такой же неправильной, какой она представляется всему остальному миру; я сожалею о произведенных ею последствиях; я начинаю жалеть несчастного потерпевшего, которому сам нанес оскорбление; я чувствую, что по праву вызываю негодование окружающих людей. «Вот в чем состоят, — говорит м-р Смит, — угрызения совести²⁰ ... Оно [это чувство] состоит из стыда за непорядочность своего поведения в прошлом; скорби по поводу последствий этого поведения, жалости к тем, кто пострадал от него; из отчаянного страха быть наказанным, к коему наказанию будет приговорен он справедливым негодованием всякого разумного существа»²¹.

30. Противоположное поведение того, кто, исходя из правильных мотивов, совершает великодушные поступки, вдохновляет [окружающих] на противоположные чувства, а именно, что речь идет о сознательно достойном поведении, заслуживающем награды.

31. Сказанное выше является общим обзором принципов м-ра Смита, поясняющих происхождение наших нравственных чувств — по крайней мере, в аспекте их соотношения с поведением других людей. В то же время, он признает, что чувства, являющиеся сознательными в отдельных случаях, не всегда совпадают с этими принципами, и что очень часто их модифицируют другие соображения, весьма отличные от соображений порядочности и непорядочности аффектов действующего человека, равно как и от соображений благоговорности или пагубности воздействия этих аффектов. Хорошие и плохие следствия, являющиеся случайными относительно данного действия; следствия, которые в силу их независимости от агента действия, конечно по справедливости не должны влиять на наше мнение относительно порядочности или достоинства его поведения, — эти следствия практически всегда серьезно влияют на нашу оценку того и другого, так как заставляют нас сформировать положительное или отрицательное суждение относительно благоразумия совершенного действия и пробуждают в нас ощущение достоинства или недостойности самого замысла. Однако эти факты не дают оснований для каких-либо конкретных опровержений теории м-ра Смита; ибо какую бы гипотезу мы ни приняли относительно происхождения наших моральных восприятий, все люди должны сознавать, что поскольку благоприятный или неблагоприятный исход события есть дело везения или невезения, он не должен изменять наше моральное одобрение или неодобрение агента действия ни в ту, ни в другую сторону. Соответственно во все века моралисты жаловались на то, что действительные чувства людей так часто расходятся с этой справедливой и несо-

мненной заповедью. Поэтому при изучении данной неправильности действия наших моральных чувств следует считать м-ра Смита не уклоняющимся от возражений, которые вызывает его система, а устраняющим трудность, в равной степени присущую всем когда-либо предлагавшимся теориям на данную тему. Насколько мне известно, он явился первым философом, полностью осознавшим значение этого затруднения, его обращение с этим затруднением в высшей степени талантливо и успешно. Данное им объяснение указанного затруднения не вносит ни малейшего искажения в его собственную схему, и, должен признать, оно представляется мне наиболее весомым и ценным из произведенных им усовершенствований данной научной дисциплины. В подобном кратком описании невозможно дать какое-либо представление об этом вкладе; поэтому я должен ограничиться замечанием, что его объяснение состоит из трех частей. Первая содержит объяснение причин этой неправильности чувства; вторая — масштаб оказываемого ею влияния; третья — важность целей, которым она служит. Особенно изобретательны и восхитительны его замечания из третьей части, ибо цель этих комментариев — показать, что в отличие от того, что можно предположить по первому впечатлению, когда природа внедряла в человеческую душу семена этой неправильности, она делала это с изначальным намерением упрочения благоденствия и совершенства вида.

32. Оставшаяся часть теории м-ра Смита посвящена показу того, каким образом вследствие применения нами к нам самим суждений, ранее вынесенных нами о поведении других, формируется наше *чувство долга*.

33. Приступая к этому исследованию, которое несомненно является самым важным во всей работе и относительно которого все предыдущие рассуждения, согласно теории м-ра Смита, суть лишь необходимый подготовительный этап, он начинает с *установления факта*, касающегося осознания нами заслуженности похвалы или порицания; и следует усвоить, что первый аспект данного факта, как он сам его излагает, представляется не слишком благоприятным для его принципов. Он честно признает, что великая цель мудрого и добродетельного человека состоит не в том, чтобы своими действиями заслужить действительное одобрение окружающих, а в том, чтобы своими действиями превратить себя в *надлежащий* объект их одобрения и что его удовлетворение собственным поведением куда больше зависит от сознания того, что он *заслуживает* одобрения, чем от того, действительно ли он пользуется одобрением; но он все же настаивает, что хотя, на первый взгляд, подобное указывает на наличие некой моральной способности, не полученной откуда-то извне, наши моральные чувства всегда обладали определенной тайной направленностью на то, что либо является, либо при определенных условиях будет являться, либо, по нашим представлениям, должно являться чувствами окружающих; и если бы было возможно, чтобы человеческое существо достигло взрослого состояния безо всякого общения с другими представителями собственного вида, оно было бы так же не способно думать о собственном характере, о правильности или неправильности своих чувств и своего поведения, как и о красоте либо безобразности своего лица. Ведь в груди нашей вершится суд, который и выносит главный вердикт по всем нашим поступкам, который

способен, несмотря на всеобщие аплодисменты, вынести нам смертный приговор, либо наоборот, поддержать нас тогда, когда все вокруг осуждают нас; и все же, утверждает он, стоит нам заняться изучением происхождения этого верховного суда, как мы обнаружим, что в огромной степени его юрисдикция зависит от авторитета того трибунала, решения которого он так часто и справедливо опротестовывает.

34. Впервые вступив в мир людей, мы какое-то время увлеченно стараемся претворить в жизнь невозможное — заручиться доброй волей и одобрением всех и каждого. Вскоре, однако, обнаруживается, что подобное всеобщее одобрение недостижимо, что даже самое справедливое поведение вынуждено зачастую ущемлять интересы отдельных людей, препятствовать их склонностям; и эти люди редко когда находят силу честно оценить порядочность наших мотивов, либо понять, что наше поведение, каким бы неприятным оно им ни казалось, вполне соответствует ситуации. Дабы защититься от подобных пристрастных суждений, мы быстро научаемся мысленно ставить между собой и окружающими некоего судью. Мы представляем себя действующими как бы в присутствии человека, не имеющего никаких частных отношений ни с нами самими, ни с теми, чьи интересы затронуты нашим поведением; и мы учимся действовать так, чтобы получить одобрение предполагаемого беспристрастного наблюдателя. Только спросив у него совета, можем мы увидеть истинный масштаб и форму всего, что имеет к нам какое-либо отношение.

35. Потребность исследовать собственное поведение и пытаться увидеть его таким, каким увидел бы его беспристрастный наблюдатель, возникает у нас в двух

случаях. Это, во-первых, когда мы только намереваемся действовать, и, во-вторых, когда мы уже совершили какое-либо действие. В обоих случаях наши взгляды сильно предрасположены к пристрастности.

36. Когда мы собираемся действовать, сила страсти редко позволяет нам взглянуть на то, что мы делаем, с честностью беспристрастного человека. Когда же действие позади и подталкивающие его страсти улеглись и несомненно мы могли бы гораздо спокойней, чем раньше, занять позицию беспристрастного наблюдателя, все же нам так не хочется дурно думать о самих себе, что часто мы намеренно уходим от рассмотрения тех обстоятельств, которые обусловили наше нынешнее осуждение самих себя. — Отсюда весь тот самообман, который является источником доброй половины всех возникающих в человеческой жизни неурядиц.

37. Природа, стремясь уберечь нас от ею же уготовливаемых заблуждений, подводит нас к тому, чтобы, постоянно наблюдая за поведением других, мы незаметно вырабатывали некие общие правила относительно того, что порядочно и правильно делать или не делать. Некоторые поступки других больно ранят наши естественные чувства; когда же мы видим, что другие так же реагируют на наши собственные поступки, это утверждает нас в вере относительно справедливости неодобрения таких поступков нами самими. Поэтому мы естественным образом превращаем в общее правило необходимость избегать подобных действий, поскольку они способны сделать нас в глазах окружающих фигурами одиозными, достойными презрения и наказания; и мы пытаемся закрепить это общее правило в собственном сознании путем обычного размышления, дабы тем самым исправить перекося, привноси-

мый собственным эгоизмом, — на случай, если нам когда-либо придется вновь действовать при схожих обстоятельствах. Человек, склонный страстно негодовать по любому поводу, поддайся он собственным страстям, наверно счел бы смерть своего врага недостаточной компенсацией даже за какое-нибудь ничтожное причиненное им зло. Но поведение других показало ему, как ужасно такое кровожадное мщение; и необходимость неукоснительно воздерживаться от этого запечатлелась в его душе в качестве непреложного правила. Это правило неизменно сохраняет для него силу, сдерживает неумеренность его страсти и исправляет продиктованную эгоизмом односторонность; между тем, если бы возможность подобного действия ему пришлось обдумывать впервые, он, конечно, посчитал бы его справедливым, правильным и достойным одобрения любого незаинтересованного наблюдателя — соблюдение данных общих правил морали и составляет, согласно м-ру Смиту, *чувство долга* в собственном понимании этого слова.

38. Ранее я намекал на то, что м-р Смит не полностью исключил из своей системы тот принцип *пользы*, восприятие которого в каждом действии или качестве и составляет, согласно м-ру Юму, чувство морального одобрения. Он признает универсальную значимость утверждения, что в качестве добродетелей признаются только те свойства души, кои являются полезными или приятными либо для самого человека, либо для других; и еще он признает, что чувство одобрения, с которым мы относимся к добродетели, оживляется от сознания этой пользы или, как сам он объясняет этот факт, оживляется нашим сочувствием к счастью тех, на кого распространяется данная польза. Но при этом он продол-

жает настаивать на том, что сознание пользы не является ни первым, ни главным источником морального одобрения.

39. Подытожим его теорию в нескольких словах. «Когда мы одобряем поступок или характер человека, то испытываемые нами чувства вызываются... четырьмя причинами. Во-первых, мы сочувствуем мотивам действующего лица. Во-вторых, мы разделяем благодарность тех, кто извлекает пользу из его поступка. В-третьих, мы замечаем, что поступок этот согласен с общими законами, на основании которых оба рода симпатии действуют согласованно. И наконец, когда мы видим, что этот поступок согласен со всем строем поведения, имеющим целью доставить благо обществу и отдельному лицу²², то нам кажется, что он становится прекрасным в силу полезности, подобно машине, которой мы тем более восхищаемся, чем лучше она выполняет свое назначение»²³. Эти разнообразные чувства, полагает он, исчерпывают полностью и применительно ко всем мыслимым ситуациям сложное чувство морального одобрения. «Приложив по очереди четыре приведенные мною причины к каждому отдельному случаю, я спрошу: а можно ли отыскать хоть один, который бы не подходил к ним? Если же такой найдется, то я соглашусь приписать его моральному чувству или какой бы то ни было другой способности, если мне точно разъяснят, чему именно соответствует этот особый случай»²⁴.

40. Данное понимание м-ром Смитом природы добродетели участвует в его теории, касающейся принципов морального одобрения. Идея добродетели, по его мнению, всегда предполагает идею порядочности или соответствия аффекта вызвавшему его объекту; а такое соответствие, полагает он, невозможно определить

иначе, как через сочувствие беспристрастных наблюдателей мотивам действующего лица. Но при этом он понимает неполноту данного описания добродетели; ибо хотя порядочность является важнейшим элементом всякого добродетельного поступка, она не всегда является его единственным элементом. Полезные же действия обладают иными качествами, благодаря которым они не только выглядят заслуживающими одобрения, но и привносят, делают возможной более высокую степень оценки, вследствие удвоения симпатии к мотивам действующего лица, а также присовокупления к ней благодарности объектов данного аффекта. В этом отношении он, как кажется, находит нужным отличать пользу от низших добродетелей, каковыми являются благоразумие, бдительность, осмотрительность, умеренность, постоянство, твердость, которые всегда оцениваются одобрительно, но которые не добавляют достоинств. Это различие в его представлении не было достаточно проработано моралистами; принципы некоторых из них не давали объяснения тому одобрению, которое мы выражаем по поводу второстепенных добродетелей; принципы других также плохо обосновывали, почему такой добродетели, как польза, придается высшая и исключительная степень совершенства.

41. Такова в общих чертах *Теория нравственных чувств* м-ра Смита; и какого бы мнения ни придерживались мы относительно справедливости сделанных в этой работе выводов, ее нельзя не признать сочинением, характеризующимся незаурядной изобретательностью, богатством воображения и изощренностью. Лично я должен признаться, что данная теория не совпадает с моими представлениями об основах морали; но

в то же время я убежден, что она содержит изрядное количество важных истин и что хотя порой автора сбивает с верного пути слишком сильное стремление придать своим принципам генерализированное выражение, он обладает таким достоинством, как умение обращать внимание философов на тот аспект человеческой природы, который прежде во многом ускользал от них. Достаточным доказательством того, что в этой теории преобладают справедливые и здравые рассуждения, является создаваемое ей впечатление поразительного правдоподобия; ибо, как заметил сам автор, ни одна система морали не может заручиться нашим согласием, если она в том или ином отношении не приближается к истине. «Система естественной философии, — замечает он, — может казаться весьма правдоподобной и долгое время пользоваться всеобщим признанием, не обладая между тем никакими основаниями в природе²⁵ ... но автор, объявляющий причиной любого естественного чувства некий принцип, не имеющий к ней никакого отношения и не схожий с каким-либо принципом, имеющим к ней отношение²⁶, казался бы глупым и смешным даже для наименее просвещенного и опытного зрителя»²⁷. Однако не здесь заключено достоинство труда м-ра Смита. Ибо нет сомнений в том, что никакое другое сочинение, древнее либо современное, не дает столь же полного представления о тех касающихся нашего морального восприятия фактах, связать которые с соответствующими общими законами считает своей важной задачей данная отрасль науки; благодаря этому она вполне заслуживает тщательного изучения всеми людьми, склонности которых предрасполагают их к аналогичным исследованиям. Правда, эти факты часто выражены языком,

отражающим специфику теорий этого автора; но они всегда представлены самым удачным и изящным образом, так что внимательный читатель может без труда освободиться от ряда гипотетических терминов и восстановить для себя ту логическую точность, которая одна способна уверенно вести нас к истине в данных крайне сложных материях.

42. Далее следует заметить, что теоретические доктрины повсеместно переплетаются в книге с чистейшими и возвышенными заповедями практического поведения в повседневной жизни, и делается это доходчиво и с отменным вкусом. Кроме того, книга изобилует интересными и поучительными описаниями манер и нравов. К тому же значительная часть книги посвящена смежным исследованиям, которые по своей важности не уступают основным — независимо от того, с позиций какой из гипотез об основаниях морали мы подходим к ним. К этой категории относится вышеупомянутое рассуждение, касающееся влияния везения на наши моральные чувства, а также другое, не менее ценное рассуждение, затрагивающее влияние на ту же часть нашей конституции обычаев и мод.

43. Манера, в которой м-р Смит излагает фундаментальные принципы, составляющие основание его теории, не кажется мне столь же идеально соответствующей предмету, какой является манера изложения им других тем. Сообщая нам идеи, отличающиеся крайней абстрактностью и утонченностью — идеи, правильно использовать которые без точного употребления соответствующих терминов едва ли возможно, — он порой дает нам возможность выбирать из нескольких терминов, ни в коей мере не являющихся синонимами в строгом смысле слова, и делает это с целью отвлечь

наше внимание от точного и неизменного смысла его утверждения; в других случаях аналогичный эффект достигается разнообразием форм, которые не перестает обретать одна и та же истина на всем протяжении его объемной и интригующей работы. Когда же рассматриваемый предмет требует от него чувства и воображения, тогда он предлагает такое разнообразие удачных иллюстраций своим словам, демонстрирует такое богатство языка и безудержность красноречия, такое умение захватить внимание читателя, возбудить его страсти, равного которым не сыщешь среди английских моралистов.

44. Диссертация «О происхождении языков», которая ныне входит в издание *Теории моральных чувств*, как мне кажется, впервые была присовокуплена ко второму изданию этой работы²⁸. Это опус, отмеченный чрезвычайной изобретательностью, и сам автор высоко его ценил. Но в общем обзоре его публикаций он заслуживает нашего внимания не столько благодаря выраженным в нем взглядам, сколько в качестве образчика определенного типа исследований, происхождение коих, насколько я знаю, является исключительно современным и кои вызвали у м-ра Смита необычайную заинтересованность. (См. письмо, процитированное в Прим. Д.) Нечто очень с этим схожее можно обнаружить во всех его других сочинениях, независимо от того, посвящены ли они морали, политике или литературе; в каждой из этих областей он доказал свою необычайную способность к таким исследованиям.

45. Когда мы сравниваем интеллектуальные достижения, мнения, манеры и институты, с одной стороны, общества, находящегося на той стадии развития, в которую довелось жить всем нам, а с другой, первобыт-

ные племена, мы не можем не задаться интересным вопросом о том, через какие стадии осуществлялся постепенный переход от первых простых попыток некультуривированной природы к такому поразительно искусственному и сложному положению дел. Откуда взялась эта упорядоченная красота, которой так восхищает нас структура культурных языков; откуда эта аналогия, пронизывающая смешение языков, на котором говорят большинство отдаленных, не связанных между собой наций; откуда все эти особенности, отличающие одни языки от других? Откуда взялись различные науки и искусства; как продвигался разум от состояния рудиментарности этих умений к их новейшим, высшим достижениям? Откуда эта поразительная целостность политического объединения, откуда различие форм, которые цивилизованное общество обретало в разные эпохи? Относительно большинства этих тем история способна дать весьма ограниченную информацию, ибо большинство важных шагов в развитии человечества было сделано еще до того, как людям пришло в голову вести запись о своих делах. Кое-какие изолированные факты, пожалуй, можно выяснить из случайных наблюдений тех путешественников, кому довелось познакомиться с обычаями примитивных народов; но очевидно, что таким образом невозможно получить сколько-нибудь систематического и связного представления о развитии человечества.

46. Не обладая фактическими свидетельствами, мы вынуждены заменить их предположениями; и когда мы не можем знать с определенностью, как вели себя прежде люди в тех или иных обстоятельствах, мы начинаем строить допущения о том, как они должны были поступать, опираясь при этом на прин-

ципы человеческой природы и обстоятельства их внешней ситуации. В таком исследовании изолированные факты, предоставленные в наше распоряжение путешественниками и странниками, зачастую способны служить опорными точками наших рассуждений; и иногда наши априорные суждения способны подтверждать достоверность фактов, которые при поверхностном взгляде кажутся сомнительными и не вызывающими доверия.

47. Не таковы теоретические представления о делах человеческих, служащие простому удовлетворению любопытства. Исследуя историю человечества, а также изучая явления материального мира, не будучи в то же время в состоянии выяснить, как он *был* создан, часто бывает важно, чтобы мы могли показать, как он *мог бы* возникнуть вследствие естественных причин. Так и в том случае, который послужил поводом к данным замечаниям (хотя невозможно с определенностью сказать, какие шаги привели к формированию любого конкретного языка, как происходило постепенное становление всего разнообразия его частей), разум не только находит себе определенное удовлетворение, но и сдерживает праздную философию, ссылающуюся на чудо при упоминании любых явлений, как из природной, так и из моральной сферы, которые он, разум, не в силах объяснить.

48. Возьму на себя смелость присвоить этому виду философского исследования, не имеющего в нашем языке подходящего названия, имя *Теоретической* или *Предполагаемой истории*; это выражение довольно точно совпадает по смыслу с выражением *Естественная история*, как его понимал м-р Юм²⁹, и с тем, что некоторые французские авторы звали *Histoire Raisonnée*.

49. Математические дисциплины, как чистые, так и прикладные, во многих своих ответвлениях служат подходящими объектами теоретической истории; и один весьма компетентный судья, покойный мсье Даламбер, предложил такую организацию их элементарных принципов, которая основана на естественной последовательности изобретений и открытий, поскольку таковая наиболее приспособлена к целям возбуждения любопытства исследователей и пробуждения их талантов. Тот же автор указывает как на образец на отрывок из *Истории математики* Ж-Э.Монтюкла³⁰, где предпринимается попытка представить постепенное развитие философской спекуляции, начиная с первых выводов, подсказанных общим исследованием неба, и кончая теориями Коперника. Весьма примечательно, что написание теоретической истории именно этой науки (в которой, нам предоставляется, пожалуй, больше, чем где бы то ни было, возможностей сравнивать естественные успехи ума с фактической чередой гипотетических систем) было одним из наиболее ранних сочинений м-ра Смита и является одной из его немногих рукописей, которые он не уничтожил перед смертью.

50. Я уже указывал на то, что исследования, совершенно аналогичные описанным, можно проводить также относительно способов правления и муниципальных институтов, существовавших у различных народов. Однако с этой точки зрения данные важные предметы не рассматривались вплоть до недавнего времени, так как до Монтескьё большинство политиков довольствовались исторической констатацией фактов и туманными объяснениями достоинств законов мудростью конкретных законодателей, либо случайным стечением обстоятельств, о которых теперь уже невозможно

узнать³¹. Монтескьё же, напротив, считал, что законы порождают обстоятельства, складывающиеся в обществе; и именно изменениями в условиях существования людей на разных стадиях прогресса человечества пытался он объяснять изменения соответствующих институтов³². Вот почему в своих эпизодических толкованиях римского права он, вместо того чтобы блуждать в образчиках эрудиции схоластов и антикваров, как нам нередко доводится видеть, ищет ответы на вопросы в самых отдаленных и несвязанных между собой уголках мира, соединяя случайные наблюдения неграмотных путешественников и навигаторов в единый философский комментарий к истории права и обычаев.

51. Со времени Монтескьё данное направление исследований получило большое развитие³³. Лорд Кеймс в его *Трактатах об исторических законах*³⁴ дает ряд прекрасных образцов таких исследований, особенно в *Эссе об истории собственности и уголовного права*, в работах м-ра Миллара³⁵ также встречается много пронищательных замечаний того же рода.

52. В своих сочинениях, какой бы теме ни были они посвящены, м-р Смит редко упускает случай удовлетворить собственное любопытство к выведению из принципов человеческой природы или из ситуации в обществе происхождения описываемых им мнений и институтов. Ранее я упоминал о фрагменте, касающемся истории астрономии, оставленным им для публикации; и я неоднократно слышал от него, что в первой половине жизни он планировал написать по тому же плану также и историю других наук. В *Богатстве народов* мы находим введенные в основное повествование различные исследования подобного рода, в частности теоретическое описание естественного усиления бла-

годенствия страны и выявление им причин, мешавших данному естественному ходу вещей в различных странах современной Европы³⁶. Такими исследованиями изобиловали его лекции по юриспруденции, о чем можно судить по имеющемуся формальному отчету о них.

53. Тот же самый джентльмен, который любезно предоставил мне описание лекций, прочитанных м-ром Смитом в Глазго, сообщил мне, что слышал, как порой он говорил о своем намерении написать трактат о греческой и римской республиках. «И я убежден (говорит он), что после всего напечатанного на данную тему, наблюдения м-ра Смита будут содержать множество новых и важных взглядов касательно внутренних, бытовых обстоятельств тех наций, способных продемонстрировать с гораздо меньшей искусственностью некоторые политические системы, чем о них писалось ранее».

54. Подобный же образ мысли он часто обнаруживал в ходе общения с окружающими при обсуждении более обыкновенных предметов; возникновение в его беседах интересных теорий, которые излагались им без малейшей претензии на оригинальность применительно ко всем обычным темам для разговора, придавали общению с ним совершенно неисчерпаемую новизну и разнообразие. Отсюда та дотошность и точность знания им множества частных вопросов, которые в ходе его рассуждений должны были рассматриваться им с новой интересной точки зрения; и эти живые и конкретные описания тем более казались занимательными для его друзей, что сам он, как правило, казался удивительно невнимательным к тому, что происходило вокруг.

55. На данные замечания меня натолкнула его *Диссертация о формировании языков*, являющая собой прекрасный образец теоретической истории, написанный

на тему столь же любопытную, сколь и трудную. Эта аналогия между вызванной ею чередой размышлений и тем, что послужило причиной других его многообразных исследований, явится, надеюсь, достаточным оправданием длительности данного отступления; в частности, оно позволит мне упростить тот рассказ о его работах по политической экономии, который я намерен предложить ниже.

56. На данную же тему замечу только, что когда различными авторами пишутся разные варианты теоретической истории, рассматривающие развитие человеческого духа в каком-то одном направлении, отнюдь не всегда следует понимать эти варианты как противоположные. Если описанное в них развитие есть нечто правдоподобное, существует, как минимум, возможность того, что осуществились они все; ибо дела человеческие никогда не бывают совершенно одинаковыми хотя бы дважды. Но часто даже то, осуществились они или нет, не имеет особого значения. Чаще всего важнее бывает распознать самое простое развитие, а не такое, которое более всего согласуется с фактами; ибо как это ни парадоксально, несомненно истинным является утверждение, что действительным не всегда является самое естественное развитие. Оно может быть обусловлено и какими-то частными происшествиями, которые скорее всего не повторятся и которые невозможно считать составными частями тех общих условий, которые предусмотрела природа для улучшения рода человеческого.

57. Дабы как-то разбить тягучее (и, боюсь, можно сказать также — занудливое) изложение данной части, я присовокуплю к ней неизвестное письмо м-ра Юма, направленное м-ру Смиту вскоре после публикации его

теории. Его отличает свобода и крестьянская душевность, характерные для свойственного м-ру Юму эпистолярного стиля; оно достойно того, чтобы занять место в данных мемуарах, так как связано с важным событием в жизни м-ра Смита, которое вскоре после получения им этого письма перенесло его в иную ситуацию и в значительной степени повлияло на дальнейший ход его исследований. Письмо написано в Лондоне и датировано 12 апреля 1759 года³⁷.

58. «Приношу тебе благодарность за твою теорию — это приятный подарок. Веддербург и я преподнесли свои экземпляры этой теории тем из наших друзей, кого сочли хорошими судьями подобного сочинения, способными создать ему добрую репутацию. Я выслал по одному экземпляру герцогу Аргайлю, лорду Литлтону, Горацию Уолполу, Соуму Дженнинсу, а также джентльмену из Ирландии по фамилии Бёрк, недавно написавшему очень симпатичное исследование о возвышенном. Миллар хотел, чтобы я разрешил ему послать один экземпляр от твоего имени д-ру Уорбертону. Я откладывал письмо к тебе до тех пор, пока не смогу сообщить что-либо об успехе книги и дать сколь-нибудь вероятный прогноз насчет того, будет ли она в конце концов предана забвению или окажется в храме бессмертия. Хотя после публикации книги прошло всего несколько недель, думаю, уже появляются настолько явные признаки, что я рискну почти предсказать ее будущее. Короче это <...> Но тут написание письма было прервано глупым и неуместным приходом человека, недавно прибывшего из Шотландии. Он рассказал, что университет Глазго собирается объявить вакантным место Руета, когда тот отправится за границу с лордом Хоупом. Я ни о чем не спрашиваю, но у тебя,

должно быть, появятся идеи относительно нашего друга Фергюсона в случае, если не осуществится проект обеспечить ему место в университете Эдинбурга. Фергюсон серьезно подредактировал и улучшил свой труд о совершенствовании³⁸, из него, после внесения некоторых изменений, получится изумительная книга, блещущая легким и неподражаемым талантом. Думаю, *Эпигониада* подойдет; но здесь предвидятся трудности [с публикацией]. Лично у меня сомнений нет, но и ты иногда заглядываешь в текущие обозрения, так вот: в *Critical Review* ты найдешь письмо по поводу этой поэмы; и я бы хотел чтобы ты постарался угадать, кто автор. Посмотрим, какой из тебя мастер угадывать автора по слогу. У меня есть опасения насчет *Правовых трактатов* лорда Кеймса. Чем пытаться создать нечто удобоваримое из соединения метафизики и шотландских законов, право, лучше было бы попробовать приготовить вкусный соус, смешав полынь с алое. Однако книга эта по-моему не лишена и некоторых достоинств, хотя мало кто отважится углубиться в ее дебри. Но возвращаясь к твоей книге и ее успеху у нас в городе, должен сказать тебе <...> Это просто несчастье — всякий раз прерывают! Я приказал никого ко мне не впускать; а один все-таки прорвался. Это оказался литератор и мы имели с ним долгую беседу о литературе. Ты говорил, что интересуешься происходящим в литературной среде; поэтому я готов сообщить тебе о кое-каких происшествиях из этой области. Думаю, я уже упоминал в разговорах с тобой книгу Гельвеция de l'Esprit (о духе). Она заслуживает твоего внимания — но не своей философией, о которой я невысокого мнения, а удачностью композиции. Пару дней назад получил от него письмо, в котором он сообщает мне, что в рукописи данной

книги имя мое упоминалось гораздо чаще, но парижский цензор заставил его большинство из этих упоминаний повычеркивать. Недавно Вольтер издал небольшое сочинение под названием *Кандид или оптимист*. Я перескажу тебе некоторые подробности из него. — Но какое, скажешь ты, отношение имеет все это к моей книге? — Дорогой мой м-р Смит, наберись терпения: выкажи спокойствие; докажи, что ты — философ не только по профессии, но и на деле; подумай о пустоте и суетности, о тщетности людских суждений: как мало руководит этими суждениями разум — во всех сферах, а тем паче в философских, которые пока еще остаются недоступными простонародью.

Non si quid turbida Roma
Elevet, accedes: examenve improbum, in illa
Castiges trutina: nec te quaesiveris extra³⁹.

Царство мудреца помещено в его сердце; и если он когда-либо смотрит вовне, то лишь для того, чтобы узнать суждение немногих избранных, тех, кто свободен от предрассудков и способен судить о его творчестве. Нет ничего более неверного, чем искать одобрения большинства; и Фокион, как тебе известно, всякий раз, когда удостоивался аплодисментов народных масс, видел в этом свидетельство того, что в чем-то ошибается.

59. Так что, полагаю, все эти рассуждения уже подготовили тебя надлежащим образом к самому худшему, и я перехожу к печальной новости о том, что книга твоя оказалась крайне невезучей; ибо общественность настроена всячески ее приветствовать. Эти глупцы ждали ее выхода с некоторым нетерпением; а литературный планктон уже начинает выкрикивать громкие похвалы в ее адрес. Епископ Питербурга сказал, что провел ве-

чер в компании, где кто-то ставил твою книгу выше всего когда-либо написанного. Герцог Аргайль оценивает ее с необычайной для него благосклонностью. Полагаю, он либо считает ее чем-то экзотичным, либо рассчитывает, что автор ее будет полезен ему на выборах, которые состоятся в Глазго. Лорд Литтлтон говорит, что Робертсон, Смит и Бауэр составляют славу английской литературы. С ними не соглашается Освальд, говоря, что не знает, чего больше в этом чтении — развлекательности или познавательности. Но сам посудит — стоит ли доверять оценкам человека, всю свою жизнь проведенного на публичных должностях и не умеющего замечать каких бы то ни было недостатков в собственных друзьях. Миллар торжествует и хвастает, что две трети тиража уже распроданы и что теперь он уверен в успехе. Сам видишь, какой это человек — о ценности книги судит лишь по прибыли, которую она ему приносит. С этой-то точки зрения книга и впрямь может оказаться очень хорошей.

60. Чарльз Таунсенд, слыvuщий самым умным человеком в Англии, так захвачен всей этой шумихой, что сказал Освальду, как хорошо было бы, если бы автор этой книги занялся воспитанием герцога Букклея и добавил, что готов не пожалеть сил, только бы склонить тебя взять последнего под свою опеку. После того, как мне стало известно об этом, я дважды заходил к нему, дабы обсудить с ним этот вопрос и убедить его, что самое правильное было бы послать этого знатного молодого человека в Глазго, так как я не думаю, что ради условий, которые он готов предложить, тебе стоит оставлять пост профессора. Но мы с ним разминулись. Как известно, на решения м-ра Таунсенда стоит не слишком полагаться, так что, пожалуй, эта перспектива тебе пока не светит.

61. Во искупление всех этих ужасных вещей (высказать которые меня вынудила страсть к истине и которых у меня для тебя в запасе еще много) выражу уверенность, что ты как истинный христианин способен отвечать добром на зло; стало быть, ты можешь польстить моему тщеславию, сказав, что все добрые люди Шотландии поносят меня за сочинение о Джоне Ноксе и Реформации. Думаю, ты рад тому, что я наконец закончил свое послание и вынужден сказать, что остаюсь

Твой покорный слуга
Давид Юм»

Раздел III.

От публикации «Теории нравственных чувств» до публикации «Богатства народов»

1. После публикации *Теории нравственных чувств* м-р Смит четыре года продолжал жить в Глазго, с неиссякаемой энергией и упрочивающейся репутацией занимаясь выполнением своих официальных обязанностей. За этот период план его лекций претерпел значительные изменения. Его этические учения, столь ценная часть которых была уже опубликована им к тому времени, занимали в читаемом им курсе гораздо меньшее место, чем прежде; соответственно его внимание естественным образом обратилось к созданию более полной иллюстрации принципов юриспруденции и политической экономии.

2. Кажется, случилось так, что этим последним предметом его мысли оказались заняты с самых младых лет. Вероятно, дружба, которую он непрерывно поддерживал со своим старым товарищем м-ром Ос-

вальдом⁴⁰, предрасполагала его именно к этому направлению исследований; а публикация в 1752 г. политических дискурсов м-ра Юма не могла не упрочить его либеральных воззрений на коммерческую политику, которые уже начали складываться у него в ходе собственных исследований. Его длительное проживание в одном из наиболее просвещенных купеческих городов острова, а также привычка к близким отношениям, в которых он находился с самым уважаемым из жителей, давали ему возможность получать всю необходимую коммерческую информацию из самых верных источников; и их либеральности делает не меньше чести, чем его талантам, то обстоятельство, что несмотря на столь обычное среди деловых людей нежелание внимать чисто спекулятивным рассуждениям, а также на прямую противоположность его главных принципов всем старым торговым заповедям, ему удалось, еще до того как он оставил должность в университете, привлечь в ряды своих прозелитов некоторых весьма именитых купцов. (Этот факт я привожу со слов Джеймса Ричи, эсквайра из Глазго.)

3. Резонно предположить, что среди тех из посещавших его лекции студентов, умы которых не были ранее замутнены предрассудками, его взгляды распространялись гораздо быстрее. Именно эта категория его друзей первой с жадностью восприняла его систему и принялась за распространение по данной части королевства ее фундаментальных принципов.

4. В конце 1763 г. м-р Смит получил приглашение от м-ра Чарльза Таунсенда сопровождать герцога Буклея в его путешествиях; а так как данное предложение было сделано ему на весьма либеральных условиях, оно усилило в нем желание посетить континенталь-

ную часть Европы и побудило его оставить должность, занимаемую им в Глазго. Связи, обретенные им в результате указанной перемены собственной жизненной ситуации, разумеется, принесли ему чрезвычайное удовлетворение; и он всегда вспоминал этот период с удовольствием и благодарностью. Вероятно, в глазах окружающих данная перемена обстоятельств не выглядела столь же радужной, поскольку она на время лишила его того исполненного раздумьями досуга, к которому, как казалось, предопределила его сама природа и который один только мог дать ему надежду на осуществление тех литературных задумок, мечта о которых льстила его молодому дарованию.

5. Однако и случившаяся перемена привычек была не лишена некоторых преимуществ. До сих пор он существовал главным образом в стенах университета; и хотя подобному уму, коль скоро он хочет понять, что происходит со всем человечеством, хватает и тех наблюдений за человеческой природой, которые можно сделать, так сказать, не сходя с места, вряд ли придется сомневаться в том, что из открывшегося многообразия своего последующего опыта он должен был выйти обогащенным множеством новых идей и что ему удалось преодолеть общие предрассудки относительно жизни и обычаев [других народов], которые неизбежно возникают даже в самых точных бытописаниях — но сколь бы полезными ни были его путешествия с точки зрения познания человеческой природы, вероятно, еще полезней оказались они тем, что позволили ему усовершенствовать систему политической экономии, принципы которой он уже излагал на лекциях в Глазго и которая теперь сделалась основным объектом его исследований, еще не знако-

мых общественности. Совпадение некоторых из этих принципов с положениями, отличающими французскую школу экономики, находившейся в ту пору на пике популярности, а также его близкое знакомство с некоторыми руководителями этого направления, конечно же, помогло ему оформить собственные размышления, снабдить их определенным методом; в то же время ценная подборка фактов, собранных благодаря подвижническому труду его многочисленных приверженцев, дала ему подходящие материалы, способные иллюстрировать его теоретические выводы или служить им подтверждением.

6. Оставив Глазго, м-р Смит присоединился в Лондоне к герцогу Букклею в начале 1974 г., а в марте следующего года отправился с ним на континент. В Дувре их встречал сэр Джеймс Макдональд, поехавший вместе с ними в Париж и подружившийся тогда с м-ром Смитом; об этой дружбе м-р Смит всегда говорил с огромным чувством и выражал сожаление о ее непродолжительности. Те восхваления, которыми почтили память об этом образованном и милом человеке столь многие выдающиеся личности из различных стран Европы, являются доказательством того, какой сильный отзыв нашли в обществе его таланты. А почитение, с которым относился к его способностям и его учености м-р Смит, говорит, что он обладал некими еще более ценными достоинствами. По всей видимости, в данном случае и м-р Юм разделял восторги своего друга. «Будь мы сейчас вместе (пишет он в письме к м-ру Смигу), мы бы оплакивали смерть бедного сэра Джеймса Макдональда. Трудно представить себе большую потерю, чем утрата этого достойного молодого человека» (Согг., Letter 96).

7. Первое пребывание в Париже герцога Букклея и м-ра Смита продлился всего 10–12 дней⁴¹, после чего они переехали в Тулузу, где осели на восемнадцать месяцев и где, помимо вращения в приятном обществе, м-р Смит имел возможность скорректировать и дополнить — благодаря тесному знакомству с некоторыми из главных лиц парламента — имевшиеся у него сведения касательно внутренней политики Франции.

8. Из Тулузы они направились, проделав довольно длинный путь, через юг Франции в Женеву. Там они провели два месяца. В ту пору в Швейцарской республике проживал ныне покойный граф Стенхоуп, к знаниям и личности которого м-р Смит относился с искренним уважением.

9. Ближе к рождеству 1765 г. они вернулись в Париж и оставались там до конца октября следующего года. О том, в каком обществе провел м-р Смит эти десять месяцев, можно судить по выгодам, которые он извлек из рекомендаций, полученных от м-ра Юма. В числе его знакомых были Тюрго, Кенэ, Морелле (См. Прим. Е.), Неккер, Д'Аламбер, Гельвеций, Мармонтель, мадам Риккони; некоторых из них он даже впоследствии продолжал причислять к своим друзьям. Он пользовался вниманием мадам Д'Анвилль, уважаемой матери ныне покойного блестящего и горько оплакиваемого герцога Ларошфуко⁴², о чем всегда вспоминал с особой благодарностью.

10. Остается только сожалеть о том, что он не оставил дневника с описанием этого интереснейшего периода его жизни; а писать письма он не любил настолько, что я едва ли могу предположить, что можно найти что-нибудь об этом путешествии в его переписке с друзьями. Память его обладала такой точностью и вмес-

тельностью, что в ведении записей об увиденном и услышанном было мало смысла; судя же по тому, как он стремился перед смертью уничтожить все находящиеся в его распоряжении бумаги, он не желал, чтобы к биографам попали какие-то материалы, кроме тех, которые служили истинными памятниками его гения и свидетельствами идеальности его частной жизни.

11. Легко представить себе, какое удовлетворение доставляли ему беседы с Тюрго. Их точки зрения касательно наиболее существенных моментов политической экономии совпадали; обоих их воодушевляло единое стремление служить наивысшим интересам человечества. К тому же любимыми из собственных исследований для каждого были те, в которых они обращались к предметам, относительно коих даже самых способных и знающих из людей в немалой степени обуревают страсти и предрассудки; отчего и совпадение мнений оказывается здесь особо отрадным явлением. Один из биографов Тюрго сообщает, что после ухода из министерства он заполнял свой досуг философской перепиской с некоторыми из своих старых друзей; в частности, теми разнообразными письмами, посвященными обсуждению важных тем, которыми он обменивался с м-ром Смитом. Я упоминаю об этом факте главным образом как доказательство того, что между ним и м-ром Смитом имело место общение, о котором ничего не было известно друзьям последнего. На основании некоторых расспросов, сделанных в Париже уже после смерти м-ра Смита одним джентльменом из данного общества, я вынес представление, что в бумагах мсье Тюрго не существует никаких упоминаний об этой переписке и что вся эта история возникла вследствие сделанного как-то раз утверждения об их

тесном знакомстве. Думаю, важно упомянуть об этом обстоятельстве, потому что отрывок, о котором идет речь, вызвал большое любопытство относительно судьбы предполагаемых писем⁴³.

12. К тому же м-р Смит был хорошо известен мсье Кенэ, глубокому и оригинальному исследователю, автору *Экономической таблицы*; человеку «огромной скромности и простоты»⁴⁴, чью систему политической экономии, «несмотря на все ее несовершенства», он объявил «наиболее близкой к истине из всего, что когда-либо публиковалось о принципах этой очень важной науки»⁴⁵. Однажды у м-ра Смита было намерение (о чем он сам мне говорил) надписать для него *Богатство народов*, и только смерть Кенэ помешала Смицу осуществить это намерение.

13. Между тем пребывание м-ра Смита в Париже отмечено его интересом не только к этим выдающимся людям, занимавшим столь незаурядное место в данном периоде литературной истории Франции. Его знакомство как с античной, так и с современной изящной словесностью было обширным; наряду со множеством различных занятий он никогда не забывал оттачивать свой художественный вкус и, вероятно, делал это не столько ради удовольствия (хотя он, конечно, не был бесчувственен к литературным красотам), сколько из-за того, что изящные искусства, будучи связаны с общими принципами человеческого духа, позволяют исследовать эти принципы наиболее приятным образом. Для тех, кто привык размышлять над этими тонкими материями, сравнение вкусов, преобладающих у представителей различных наций, является областью, богатой ценными фактами; и м-р Смит, всегда готовый признавать роль обычаев и мод в формировании люд-

ских мнений о красоте, естественно, должен был бы пользоваться любой возможностью, предоставляемой ему другой страной, для иллюстрации ранее разработанных теорий.

14. Некоторые из его специфических понятий, также касающиеся изобразительных искусств, кажется, тоже нашли подтверждение в его заграничных наблюдениях. Ища объяснения тому наслаждению, которое получаем мы от этих искусств, он вскоре обнаружил тот фундаментальный принцип, согласно которому в подавляющем большинстве наслаждение возникает от трудности процесса изображения⁴⁶; данный принцип, вероятно, был подсказан ему представлением о *difficulté surmontée* (преодоленной трудности – фр.), при помощи которого некоторые французские критики пытались объяснить эффект, производимый на нас рифмами и ритмом [в поэзии] (см.: Предисловие к изд. 1729 г. *Эдана* Вольтера). Этот принцип был максимально расширен м-ром Смитом; им он объяснял, выказывая необычайную изобретательность, огромный спектр явлений, обнаружимых во всех видах изобразительного искусства. Однако это привело его к некоторым выводам, кажущимся, по крайней мере на первый взгляд, весьма парадоксальными; я не могу отделаться от мысли, что этот принцип исказил его суждение, отразившись на тех мнениях, которые он обычно высказывал о поэзии.

15. Особенно привлекали его внимание принципы драматической композиции; а история театра, как античного, так и современного, дала ему некоторые из наиболее примечательных фактов, на которых и была основана его теория изобразительных искусств. Из этой теории следовало, что те же обстоятельства, которые в трагедии дают белому стиху преимущества над прозой,

должно дать рифмованному стиху преимущество над белым; этого мнения м-р Смит придерживался всегда⁴⁷. Мало того, он зашел так далеко, что перенес то же учение на комедию и сожалел о том, что те прекрасные картины жизни и обычаев, которые возможно изобразить на английской сцене, не были выполнены по законам французской школы. Восхищение, с которым он воспринимал великих драматургов Франции, упрочило его взгляды; это восхищение (изначально проистекавшее из общего характера его вкусов, которые заставляли его более радоваться той гибкости гения, которая отвечает за приспособление к установленным правилам, нежели поражаться смелому полету воображения) возросло несказанно, когда он узрел красоты, некогда поражавшие его в уединении, усиленными до предела совершенством театральной постановки. В последние годы жизни он порой забавлялся в часы досуга тем, что находил подтверждение своим теоретическим выкладкам на эту тему в тех фактах, которые дали ему последние исследования и наблюдения; и он надеялся дожить до того момента, когда сможет опубликовать результаты своих трудов. Из всей этой работы он оставил для публикации короткий фрагмент⁴⁸, но он успел продвинуться не настолько далеко, чтобы применять свое учение к стихосложению и театру. Однако поскольку те из его понятий, которые относились к названным темам, являлись излюбленным предметом его бесед и были тесно связаны с общими принципами критики, было бы неправильно обойти их стороной в данном кратком описании его жизненного пути; я даже посчитал целесообразным представить их в более детализированном виде, чем это позволяет относительная значимость предмета, если бы целый план исследования

нашел свое осуществление. Способна ли была его любовь к систематизации вкупе с пристрастием к французской драме заставить его в данном случае придавать своим выводам более генерализированный вид, не замечая некоторых особенностей языка и стихосложения той страны – этого я определить не берусь.

16. В октябре 1766 г. герцог Букклей возвратился в Лондон. Надеюсь, его милость (кому я обязан знанием ряда подробностей, приведенных выше) простит мне вольность, коей является передача здесь его слов: «В октябре 1766 года мы вернулись в Лондон, проведя вместе около трех лет, ни разу за это время не поспорив и не испытав ни малейшего взаимного охлаждения; я, со своей стороны, наслаждался всеми преимуществами общения с таким человеком. Наша дружба продолжалась до самого его смертного часа; и я навсегда сохраню в себе чувство утраты друга, которого я любил и уважал не только за его таланты, но и за всевозможные личные добродетели».

17. Уединение, в котором м-р Смит провел последние десять лет, резко контрастировало с тем подвижным образом мысли, который некогда был ему присущ; вместе с тем оно настолько соответствовало его естественным предрасположенностям и его изначальным привычкам, что в свое время было необычайно трудно заставить его расстаться с уединенным образом жизни. Весь этот период (не считая кратких посещений Эдинбурга и Лондона) он оставался с матерью в Керколди, по обыкновению погруженный в интенсивные исследования и лишь порой отвлекаясь в компании старых школьных друзей, чьи «скромные устремления» связывали их с родными местами. М-р Смит находил отраду в обществе таких людей; и он дорожил

ими — не только их простыми, непритязательными манерами, но и прекрасным знанием тех его личных качеств, которые отличали его с младенчества.

18. М-р Юм, который (по его собственным словам) считал «город подходящим местом для пишущего человека»⁴⁹, предпринимал множество попыток выманить его из места уединенного проживания. В письме, датированном 1772 г., он уговаривает его пожить в Эдинбурге. «Я не принимаю никаких ссылок на состояние твоего здоровья, которые, я полагаю, суть лишь прикрытие, за которым ты прячешь собственную лень и тягу к затворничеству. Вот что, дорогой мой Смит, если ты и впредь будешь так нянчиться с такого рода жалобами, ты полностью отрешешь себя от человеческого общества, отчего обе стороны сильно проиграют»⁵⁰. В другом письме, датированном 1769 г., написанным у него в доме в Джеймс Корт (откуда открывался вид на Фрит-оф-Форт и противоположный берег Файфа), он писал: «Я рад, что нахожусь теперь в поле твоего зрения, и поскольку я смогу беседовать с тобой, думаю, нам следует оговорить некоторые условия на этот счет. Я крайне плохо переношу морские путешествия, и разделяющий нас широкий залив вызывает во мне ужас и что-то вроде гидрофобии. К тому же я устал путешествовать — настолько, насколько ты, по всем прикидкам, должен был бы устать сидеть дома. Поэтому я предлагаю тебе приехать ко мне и провести со мной несколько дней в здешнем одиночестве. Я хочу знать, чем ты занимался все это время и намерен вырвать из тебя скрупулезный отчет о методе, который ты использовал в своих занятиях, находясь в уединении. Я уверен, что во многих своих рассуждениях ты ошибаешься — особенно там, где ты, несчастный, не соглашаешься

ся со мной. Все это говорит за то, что нам надо встретиться, и я желаю услышать от тебя какие-нибудь разумные предложения на сей счет. Остров Инкейт необитаем, иначе я предложил бы тебе встретиться на нем — так чтобы ни один из нас не покинул бы его до тех пор, пока не будет достигнуто полного согласия по всем спорным вопросам. Завтра я ожидаю прибытия сюда генерала Конвея, которого я буду сопровождать во время его пребывания в Розените, которое продлится несколько дней. Надеюсь по возвращении найти здесь письмо от тебя, в котором ты смело примешь брошенный мною вызов»⁵¹.

19. Наконец в начале 1776 г. м-р Смит отчитался перед миром за свое долгое отсутствие, опубликовав «Исследование о природе и причинах богатства народов». Вот передо мной лежит письмо от м-ра Юма, поздравляющее автора с этим событием. Оно датировано 1 апреля 1776 г. (это примерно за шесть месяцев до смерти м-ра Юма) и показывает, какое дружеское внимание проявлял автор письма к литературной славе друга⁵². «*Браво! Прекрасно!* Дорогой м-р Смит, я весьма доволен твоим произведением, просмотрев его, я избавился от чувства огромного беспокойства. И ты, и твои друзья, и публика так многого ждали от этой работы, что мне не терпелось ее увидеть; теперь же мне полегчало. Правда, успокоился я не совсем: ведь чтение ее требует такой огромной концентрации внимания, а публика расположена совсем не утруждаться в этом смысле, так что я некоторое время еще буду оставаться в сомнении, станет ли она популярной сразу же. Но в ней есть глубина, основательность и острота, и в ней так много любопытных фактов, приводимых в качестве примеров, что в конечном счете она должна за-

воевать внимание широкого читателя. Вероятно, очень положительно сказался на этом сочинении твой последний визит в Лондон. Если бы ты находился здесь, на моей стороне баррикад, я бы поспорил с тобой о некоторых твоих принципах <...> Но эти и тысяча других моментов годятся только для устного обсуждения⁵³. Надеюсь, это произойдет скоро; ибо здоровье мое в крайне плачевном состоянии и долгих отсрочек оно не выдержит».

20. Пожалуй, излишне пытаться здесь давать подробный анализ книги, повсеместно известной ныне под названием «Богатство народов»; как бы там ни было, рамки данного эссе не позволяют осуществить подобное намерение. Однако, думаю, будет уместным сделать несколько замечаний по поводу предмета и направленности этого произведения. История жизни философа может в основном сводиться к истории его размышлений; что же касается такого автора, как м-р Смит, с юности посвятивший свои усилия систематическому исследованию важнейших условий обеспечения счастья людей, то обзор его сочинений, позволяя продемонстрировать особенности его дарования, одновременно дает самую верную картину его человеческих качеств.

Раздел IV. Об исследовании природы и причин богатства народов⁵⁴

1. Исторический подход к пониманию различных форм, которые принимали дела человеческие в различные века и у различных наций⁵⁵, естественно, вызывает вопрос: не может ли опыт прошлых эпох подсказать

нам нынешним некие общие принципы, способные прояснять и направлять политику будущих законодателей? Однако возникновению данного вопроса предшествовала беспрецедентная по сложности дискуссия: ведь подобное требует точного анализа сложнейшего класса явлений, которые, возможно, станут объектом нашего внимания — явлений, возникающих вследствие работы хитроумных и часто неощутимых механизмов политического общества; последнее как предмет наблюдения кажется на первый взгляд настолько несоизмеримым с нашими способностями, что его принято было рассматривать с теми же пассивными выражениями удивления и покорности⁵⁶, с какими мы рассматриваем загадочное и неконтролируемое действие физических причин в материальном мире. К счастью, в этом, как и во многих других случаях, данные сложности, которые так долго сводили на нет усилия гения-одиночки, начинают казаться не столь грозными, будучи противопоставленными объединенным усилиям рода человеческого; и по мере того, как опыт и размышления различных индивидов начинают оказывать воздействие на данный предмет и соединяются таким образом, что каждое усилие иллюстрирует и ограничивает другое, наука политики все более и более обретает тот систематический вид, который вдохновляет и служит подспорьем для трудов будущих исследователей.

2. Исследуя политическую науку согласно этому плану, мало что можно почерпнуть из построений античных философов, большинство которых в своих политических исследованиях ограничивались сравнением различных форм правления и анализом тех мер, которые они предпринимали для увековечения собственного существования и для увеличения славы государства. На

долю современности выпало исследовать те всеобщие принципы справедливости и целесообразности⁵⁷, которые должны регулировать социальный порядок при всех формах правления и цель которых – создать как можно более справедливое распределение возникающих от политического объединения преимуществ между всеми членами сообщества.

3. Вероятно, необходимой предпосылкой для осуществления этих исследований было изобретение книгопечатания. В тех отраслях литературы и науки, где гений находит материалы для приложения собственных сил, в поэзии, чистой геометрии и некоторых отраслях моральной философии, древние не только заложили фундамент, на котором нам предстоит строить, но и оставили великие законченные модели, которые мы можем имитировать. Но в физике, где наш прогресс зависит от накопления огромного количества фактов и от соединения случайных прозрений, ежедневно озаряющих наши странствия по бесчисленным коридорам наблюдения и эксперимента; и в политике, где материал, нужный нам для создания теорий, также разбросан и собирать и выстраивать его нам еще труднее, предоставленные прессой средства коммуникации сумели за два века так ускорить прогресс человеческого разума, что наши предшественники не смогли бы вообразить подобное даже в самых радужных своих надеждах.

4. Прогресс, уже достигнутый в этой науке, сколь бы незначительным он ни был в сравнении с тем, чего можно было ожидать, все же позволял увидеть, что счастье человечества зависит не от того, какое участие принимает каждый из людей в реализации законов, а от справедливости и целесообразности действующих законов. Доля же участия людей в правлении представ-

ляет интерес главным образом для незначительного числа людей, целью которых является достижение политически значимого положения; между тем в справедливости и целесообразности законов заинтересованы все члены сообщества, в особенности же те, чья личная незначительность не оставляет им иных надежд, кроме надежды на благие намерения правительства, под властью которого они живут.

5. Отсюда явствует, что наиболее важная та отрасль политической науки, цель которой является прояснение философских принципов юриспруденции; или (как формулирует эту мысль м-р Смит) выявление «общих принципов, которые должны служить основанием законодательства для каждого народа»⁵⁸. В тех странах, где имеющиеся у людей предрассудки сильно расходятся с этими принципами, даруемая конституцией политическая свобода дает им лишь средства к саморазвитию. И если бы было возможно представить эти принципы полностью реализованными при любой из имеющихся систем права, у людей было бы мало причин сетовать на то, что не они явились непосредственными орудиями реализации этих принципов. Единственный непогрешимый критерий совершенства любой конституции заложен в подробностях ее муниципального кодекса; и та ценность, которую приписывают свободе мудрецы, связана главным образом с легкостью, которую она способна сообщить введению законодательных улучшений, отвечающих общим интересам сообщества; к тому же свобода служит гарантом того, что народ узрит пути чистого и равного функционирования справедливости и у него хватит силы духа для осуществления такового. Не могу удержаться от уточнения, что способность всякого народа реализо-

вывать политические права с пользой для себя и своей страны предполагает распространение образования и морали, а это возможно лишь как следствие предшествующего действия законов, благоприятствующих промышленности, порядку и свободе.

6. Кажется, в настоящее время просвещенные политики в общем и целом разделяют убеждение относительно истинности этих замечаний; ибо наиболее известные из работ, появившихся в различных странах Европы за последние тридцать лет, работ, принадлежащих перу Смита, Тюрго, Кампоманеса, Беккариа и других, имели своей целью совершенствование общества — не путем написания планов новых конституций, но путем политического просвещения реальных законодателей. Подобные спекуляции, будучи более полезными, чем другие, и по глубине и по широте действия, не содержат тенденции развенчивать существующие институты и возбуждать страсти масс. Рекомендуемые ими усовершенствования должны осуществляться слишком медленно и постепенно для того, чтобы распалить чье-либо воображение, за исключением воображения кучки теоретиков; но по мере того, как эти усовершенствования приживаются, они укрепляют политическую структуру и расширяют ее базис.

7. Главная цель *Исследования* м-ра Смита состоит в том, чтобы направлять политику народов, ориентируясь на наиболее важную категорию национальных законов — ту, которая имеет дело с системой политической экономии⁵⁹. Ему несомненно принадлежит заслуга обнародования самой всесторонней и совершенной из всех существующих работ, посвященных общим принципам любого из разделов права. Следует надеяться, что его примеру со временем последуют другие ав-

торы, для которых внутренняя политика государств содержит множество других, не менее любопытных и интересных предметов обсуждения; его пример способен ускорить прогресс той науки, которую так метко описал лорд Бэкон в следующем пассаже: «Конечной целью, которую должны иметь в виду законодатели и которой должны служить все их постановления и санкции, является то, что граждане должны жить счастливо. Для осуществления этой цели необходимо, чтобы они получали религиозное и благочестивое образование; чтобы им дали моральное воспитание; чтобы они были защищены от внешних врагов надлежащим военным заслоном; чтобы эффективная политика предупреждала мятежи и нанесение ущерба личности; чтобы у них было изобилие богатства и других национальных ресурсов» *De Augmentis Scientiarum*, lib. viii. cap. iii: «Наука, трактующая о подобных предметах, определенно является вотчиной той конкретной категории людей, которых привычка заниматься делами общества заставила проделать всестороннее исследование социального строя, интересов сообщества в целом, правил естественной справедливости, национальных обычаев, различных форм правления, благодаря чему они оказались подготовленными к размышлениям о мудрости законов как с точки зрения справедливости, так и с точки зрения политической. Соответственно важнейшим недостающим звеном является выявление посредством исследования принципов *естественной справедливости* и *политической целесообразности* теоретической модели законодательства, которая, служа критерием сравнительной оценки достоинств муниципальных кодексов, может подсказать пути их исправления и улучшения тем, чье сердце болит о благосостоянии человечества» [пе-

ревод с латинского языка Стюарта]⁶⁰. Приведенное в данном отрывке перечисление различных объектов права (оно весьма точно совпадает с тем, которое дает м-р Смит в заключении своей *Теории нравственных чувств*; здесь и конкретная цель политических спекуляций в том виде, в каком он первоначально формулирует ее в данном сочинении; а позже, в *Богатстве народов*, он публикует весьма ценный раздел на ту же тему) служит задаче разъяснения общих принципов справедливости и целесообразности, которыми должны руководствоваться при разработке данных важных статей законодательные учреждения; говоря словами лорда Бэкона, речь идет о задаче прояснения того «leges legum ex quibus information peti possit, quid in singulis legibus bene aut perperam positum aut constitutum sit»⁶¹.

8. Та область законодательства, которую избрал предметом своего исследования м-р Смит, естественно заставляет меня отметить поразительную несхожесть духа античной и духа современной политики, проводимой в отношении [данного предмета] *Богатства народов* (*Science de la Legislation, par Chev. Filangieri, Liv.i, chap. 13*). Основной целью первого из названных видов политики было противодействие любви к деньгам и привычке к роскоши, которое следовало осуществлять при помощи тех институтов, кои служили позитивным противовесом названным склонностям; эта цель состояла в сохранении у подавляющего числа людей привычки к бережливости и аскетической строгости поведения. Упадок государств единодушно приписывается философами и историками как Древней Греции, так и Древнего Рима тому влиянию, которые оказали на характер нации богатства; и многими из философов и историков предлагались в качестве наи-

более совершенной модели законодательства — этакого порождения человеческой мудрости — законы Ликурга, которыми на протяжении веков запрещалось иметь в Спарте драгоценные металлы. — Насколько противоположна этой доктрина современных политиков! В бедности граждан они отнюдь не усматривают преимуществ для государства, их великая цель состоит в том, чтобы открыть новые источники национального благосостояния и при помощи тяги людей к обустройству своей жизни различными удобствами оживить деятельность всех слоев народа.

9. Одну из главных причин данного различия духа древней и современной политики можно найти в том, что в древности источники национального богатства были иными, чем в наше время. В эпоху, когда коммерция и производство находились еще в младенчестве, в государствах, созданных так же, как и большинство античных республик, внезапного притока иностранных богатств справедливо опасались как чего-то недоброго, как угрозы и нравственному здоровью народа, и производству, и свободе. Однако сейчас положение настолько изменилось, что наиболее богатыми являются те нации, народы которых отличаются наибольшим трудолюбием и пользуются наибольшей свободой. Мало того, именно общее распространение богатства среди низших слоев общества послужило первым импульсом к воцарению в современной Европе духа независимости, именно оно — в условиях нахождения у власти некоторых правительств, особенно таких, как наше — породило более широкое распространение свободы и благополучия, чем это имело место в условиях действия самых знаменитых конституций античной эпохи⁶².

10. Без такого распространения богатства среди низших слоев важные последствия, порожденные изобретением книгопечатания, имели бы крайне ограниченный характер; ибо для того чтобы вызвать у людей стремление к знаниям и предоставить им досуг, необходимый для их приобретения, требуется некоторая степень свободы и независимости; и только благодаря тому вознаграждению, которым отмечаются в данных общественных условиях трудолюбие и честность, возникает возможность направить своекорыстные страсти большинства людей к такой цели, как интеллектуальное совершенствование их детей. Широкое распространение просвещения и самосовершенствования, которое обуславливается влиянием прессы и которому способствует дух коммерции, представляется мне самой природой изобретенным средством, предупреждающим те фатальные результаты, которые способно порождать разделение труда, сопутствующее прогрессу механических искусств. Для того же чтобы данное средство было эффективным, не требуется ничего кроме мудрых установлений, направленных на облегчение всеобщего просвещения и на то, чтобы привести образование индивида в соответствие с тем положением, которое он будет занимать в обществе. Ум [художника]⁶³, который из-за ограниченности сферы его деятельности⁶⁴ способен оказаться ниже уровня крестьянина или дикаря, должен с младенчества получать средства интеллектуального развлечения и зачатки морального совершенствования; и даже скучное однообразие его профессиональных занятий, не представляющее собой предмета, способного пробуждать его воображение или поглощать его внима-

ние, должно оставлять ему свободу использовать свои способности в областях, более интересных для них самих и более полезных для других.

11. Такого рода воздействия, несмотря на разнообразные причины, продолжающие противостоять новому положению вещей, уже проявились (и притом в весьма значительной степени) как следствие характерной для современности либеральной политики. М-р Юм, отметив в своем *Эссе о коммерции* тот факт, что в древнем мире мелкие республики создавали и содержали большие армии, объясняет военную мощь подобных государств неразвитостью у них коммерции и роскоши. «За счет труда крестьян существовало небольшое число ремесленников, что позволяло содержать за их счет большее число солдат». Однако он добавляет, что «политика древности была НАСИЛЬСТВЕННОЙ и противоречила ЕСТЕСТВЕННОМУ ходу вещей»⁶⁵, по моему, желая сказать этим, что такая политика чрезмерно полагалась на преобразование общественного строя при помощи позитивных институтов — преобразование, осуществляемое согласно неким заданным представлениям о целесообразности; при этом она недостаточно доверяла тем принципам человеческой конституции, которые — коль скоро им будет дана свобода действия — не только приведут человечество к счастью, но и сформируют основания для прогрессивного развития условий его существования и его характера. Преимущества, коими обладает современная политика по сравнению с античной, главным образом состоят в том, что в ряде наиболее важных разделов политической экономии она соответствует природе вещей; и нетрудно было бы показать, что там, где она все еще несовершенна, ее ошибки объясняются тем, что она сдержи-

вает естественное развитие человеческих дел. Ведь в налагаемых ею ограничениях можно обнаружить семена многих предрассудков и глупостей, присущих современным нравам и давно уже выставленных на порицание философам и на осмеяние сатирикам.

12. Мне кажется, что приведенные выше очень несовершенные наброски представляют собой не только подходящее, но и в какой-то мере необходимое введение к нескольким моим замечаниям относительно *Исследований* м-ра Смита, поскольку они способны служить иллюстрацией идеи о связи, существующей между его системой коммерческой политики, и теми спекуляциями его молодых лет, в которых он специально рассматривает пути человеческого прогресса и счастья. Только этот взгляд на политическую экономию и способен сделать ее интересной для моралиста, способен придать калькуляции выгод и убытков особое достоинство в глазах философа⁶⁶. М-р Смит дает много указаний в этом направлении, но нигде не высказывается об этом совершенно ясно; и на первый взгляд кажется, что огромное внимание, уделяемое им роли разделения труда в развитии производительных сил, ведет к иному, притом очень меланхоличному выводу, согласно которому те же самые силы, что способствуют прогрессу умений, имеют тенденцию обеднять дух умельца; и, следовательно, увеличение богатства народов предполагает принесение в жертву национального духа⁶⁷.

13. Основополагающие учения, составляющие систему м-ра Смита, теперь настолько общеизвестны, что было бы скучно предлагать здесь пересказ книги по главам — даже если бы я надеялся правильно отразить ее содержание в очерченных мною для себя пределах.

Поэтому ограничусь замечанием общего плана о том, что главной и наиболее значительной целью его спекуляций было показать, что в принципах устройства человеческого духа и в обстоятельствах внешней ситуации человека самой природой заложены предпосылки постепенного прогрессирующего увеличения набора средств обеспечения благосостояния нации; а также показать, что наиболее эффективным является тот план возвеличения любого народа, который придерживается предначертанного природой порядка вещей, то есть такого, который позволяет каждому человеку, при условии, что тот придерживается правил справедливости, осуществлять собственные интересы теми способами, которые сочтет нужными, развивая собственное производство и собственный капитал в процессе максимально свободной конкуренции с согражданами⁶⁸. Всякая политическая система, пытающаяся при помощи чрезвычайных мер привлечь в отдельную отрасль промышленности большую долю общественного капитала, чем та, которая пришла бы в эту отрасль естественным путем, либо пытающаяся при помощи налагаемых особых ограничений отвлечь из конкретной отрасли промышленности часть того общественного капитала, которая могла бы быть использована в этой отрасли, на деле отдаляет достижение той великой цели, которую желает приблизить⁶⁹.

14. Каковы были те обстоятельства, которые способствовали нарушению в современной Европе естественного хода вещей, приведшего, в частности, к поощрению городского производства в ущерб сельскому? — этот вопрос м-р Смит исследовал с огромной изобретательностью⁷⁰; причем то, как он осуществлял данное исследование, сделало возможным новое по-

нимание истории конкретного состояния общества, господствующего ныне на доброй четверти земного шара. Его наблюдения, посвященные данному предмету, показывают, что изначально обстоятельства, о которых идет речь, возникли в качестве естественного и неизбежного результата некой специфической ситуацией, в которой пребывало человечество на протяжении определенного периода; и что указанные обстоятельства возникли не в результате проведения какой-то определенной политики, а в результате действия частных интересов и предрассудков отдельных слоев населения.

15. Однако данное состояние общества, первоначально возникшее вследствие уникального стечения обстоятельств, было продлено намного дальше его естественных пределов с помощью ложной системы политической экономии, распространяемой купцами и мануфактурщиками — классом людей, чьи интересы не всегда совпадают с интересами общества, но чьи профессиональные знания дают им множество преимуществ, когда нужно защищать выгодную им точку зрения (особенно если соответствующая область науки находится в младенческом состоянии). Именно усилиями этой системы была создана новая череда препятствий для национального процветания. Препятствия, возникшие из-за остаточных проблем феодализма, нарушали непосредственно внутреннее устройство общества, то здесь, то там создавая препятствия свободному обращению труда и ресурсов. Что же касается данной преобладающей по сей день ложной системы политической экономии, то поскольку она объявляет своим объектом регулирование коммерческих отношений между народами разных стран, воздействие ее являет-

ся не таким прямым и явным, и вместе с тем она сеет не менее серьезные предрассудки внутри принявшей эту систему государств.

16. Данной системе — поскольку она берет начало в предрассудках или, точнее, в пристрастиях выразителей меркантильных взглядов — м-р Смит дает название коммерческой или меркантильной системы⁷¹; он дал очень пространное рассмотрение двум ее главным средствам обогащения нации: ограничений на импорт и поощрения экспорта⁷². Отчасти эти средства, замечает он, продиктованы духом монополизма, отчасти же — ревностью к тем странам, относительно которых данная страна имеет отрицательный торговый баланс⁷³. Из его рассуждений явствует, что все эти средства неблагоприятно сказываются на благосостоянии применяющей их нации — в его замечаниях, касающихся ревности в торговле, звучит тон негодования, который он редко позволяет себе в своих политических произведениях.

17. «Таким образом (говорит он) низкие приемы мелких торговцев возводятся в роль политической мудрости, коей должна руководствоваться в своем поведении великая империя»⁷⁴. Подобные «мудрости»⁷⁵ учили нации тому, что их интерес состоит в ограблении всех своих соседей. Каждую нацию учат смотреть завистливыми глазами на процветание всех тех наций, с которыми она состоит в торговых отношениях, и считать их прибыль своими убытками. Коммерция, которая должна быть между нациями, как и между отдельными людьми, такой же естественной связью, дружбой, стала самым плодовитым источником разногласий и вражды. В этом и прошлом веках ничто из капризных амбиций королей и министров не нанесло столь фатального ущерба положению в Европе, какой нанесла

ей непристойная ревность торговцев и производителей. Насилие и несправедливость, чинимые властителями человечества, представляют собой древнее зло, от которого⁷⁶ в природе дел человеческих едва ли найдешь спасенье. Но от непристойной прожорливости торговцев и мануфактурщиков, присущей им тяги к монополизму, несмотря на их неисправимость, окружающих все же можно оградить, сделав так, чтобы они не нарушали ничьего спокойствия, кроме своего собственного⁷⁷.

18. Таковы либеральные принципы, при помощи которых, согласно м-ру Смиту, следует управлять коммерческой политикой наций, и облегчение процесса установления этих принципов должно стать великой задачей законодателей. И совсем другое дело — выяснение того, как следует реализовывать эту теорию в каждом конкретном случае; ответ на этот вопрос должен зависеть от конкретной страны, от специфики ситуации, в которой он возникает. В спекулятивной деятельности, такой, какой является деятельность м-ра Смита, рассмотрение подобных вопросов находится за рамками общего плана исследований; но то, что он вполне сознавал, насколько опасна небрежность в применении политических теорий, явствует не только из общего напряжения, осязаемого в его творчестве, но и из некоторых мимоходом сделанных им наблюдений касательно данного предмета: «Последствия всех мер по регулированию системы торговли (говорит он в одном месте) настолько неудачны, что они⁷⁸ привносят в наличное состояние государственного устройства не просто очень опасный беспорядок, но такой беспорядок, с которыми зачастую бывает трудно справиться, не вызвав, по крайней мере на какое-то время, еще большего беспорядка. — Поэтому решение вопроса о

том, каким образом⁷⁹ следует постепенно восстанавливать естественную систему совершенной свободы и справедливости, мы должны оставить мудрости будущих государственных мужей и законодателей»⁸⁰. В последнем издании *Теории нравственных чувств* он добавляет ряд замечаний, имеющих очевидное отношение к данному важному учению. Приводимый ниже отрывок, вероятно, имеет отношение непосредственно к той конкретной разновидности нарушения общественно-го порядка, которое обязано своим происхождением феодальным институтам.

19. «Человек, общественные устремления которого основаны на гуманности и благотворительности, будет уважать установленную власть и даже привилегии отдельных граждан, особенно принадлежащих к главным сословиям, [и сообществ, на которые подразделяется государство]⁸¹. Хотя он и видит, что в некотором отношении существование [некоторых из н]их связано со злоупотреблениями, он готов бывает смягчить то [ограничиться смягчением того], что может быть искоренено только насильственными средствами. Когда он не в силах доводами и убеждениями одержать победу над предрассудками, укоренившимися у народов, то не решается [не пытается] задушить их насилем и строго соблюдает правило, которое Цицерон совершенно основательно называл божественным законом Платона, а именно, что употреблять насилие против своей страны столь же предосудительно, как прибегать к насилию против отца и матери (см.: Платон, *Критон*, 61). Он старается согласовать по возможности свои новые установления со старыми привычками и народными предрассудками и особенно стремится помочь в несчастьях, порождаемых отсутствием

известных предупредительных законов, которым толпа [люди] подчиняется крайне неохотно. Если он не в силах восстановить [установить] право, то не пренебрегает ослаблением занявшего его место злоупотребления [улучшением плохого], следуя в таком случае примеру Солона, который, не имея возможности установить наиболее лучшие законы, довольствовался введением наименее худших [лучших из тех], на которые только могли согласиться афиняне»⁸².

20. В устах автора *Богатства народов* данные предостережения относительно практического применения общих принципов звучат как нечто совершенно необходимое, так как неограниченная свобода торговли, рекомендация по введению которой составляет главную цель данного сочинения, вызывает у склонных к праздности государственных мужей сильный соблазн использовать имеющуюся у них абсолютную власть для немедленного введения в действие данного предписания. «Ничто так не мешает спокойствию государственного мужа (говорит автор «Элогии в честь правительства Колберта»), как дух умеренности, ибо он принуждает его постоянно заниматься наблюдениями, ежеминутно демонстрирует ему, что он не обладает достаточной мудростью, оставляя его с меланхолическим ощущением собственного несовершенства; между тем как нахождение под защитой пары-тройки общих принципов позволяет профессиональному политику с удовольствием вкушать постоянство покоя. Если же речь идет о таком принципе, как принцип полной свободы торговли, то его и одного уже достаточно для того, чтобы политик правил миром, предоставив делам человеческим решаться, как им заблагорассудится, испытывая на себе всю власть человеческого эгоизма и пред-

рассудков отдельных людей. Если последние противоречат друг другу, последствия подобных противоречий его не заботят; он настаивает на том, что о последствиях можно будет судить лишь спустя век-другой. Если же его современники сетуют на последствия беспорядка, который он устроил в делах общества, и не желают спокойно подвергаться устроенному им эксперименту, он обвинит их в нетерпеливости. Это они, а не он виноваты в собственных страданиях; и он продолжает насаждать данный принцип с прежним рвением и прежней уверенностью». Таковы слова красноречивого и изобретательного автора *Элогию в честь Колберта*, получившей премию Французской академии в 1763 г.; данное произведение, несмотря на то, что в нем немало узких и ошибочных спекулятивных суждений, изобилует справедливыми и важными размышлениями практического характера. Насколько применимы данные замечания к тому конкретному классу политиков, которых он явно имеет в виду в приведенном отрывке, — этого я сказать не берусь.

21. Едва ли есть необходимость уточнять данные наблюдения замечанием, что они ни в коей мере не умаляют ценности политических теорий, представляющих собой попытку описать принципы совершенного законодательства. Такие теории, как я уже отмечал в другом месте (*Elements of the Philosophy of the Human Mind*, p. 261 — Stewart, *Works*, ii.246), должны рассматриваться просто как описания тех *конечных* целей, которые должен ставить перед собой государственный деятель. Спокойное функционирование органов управления и непосредственный успех предпринимаемых государственным деятелем мер зависят от его здравомыслия и его практических умений; а его теоретичес-

кие принципы позволяют ему лишь постоянно и мудро ориентировать предпринимаемые им шаги на совершенствование и счастье человечества, а также не давать ему отклоняться от этих важных целей под влиянием тех или иных ограниченных воззрений, целесообразность которых временная. «В любом случае (говорит м-р Юм) должно быть выгодно знать, каков наиболее оптимальном вариант; тогда мы сможем максимально приблизить к нему реальную конституцию или форму правления при помощи мягких изменений или инноваций, не причиняющих обществу чрезмерных неудобств»⁸³.

22. Рамки мемуарного жанра не позволяют мне детально проанализировать достоинства сочинения м-ра Смита с точки зрения оригинальности этой работы. Достаточно беглого взгляда на систему французских экономистов, как ее описал сам м-р Смит, чтобы убедиться в том, что данное учение о свободе торговли и промышленности совершенно совпадает с его собственным⁸⁴. Но и самые горячие сторонники этой системы не могут утверждать, будто хоть кому-то из многочисленных ее приверженцев удалось приблизиться к м-ру Смигу в смысле точности и проницательности, с которыми он изложил эту систему, или с точки зрения научно-просветительского подхода, который применил он при выведении этой системы из начальных принципов. Неуклюжесть применяемых ими специальных терминов и парадоксальность формы, в которой они предпочли излагать некоторые из своих мнений, признаются даже теми, кто с наибольшей готовностью признает достоинства их теории; в то же время, что касается м-ра Смита, сомнительно, что даже вне круга математических и физических наук нам удастся найти хоть

одну книгу, которая сумела бы так приспособить свою структуру к правилам общепринятой логики и была бы столь доступна для восприятия рядового читателя. Но даже если полностью абстрагироваться от оригинальных и своеобразных размышлений автора, мне неизвестна никакая другая работа нашего времени, на какую бы тему она ни была написана, в которой содержалось бы столь методичное, всеохватное и рассудительное осмысление всей наиболее глубокой и просвещенной философии нашего века.

23. Отдавая должное м-ру Смиту, следует заметить также, что хотя некоторые из пишущих экономистов опередили его по времени публикации своих учений, его учения производят впечатление совершенно оригинальных творений автора, являющихся плодом его собственных размышлений⁸⁵. Думаю, данное убеждение возникнет у любого, кто прочтет его *Исследование* с должным вниманием и возьмет на себя труд проследить постепенный, но впечатляющий прогресс представлений автора. Для тех же, у кого все-таки останется тень сомнений [на счет самостоятельности его теории], нелишним будет упомянуть, что свои лекции о политике, в которых содержались фундаментальные принципы данного исследования, были прочитаны им в Глазго уже в 1752–1753 гг. — в период, когда еще определенно не существовало никаких работ французских авторов на данную тему, способных так или иначе помочь ему в проведении собственного исследования⁸⁶. Ведь мсье Тюрго (о котором говорят, что свои первые представления о неограниченной свободе торговли он почерпнул у старого купца мсье Гурне), только в 1756 г. опубликовал в *Encyclopédie* статью, свидетельствующую о полном освобождении его мысли от предрассудков прошлого ка-

сательно необходимости регулирования торговли. О том же, что даже тогда подобные мнения оставались уделом кучки французских мыслителей, ясно свидетельствует отрывок из *Mémoires sur la Vie et les Ouvrages de M. Turgot* (*Воспоминания о жизни и творчестве мсье Тюрго*), в котором, кратко процитировав указанную статью, автор добавляет: «*В ту пору* данные идеи представлялись парадоксальными; потом они стали обычными, и наступит день, когда они будут общепринятыми».

24. Очевидно, что из всех книг, появившихся еще до создания м-ром Смитом своих лекций, наибольшую пользу принесли ему политические дискурсы м-ра Юма. Но и теории м-ра Юма — какими бы убедительными и изобретательными ни выглядели они почти всегда, какими бы глубокими и справедливыми ни являлись они в большинстве случаев — в сравнении с теориями м-ра Смита служат поразительным доказательством того, что при рассмотрении столь обширного и сложного предмета даже самый проницательный ум, коль скоро он направлен на частные вопросы, может быть введен в заблуждение кажимостями⁸⁷ и что если мы не предпримем всеобъемлющего исследования всего проблемного поля, подкрепляемого точным и терпеливым разбором идей, подтолкнувших нас на рассуждения, ничто не сможет уберечь нас от ошибок. — Возможно, стоит заметить, что эссе м-ра Юма «О ревности в торговле» и ряд его других политических дискурсов получили лестное для него одобрение мсье Тюрго, выразившееся в том, что он взял на себя дело перевода их на французский язык.

25. Я сознаю, что насчет вышеприведенных свидетельств оригинальности м-ра Смита можно возразить, что они не вполне убедительны, так как полностью ос-

нованы на воспоминаниях студентов, посещавших первый цикл его лекций, прочитанных в Глазго по моральной философии; воспоминания их, сделанные по прошествии сорока лет, не могут быть слишком точными. К счастью, существует краткая рукопись, написанная рукой м-ра Смита и датированная 1755 г., которую он представил обществу, членом которого являлся тогда⁸⁸; в данной работе содержится довольно длинное перечисление определенных ведущих принципов, касающихся как политики, так и литературы, относительно которых он стремится утвердить свое исключительное авторство, дабы предупредить возможность возникновения притязаний на них со стороны соперников, возникновение которых он считал вполне возможным и что было в высшей степени вероятно, учитывая его профессорскую практику плюс привычку широко контактировать с людьми, которых ему доводилось встречать в частных компаниях. В настоящее время данная работа является моей собственностью. Стиль ее пронизан изрядной долей того благородного негодования, которого, видимо, не избежать человеку, убежденному в чистоте своих намерений, когда он подозревает, что кто-то воспользовался открытостью его характера. В таких ситуациях людям не всегда удается остаться снисходительными к плагиату⁸⁹, который — при всей ужасности причиняемых им последствий — далеко не всегда предполагает злонамеренность плагиатора, ибо большая часть человечества, будучи не способна к самостоятельному мышлению, совершенно не представляет себе, какой вред наносит поистине гениальному человеку, когда посягает на любимые [плоды] его размышлений. По причинам, о которых известно некоторым членам данного Общества, было бы не слишком

порядочно публиковать эту рукопись, так как она возродила бы память о некоторых расхождениях; и я не стал бы даже вспоминать о ней, если бы не считал ее ценным документом, свидетельствующем о том, как далеко продвинулся м-р Смит в своих идеях уже в этот самый ранний период⁹⁰. В ней подробно описаны многие из наиболее важных суждений *Богатства народов*; процитирую лишь следующие фразы: «Государственным деятелям и разного рода прожектерам свойственно относиться к людям как к сырью, используемому в работе политических механизмов. Прожектеры вмешиваются в то, как вершит дела человеческая природа; а нужно всего лишь не мешать ей, предоставив ей беспрепятственно реализовывать свои цели, и тогда она устроит все по-своему». И вот еще отрывок: «Для того, чтобы вывести государство из состояния крайнего варварства и позволить ему достичь высшей степени процветания, едва ли требуется что-то кроме мира, посильных налогов и терпимых правителей, следящих за соблюдением справедливости; все остальное осуществится в ходе естественного развития. Все правительства, мешающие естественному развитию и заставляющие все идти по-другому или же пытающиеся остановить общественный прогресс на определенной точке, являются противоестественными и вынуждены сохранять свое существование при помощи гонений и тирании. — Большая часть приведенных в этой работе утверждений (отмечает он) подробно рассмотрена в некоторых из тех лекций, текст которых я все еще имею при себе — они записаны рукой помощника, который вот уже шесть лет как оставил службу у меня. Все эти утверждения постоянно фигурировали в моих лекциях с самых начальных моих занятий с классом м-ра Крей-

джи, начиная с моей первой зимы в Глазго и по сей день. Все эти утверждения я разбирал в лекциях, прочитанных мною в Эдинбурге за год до моей отставки, и я могу представить многочисленных свидетелей как с первого, так и со второго места моей работы, которые дадут достаточные подтверждения моего авторства».

26. В конце концов, о достоинствах работ того класса, к которым принадлежат сочинения м-ра Смита, вероятно, следует судить не столько по новизне представленных в них принципов, сколько по тому, какая аргументация приводится автором в их защиту, и по тому, насколько научно рассматривается их порядок и взаимосвязи⁹¹. Общие положения, касающиеся преимуществ свободной торговли, можно найти у различных авторов самого раннего периода. Но заслуга рассмотрения столь сложных по своей природе принципов, как те, что встречаются в политической экономии, по праву принадлежит автору, первому установившему их значение и проследившему их самые отдаленные следствия, а не тому, кому по счастливой случайности довелось первым наткнуться на истину.

27. Помимо тех принципов, которые м-р Смит считал собственным открытием, его *Исследование* содержит систематическое рассмотрение наиболее важных составляющих политической экономии, позволяющее в простых понятиях осветить эту крайне сложную и обширную науку. Уменье и всесторонность ума, проявленные им при выполнении этой задачи, могут быть по достоинству оценены лишь теми, кто может сравнить сделанное им с работой его непосредственных предшественников. И вероятно также и с точки зрения утилитарной проделанная им работа по связыванию и классификации разобщенных идей является не менее ценной, чем

результаты его собственных оригинальных размышлений. Ибо те или иные истины способны произвести надлежащее впечатление на разум, только будучи восприняты ясным и естественным путем; то же касается и успешности борьбы разума с заблуждениями.

28. В задачи настоящего исследования не входит выделить наиболее значимые и важные учения м-ра Смита (даже если бы я был способен на это) и противопоставить их тем его мнениям, которые представляются нетипичными или сомнительными. Признаю, что не все его выводы я готов безоговорочно принять; в частности, это касается той главы, где он рассматривает налогообложение — данный предмет явно исследован им в менее систематичной и неудовлетворительной манере, чем большинство других рассмотренных им предметов⁹².

29. Я был бы не прав, если бы завершил этот раздел, не обратив внимания на то, с какой мужественной и достойной свободой автор выдерживает единый стиль изложения своих мнений, и на то, как снисходительно взирает он на все мелкие страсти, связанные с присутствующей его времени фракционной борьбой. Всякий, кто возьмет на себя труд сравнить общий тон его работы с атмосферой, в которой она была впервые опубликована, не может не почувствовать и не признать справедливости данного замечания. — Не часто незаинтересованной жажде истины удастся так быстро найти награду. Философы (пользуясь выражением лорда Бэкона) являются «слугами потомков»; и многие из тех, кто посвятил свои таланты служению важнейшим интересам человечества, вынуждены были, подобно Бэкону, «завещать свою славу» еще не рожденному поколению и успокаивать себя мыслью о том, что посеянное ими будет пожато следующим поколением:

Inserere Daphni pyros carpent rua poma nepotes⁹³.

М-р Смит был более удачлив, или, скорее, ему, как никому, повезло в этом отношении. После выхода в свет его сочинения он прожил всего пятнадцать лет; и все же за тот короткий период он имел возможность с удовлетворением наблюдать не только постепенное исчезновение поначалу возникшей оппозиции этой работе, но и стать свидетелем того, какое практическое влияние оказывают его идеи на торговую политику его страны.

Раздел V.

Заключительная часть повествования

Примерно через два года после опубликования «Богатства наций» м-р Смит был назначен одним из полномочных представителей Таможни его величества в Шотландии; подобная привилегия была для него тем более ценной, что она была предоставлена ему при ходатайстве герцога Букклея. Большая часть данного двухлетнего периода была проведена им в Лондоне, где ему довелось на сей раз наслаждаться столь обширным и разнообразным общением, что возможности проявлять присущие ему исследовательские склонности так и не представилось. Но в этот раз он не считал проведенное таким образом время потерянным, ибо окружавшее его тогда общество в значительной степени состояло из английских литературных знаменитостей первой величины. О таком обществе весьма лестно отзывается д-р Барнард в его широко известных «Стихах, посвященных сэру Джошуа Рейнолдсу и его друзьям»:

Если я не знаю как выразить свои мысли,
Этому обучит меня Гиббон,
Подобрав слова изысканные и сильные;
Джоунс научит меня скромности и греческому языку,
Смит — искусству мыслить, Бёрк — искусству говорить,
А Боклерк — беседовать⁹⁴.

После того, как состоялось его назначение в Таможенное Ведомство, м-р Смит перебрался в 1778 г. в Эдинбург, где и провел последние двенадцать лет жизни, пребывая в условиях, более чем отвечающих всем его потребностям; и что самое ценное в его тогдашнем положении, он получил возможность провести остаток своих дней в обществе друзей юности.

Мать м-ра Смита, поехавшая вместе с ним в Эдинбург, несмотря на ее крайне почтенный возраст, все еще отличалась изрядным здоровьем, и годы еще не успели сказаться на ее способностях. Его кузина мисс Джейн Дуглас (ранее являвшаяся членом его семьи в Глазго и всегда по-братски любимая им), разделяя с ним нежную заботу о своей тетке, столь необходимую ввиду ее преклонного возраста, осуществляла дружеский надзор над его домашним хозяйством, тем самым освободив его от обязанностей, к выполнению которых он был совсем не приспособлен.

Доходы, приносимые новой должностью, позволили ему куда в большей степени, чем раньше, реализовать естественную широту его души; и состояние его финансов, обнаружившееся после его смерти, явилось подтверждением того, о чем подозревали его близкие друзья: несмотря на то, что сам он вел весьма скромную жизнь, большая часть его ежегодных сбережений уходила на тайную благотворительность. Единственными предметами роскоши, которые он позволял себе

лично, были небольшая, но изысканная библиотека, в создании которой он проявил большую разборчивость, а также простые, но гостеприимные обеды, которыми он без всяких формальных приглашений радушно потчевал своих друзей⁹⁵.

Куда менее благоприятно данная перемена в образе жизни, обусловленная его переездом в Эдинбург, сказалась на его литературных занятиях. Хотя выполнение обязанностей, соответствующих занимаемой им должности, не требовало от него большого напряжения ума, оно все же являлось достаточным отвлечением и дезориентацией духа; и теперь, когда его жизненный путь завершился, нельзя не посетовать на то, сколько бесценного времени отняла у него эта должность, не позволив ему совершить нечто более нужное миру, нечто более соответствующее размерам его дарования.

Кажется, в первые годы проживания на новом месте он полностью оставил ученые занятия; литературные пристрастия были в ту пору для него не более чем средством проведения досуга, не более чем предметом для ведения приятных бесед. Признаки приближающейся старости, ощущать которые он начал очень рано, наконец — когда уже было слишком поздно — напомнили ему, что он все еще находился в долгу перед обществом и перед собственной славой. Основные материалы для трудов, о планах написания которых он объявил ранее, были подготовлены давным-давно, и все, что ему требовалось теперь для придания этим материалам столь любимого им систематического вида — все, что нужно было для изложения накопленных мыслей в том легком и кажущимся безыскусным стиле, который он так тщательно культивировал и который за годы со-

чинительства он с таким трудом приспособил к собственным вкусам, — это еще немного лет здоровья и тихого труда в отставке⁹⁶.

Вероятно, определенную роль в том, что данным замыслам не суждено было осуществиться, сыграла смерть его матери в 1784 г. и смерть мисс Дуглас в 1788 г. Обе они на протяжении более шестидесяти лет являлись предметами его любви; с младенческих лет их общество согревало его и позже служило для него заменой собственной семьи. Теперь же он оказался в одиночестве и беспомощности; и хотя он сумел сохранить самообладание перед лицом данной утраты и, казалось, со временем к нему вернулась былая веселость нрава, здоровье и силы постепенно оставляли его, и в июле 1790 г. его постигла смерть — примерно через два года после смерти кузины и через шесть лет после смерти матери. Его последняя болезнь, состоявшая в хронической закупорке кишок, протекала медленно и мучительно; но утешение от страданий он находил в самом трогательном сочувствии друзей и в полном смирении собственного духа.

За несколько дней до смерти, чувствуя скорое приближение конца, он распорядился уничтожить все его рукописи, за исключением нескольких отдельных эссе, кои он доверил заботам своих душеприказчиков; и в соответствии с его желанием эти последние также были преданы огню. Что содержалось в этих записях, не известно даже самым близким его друзьям; однако нет сомнения, что по крайней мере отчасти они состояли из лекций по риторике, которые он читал в Эдинбурге в 1748 г., и из лекций по естественной религии и юриспруденции, составлявших часть курса, который он преподавал в Глазго. Возможно, верно то, что данный не-

возместимый урон его наследию был нанесен автором отчасти по причине его крайней щепетильности в том, что касалось собственной репутации; но разве не можем мы предположить, что при уничтожении некоторых из своих рукописей он руководствовался высшими мотивами? Лишь изредка философу, с молодых лет занимавшемуся моральными или политическими изысканиями, полностью удастся объяснить другим так полно, как ему хочется, на чем основываются его взгляды; именно поэтому когда некая личность, заслужившая всеобщее одобрение своей доброжелательностью, либеральностью и своими суждениями, демонстрирует известные принципы, таковые должны восприниматься как нечто весомое и авторитетное, независимо от того, способна ли данная личность во всех случаях предложить подходящее обоснование данным принципам. Вероятно, многие авторы, сознавая в тайне, что не имеют таких обоснований и опасаясь, что в отсутствии важной аргументации достижение истины будет не приближено, а отодвинуто, предпочитают утаить от мира незавершенные результаты своих наиболее ценных трудов и довольствуются лишь общими результатами своего поиска истины, представляющимися им наиболее интересными для рода человеческого.

К счастью, дополнения к *Теории нравственных чувств*, большинство из которых были написаны в период тяжелой болезни, поступили издателям в начале предшествующей зимы; и автору довелось увидеть эту работу опубликованной⁹⁷. Особое очарование продемонстрированному в ней возвышенному красноречию придает явно преобладающий в сочинении дух серьезности и моральной мобилизации — особенно если иметь в виду, что написано оно было в ситуации ухуд-

шающегося здоровья — усиливая (если его можно более усилить) и без того немалый интерес к высказываемым здесь утонченным истинам, которые в глубоко-мысленном уединении его младых лет пробуждали первые вспышки его гения и в которых находили отраду последние усилия его разума.

В письме, написанном в 1787 г. и адресованном главе университета Глазго по случаю избрания его ректором данного научного учреждения, звучат отголоски приятных воспоминаний о том, с каким удовлетворением он всегда отзывался о данном периоде собственной литературной карьеры, посвященном именно этим важным исследованиям. «Никакой другой выбор (пишет он) не принес бы мне столь истинного удовлетворения. Ни один другой человек не способен был бы испытать большей признательности обществу, чем испытываю я в отношении моих коллег по университету Глазго. Они дали мне образование, они послали меня в Оксфорд. Вскоре после моего возвращения в Шотландию они избрали меня членом своего сообщества, а затем доверили мне должность, на которой некогда блистал непревзойденными способностями и добродетелями незабвенный д-р Хатчесон. Тринадцать лет, проведенные мной в качестве члена данного сообщества, оставили по себе воспоминания как о самом полезном — а следовательно, самом счастливом и почетном — периоде моей жизни; и теперь, когда вот уже двадцать три года минуло с момента моего отъезда отсюда, я невыразимо рад удостовериться в том, что мои бывшие друзья и покровители хранят обо мне столь отрадные воспоминания⁹⁸.

Как бы ни было бедно событиями краткое повествование, которое я теперь завершаю, думаю, с его помощью возможно составить себе представление о ге-

ниальности данного известнейшего человека и о его характере. Если же говорить о его интеллектуальной одаренности и о прославивших его достижениях, об оригинальности и всесторонности его взглядов, о масштабе, разнообразии и правильности его информированности, о неисчерпаемости и плодотворности его творческой энергии, о тех стилистических красотах, которые его богатое воображение смогло позаимствовать из классических образчиков культуры, — то обо всем этом ярко свидетельствуют оставленные им памятники литературного творчества. Самым же веским свидетельством его личностных достоинств является доверие, уважение и расположение, которыми он пользовался у окружающих его людей, где бы ему ни довелось жить и работать. В памяти представителей узкого круга людей, с которыми он — до тех пор, пока ему позволяло здоровье — регулярно проводил один вечер в неделю, людей, которых все еще продолжают связывать воедино печальные, но приятные воспоминания о покинувшей их столь добродетельной личности, надолго сохранится то, с каким спокойствием и благодушием принимал он ухудшение собственного здоровья, и то, как до самого конца не переставал он искренне переживать за своих друзей и заботиться об их благополучии.

Пожалуй, трудно отыскать другие черты его души, которые столь ярко характеризовали бы его как личность. А то, что в его манерах и в его интеллектуальном стиле было много своеобразия, ясно даже самому поверхностному наблюдателю; но хотя для тех, кто знал его, это своеобразие ничуть не уменьшало уважения к нему; хотя для его близких друзей подобное своеобразие добавляло невыразимого очарования беседам с ним, так как позволяло по-особому взглянуть на простоту и

безыскусность его души; все же для того чтобы представить это своеобразие широкой публике потребовался бы особо искусный рассказчик. Он определенно не был приспособлен ни к общекommerческим предприятиям, ни к активной жизни делового человека. Размышления на самые общие темы, которым он предавался с молодости, и разнообразие материй, постоянно возникающих в его воображении, породили в нем привычку не обращать внимания на знакомые предметы и на обычный ход вещей; и он часто демонстрировал рассеянность, которые едва ли ускользнули от внимания Ла Брюэра. Даже в компании умудрялся он оставаться погруженным в свои занятия; и порой движение его губ, некоторые его взгляды и жесты говорили о том, что он захвачен сочинительством. Однако часто меня поражало то, насколько хорошо помнил он по прошествии многих лет самые малые подробности прошлых событий; подобные факты склоняют меня к мысли, что он обладал способностью — весьма часто встречающейся у рассеянных людей — припоминать, благодаря усиленной рефлексии, многие события, которые в момент, когда они происходили, не привлекли к себе его внимания.

Очевидно, именно вследствие данного недостатка он не легко вступал в обычные беседы и вместо этого начинал излагать свои собственные идеи, что походило на лекцию. Однако если подобное и случалось, то уж никак не из стремления дозвезд над беседой или удовлетворять собственное тщеславие. Сам он был настолько предрасположен к тому, чтобы молча наслаждаться весельем окружающих, что порой его друзья даже специально заводили разговор на наиболее интересную для него тему, чтобы втянуть его в разговор.

Думаю также, никто не скажет, что я утрирую, если я добавлю, что сам он практически никогда не менял тему разговора и никогда не бывал неготовым поддержать разговор на любую предложенную ему тему. В действительности же самым интересным его разговор бывал тогда, когда он давал волю своему гению, рассуждая о тех немногих областях знания, относительно которых у него имелись лишь общие представления.

Часто у него складывалось ложное мнение о людях, с которыми он не был достаточно знаком; но природная склонность куда больше располагала его к слепой симпатии, нежели к необоснованным предрассудкам. Преувеличенное значение, обычно придаваемое им делам человеческим, не оставляло ему ни времени, ни желания подробно изучать неинтересные особенности обычных характеров; соответственно несмотря на свое детальное знание способностей интеллекта и проявлений души, несмотря на умение различать тончайшие оттенки гениальности и страстей, в своих суждениях об отдельных людях он порой приходил к заключениям, весьма далеким от истины.

То же можно сказать и о тех мнениях, которые он обычно высказывал о книгах и о спекулятивных вопросах в ситуации беспечного и доверительного общения с друзьями: отнюдь не все они соответствовали его эрудиции и уникальной стройности его философских принципов. На них вполне могли оказывать влияние случайные обстоятельства и настроение, в котором он пребывал; а в пересказе людей, случайно с ним встретившихся, все это способно порождать превратные и противоречивые толкования его истинных чувств. Однако в этих (как и в разных других) случаях им высказывалось также немало мнений, отмеченных истинно-

стью и изобретательностью; и если бы собрать вместе различные мнения, высказанные им в разное время по одному и тому же вопросу, вероятно, они послужили бы материалом для вынесения некоего всестороннего и справедливого решения. Но находясь в кругу своих друзей, он не чувствовал расположения трудиться над достижением тех продуманных выводов, которые так радуют нас в его сочинениях; обычно в таких случаях он ограничивался смелыми мастерскими набросками, описывающими предмет таким, каким он кажется на первый взгляд, каким рисовало ему его воображение или его настроение. Нечто аналогичное имело место и тогда, когда в потоке смены настроений он пытался описать характеры людей, которых знал близко и которых поэтому должен был бы досконально понимать. Нарисованная им картина всегда выглядела живо и выразительно; обычно она имела поразительное сходство с оригиналом, если рассматривать его в каком-то одном аспекте; и лишь изредка в ней находили отражения все стороны и пропорции предмета. — Коротче говоря, недостатком его спонтанных суждений была излишняя систематичность и тенденция впадать в крайности.

Но какими бы причинами ни объясняли мы эти несущественные особенности его поведения, не приходится сомневаться в том, что все они имели тесную связь с неподдельной живостью его ума. Именно это располагающее свойство часто вспоминается его друзьями; так описывает его добродушный Лафонтен; данное качество было особенно привлекательно в нем, так как неповторимым образом сочеталось с силой ума и красноречием, вызывавшими восхищение всей Европы.

В его внешности как таковой не было ничего необычного. Когда он чувствовал себя в своей тарелке, когда разговор согревал его, его жестикация становилась оживленной и не лишенной грации; и если ему доводилось находиться в обществе приятных ему людей, лицо его освещалось невыразимо обаятельной улыбкой. В компании же незнакомцев он чаще бывал рассеянным, и, видимо, именно сознание этой рассеянности заставляло его выглядеть несколько смущенным; — возможно также, что смущение усиливалось под воздействием спекулятивных представлений об уместности, которые некогда оттачивались благодаря его затворничеству, тогда как его способность реализовывать принцип уместности сокращалась. Самому ему никогда не удавалось соответствовать им же нарисованному идеалу; но медальон Тасси точно передает его профиль и общее выражение лица.

Его ценная библиотека вместе с другим его имуществом была завещана его кузену м-ру Давиду Дугласу, адвокату⁹⁹. Многие часы досуга м-ра Смита были посвящены образованию этого юного джентльмена; и только за два года до смерти (когда он уже не мог должным образом наслаждаться его обществом) он послал его в Глазго изучать право, вверив его заботам м-ра Миллара. Последнее является самым веским свидетельством того, насколько бескорыстен был его интерес в совершенствовании своего юного друга, а также того, как высоко почитал он способности данного именитого профессора.

Его душеприказчиками были д-р Блэк и д-р Хаттон; с последним его связывали годы самой близкой и горячей дружбы; м-р Хаттон был тем, чья искренняя

привязанность к м-ру Смигу выразилась, помимо прочего, и в скорбной роли свидетеля последних мгновений его жизни.

Перевод с английского И.И. Мюрберг

Примечания

- ¹ М-р Смит-отец был уроженцем Абердиншира и на начальных этапах своего жизненного пути имел практику присяжного стряпчего в Эдинбурге. Позже он стал частным секретарем графа Лаундена (который в это время занимал посты главного государственного секретаря Шотландии и хранителя большой печати), оставаясь в этой должности до 1713 или 1714 г., после чего был назначен контролером таможи в Керколди. Кроме того, он служил клерком в военном суде и военном министерстве Шотландии; данную должность он занимал, начиная с 1707 г., вплоть до самой смерти. Поскольку же умер он семьдесят лет назад, сведения, раздобытые мною о нем, весьма неполны; но на основе уже упомянутого можно заключить, что он был человеком незаурядных способностей.
- ² Джордж Драйсдейл, эсквайр Керколди, брат покойного д-ра Драйсдейла.
- ³ Regardutio Philosopharum.
- ⁴ То, какой необычайной прочностью характеризовалось владение м-ром Смитом, даже в последние годы жизни, различными областями знания, занятия которыми он давным-давно оставил, часто подчеркивалось в разговорах со мной моим ученым коллегой и другом м-ром Дэлзелом, профессором греческого языка данного университета. В частности, м-р Дэлзел вспоминал о ясности и живости, с какой хранил м-р Смит память о предметах филологической науки, и о том, какую остроту ума и искусенность выказывал он при обсуждении некоторых специфических особенностей грамматики греческого языка.
- ⁵ Речь идет о м-ре Милларе, почетном профессоре права университета Глазго (См. выше: Введение редактора. С. 265).
- ⁶ [Дальнейшие комментарии по этому поводу дает ниже Дугальт Стюарт (П, 50). Сам Миллар отмечал в своем *Историческом взгляде на английское правление* (Millar. *Historical View of the English*

Government — 1878; ed. In 4 vols. 1803): «Мне доставляет удовольствие сказать о том, как признателен я этому прославленному философу за то, что уже в раннем возрасте я имел возможность слушать его лекции по истории гражданского общества и наслаждаться его свободными рассуждениями на ту же тему. Дорогу ему указал великий Монтескье. В этой области философии он [Монтескье] явился лордом Бэконом, а м-р Смит — Ньютоном». Н.V.ii—429—30n].

⁷ Данное обещание повторено в объявлении к шестому изданию *Теории нравственных чувств*, в котором Смит замечает также, что вряд ли ему удастся выполнить обещанное. Данная тематика присутствует в *Лекциях по юриспруденции*, а также в значительной степени в частях III и IV *Богатства народов*.

⁸ [Некоторый свет на это утверждение Смит проливает в *Лекциях по риторике и изящной словесности* (ii.125—6, ed. Lothian, 136—7) при рассмотрении дидактического красноречия, при котором «замысел писателя состоит в том, чтобы высказать утверждение и доказать его при помощи ряда доводов, подводящих к искомому выводу... Но часто случается так, что для доказательства главного утверждения надо сначала доказать несколько подчиненных ему утверждений... Однако требуется следить за тем, чтобы таких подчиненных утверждений не было более пяти. Когда число их превышает пять, ум уже не может с легкостью охватить их все одновременно и возникает путаница в целом. Самое подходящее число — три или около трех...».]

⁹ [В *Астрономии* (IV, 34) Смит говорит о «любви к парадоксам, столь естественным для ученых людей».]

¹⁰ [Впервые опубликовано в *Philological Miscellany* (1761) и включено в третье издание *Теории нравственных чувств* (1767). Сам Стюарт утверждает, что, по его мнению, эта работа сначала была приложением второго издания (1761); см. ниже. П. 44.]

¹¹ TMS VII.i.i.

¹² TMS VII.iii.2.

¹³ TMS VII.iii.3.

¹⁴ TMS IV.i—2.

¹⁵ *Теория нравственных чувств*. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 32—33.

¹⁷ В оригинале нет слов «например»; пунктуация в данной цитате также изменена.

- ¹⁸ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 39.
- ¹⁹ Из русского перевода (*Теория нравственных чувств*): «Однако же подобная потеря ознакомила нас с глубоким горем, какое вызывается ею: если бы у нас было достаточно времени оценить всю горечь подобной утраты, то мы прониклись бы самой живой симпатией. На этом чувстве основывается признание нами тех страданий, свидетелями которых мы бываем, хотя бы даже симпатия эта и не успела развиться в нас; а общие законы, выведенные нами путем опыта из наших симпатических чувствований, восполняют то, что эти чувствования имеют иногда ложного и неполного» (С. 39).
- ²⁰ *Теория нравственных чувств*. С. 100 [в цитате опущены слова: «самое ужасное из чувств, посещающих сердце человека»].
- ²¹ TMS II. ii. 2–3.
- ²² В TMS «обществу».
- ²³ *Теория нравственных чувств*. С. 315. В TMS VII. iii. 3, 16 — пунктуация оригинала соблюдается не везде.
- ²⁴ TMS VII. iii. 3, 16.
- ²⁵ TMS VII. ii. 4, 14. В русском переводе: «Система натуральной философии может долгое время считаться приемлемой, даже если она вовсе не была бы основана на естественных законах и не выглядела бы истинной» (303).
- ²⁶ TMS VII. ii. 4, 14. В русском переводе: «автор, объясняющий наши естественные чувства причиной, не имеющей с ними ничего общего, не имеющей никакого отношения к действительной их причине» (*Теория нравственных чувств*, 303).
- ²⁷ *Теория нравственных чувств*, 303.
- ²⁸ Фактически же это было сделано в третьем издании (см. выше: 1, 26, и примечания).
- ²⁹ См. его *Естественную историю религии* [Стюарт отмечал также характерные особенности «естественной истории» в его «Рассказе о жизни и творчестве Уильяма Робертсона, доктора богословия», в котором он говорил о «проницательности и доходчивости, проявленных им при рассмотрении некоторых вопросов. Не попавших в привычный для него круг исследований, в частности тот, который граничит со сферой компетенции естественного историка». Works, x (1858), 156.]
- ³⁰ Впервые опубликована в 1758 г., т.е. после написания им *Астрономии*; см. выше: 7.

- ³¹ См. выше: 1, 19 и Прим. 4.
- ³² Хотя и в *Духе законов* Монтескьё не вполне игнорирует временной аспект, более явно эта сторона выступает в его сочинении *Рассуждения о причинах величия римлян и об упадке Рима* (*Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence*, 1734).
- ³³ Стюарт вернулся к этой теме в его «Рассказе о жизни и творчестве Уильяма Робертсона, доктора богословия», прочитанном в Королевском обществе Эдинбурга 21 марта 1796 г.: «Надеюсь, меня не обвинят в проявлении достойного порицания национального тщеславия, если, рассматривая происхождение и совершенствование нынешних институтов Европы, я заключу этот раздел замечанием о стремительном развитии нашей страны за последние пятьдесят лет. Несомненно, ведущая роль здесь принадлежит Монтескьё, но со времени публикации его работ многое было сделано и авторами, чьи имена числятся в списках членов данного Общества».
- Стюарт несомненно имел в виду Юма, Робертсона, Смита и Адама Фергюсона. *Works*, X (1858), 147.
- ³⁴ Впервые опубликованы в 1758 г.
- ³⁵ *Millar J. The Origin of Distinction of Ranks 1771; ed. 3, 1779) An Historical View of the English Government* (1787; ed. In 4 vols. 1803).
- ³⁶ *Богатство народов*, III.
- ³⁷ Исправленный текст [письма] опубликован в Согг. Letter 31.
- ³⁸ Впоследствии опубликован под названием «Опыт истории гражданского общества» (1767).
- ³⁹ *Persius, Satires*, i, 5–7. — Если смущенный Рим берется судить о чем-то, не ввязывайся, пытаясь доказать его неправоту, останься при своем мнении.
- ⁴⁰ [См. выше, I, 4 и Прим. А. Дугальт Стюарт, говоря о разделении получаемого производителем вознаграждения на заработную плату, ренту и прибыль, подчеркнул, что «Из находящейся ныне в моем распоряжении рукописи м-ра Смита явствует, что идея предыдущего анализа или разделения была впервые подсказана ему м-ром Освальдом Данникером». *Works*, iw (1856), 6.]
- ⁴¹ [На следующий день после приезда в Париж м-р Смит послал письмо ректору университета Глазго, содержащее формальное прошение об отставке. «Никогда я так не заботился о благе Кол-

леджа, как сейчас (пишет он в заключительных строках письма); и я искренне желаю, чтобы любой, кто явится моим преемником на этом посту, смог бы не только поставить свои способности на службу этому делу, но и стал бы отрадой для всех тех прекрасных людей, в обществе которых он, вероятно, проведет всю жизнь, радуя их неподкупностью сердца и приятностью характера» (Cogg., Letter 81).]

Следующая ниже выписка из записей Университета, сделанных сразу после получения письма м-ра Смита с прошением об отставке, свидетельствует одновременно о его усердии, проявленном в качестве профессора, и о том, что данное научное учреждение имело ясное представление о талантах и достоинствах бывшего коллеги:

«Собрание принимает отставку д-ра Смита, согласно упомянутому письму; тем самым должность профессора моральной философии данного университета объявляется вакантной. В то же время Университет не может не выразить своего искреннего сожаления по поводу отставки д-ра Смита, чья выдающаяся честность и приветливость снискали ему всеобщее уважение и сделали честь нашему обществу; его элегантная и изобретательная *Теория моральных чувств* сделала его любимцем обладающих вкусом литераторов всей Европы. Как профессора его отличала счастливая способность находить наглядные примеры для описания абстракций и завидная прилежность сообщения студентам полезных знаний, доставляя его юным подопечным одновременно огромное удовольствие и самые важные наставления» (Scott, ASSP, 221)].

⁴² Прилагаемое письмо, сохранившееся совершенно случайно, служит упоминанием о связи м-ра Смита с семейством Ларошфуко и в то же время так выразительно передает добродетельный и либеральный характер автора, что, по моему убеждению, Обществу доставит удовольствие запечатлеть его в своих Трудах (Cogg., Letter 194).

(Париж, 3 марта 1778 г.)

«Желание напомнить Вам, мсье, о том, что кто-то имел счастье познакомиться с Вами, должно показаться Вам совершенно естественным; позвольте же мне и моей матушке воспользоваться случаем выхода в свет нового издания *Афоризмов Ларошфуко*

и осмелиться предложить Вам экземпляр этого издания. Вы видите, мы не держим на Вас зла за то, что Вы недобро отозвались об этой книге в *Теории нравственных чувств* и несмотря ни на что посылаем Вам это же произведение. Я чуть было не сделал большего: я имел дерзость начать перевод Вашей *Теории*; но когда я завершил первую часть перевода, я увидел перевод Аббата Блаве и был вынужден отказаться от удовольствия перевести на свой язык одну из лучших Ваших работ.

Хотелось бы еще привести доводы в оправдание моего деда. Возможно, его не так трудно извинить, если принять во внимание, что у него перед глазами всегда были только люди, находящиеся при дворе, да к тому же все происходило во времена гражданской войны; *а при подобных двух обстоятельствах люди бывают явно хуже, чем в любых других обстоятельствах*; далее, следует приписать личному поведению автора те принципы, которые действительно оказались в его работе слишком обобщенными. Он принял часть за целое, а так как люди, которых он имел перед глазами чаще всего, были движимы *себялюбием*, именно это последнее представил он в виде главной движущей силы в поведении всех людей. В остальном его работа, какой бы критики ни заслуживали ее определенные аспекты, в целом ценится как за содержание, так и (особенно) за форму.

Позвольте мне спросить Вас, не появится ли в ближайшее время полное издание сочинений вашего знаменитого друга мсье Юма? Мы искренне скорбим об этой утрате.

Примите уверения в моем уважении и преданности, с которыми я имею честь быть Вашим скромным и преданным слугой.

Герцог Ларошфуко»).

⁴³ [Отношение между Тюрго и Смитом исследуются в статье: P.D. Groenewegen, 'Turgot and Adam Smith', *Scottish Journal of Political Economy*, xvi (1969). См. также: Corr., Letters 93 and 248.]

⁴⁴ [WN IV.ix.38. См. также: Corr., Letters 94 and 97. В последнем из данных писем Смит описывает Кенэ как «одного из наиболее достойных людей Франции и одного из лучших врачей, каких только можно встретить в любой из стран. Он был не только врачом, но и другом и доверенным лицом мадам Помпадур, женщины, умевшей ценить человеческие достоинства». Смит дает пространственный комментарий к учению физиократов в WN IV.ix.]

- 45 [WN IV.ix.38. Данные слова взяты из начала абзаца.]
- 46 [См., например: Изобразительные искусства, 1, 16.]
- 47 [Rae, *Life*, 35 сообщает, что Босуэлл рассказал Джонсону о том, что Смит предпочитает рифмованный стих белому — «несомненно, всегда исходя из того принципа, что чем больше затруднение, тем сильнее красота. Сердце Джонсона возрадовалось этому суждению и он сказал: «Сэр, однажды я находился в обществе со Смитом, и мы друг другу не понравились, но если бы я знал, что он любит рифмованные стихи так, как вы говорите, я бы бросился обнимать его».]
- 48 [Первая часть которого, с моей точки зрения, имеет стилистически более законченный вид, чем любое из его сочинений; *добавлено в 1.*]
- 49 [*My Own Life.*]
- 50 [*Corr., Letter 120.*]
- 51 [*Corr., Letter 121.*]
- 52 [*Corr., Letter 150.*]
- 53 [В цитате пропущено: «которые, если только ты не докажешь мне обратного, я буду иметь удовольствие приписать себе».]
- 54 [Размеры уже написанной части этих мемуаров, а также некоторые другие соображения, упоминать о которых здесь необязательно, заставили меня при издании следующего раздела ограничиться гораздо более общим обзором, чем я задумал первоначально.]
- 55 [См. выше: II, 45–52.]
- 56 [Похоже, что здесь точка зрения Стюарта совершенно отлична от позиции самого Смита. См.: *Астрономия*, 1–2.]
- 57 [См. выше: 1.20, где слово «целесообразность» используется Милларом при описании лекций Смита по экономике.]
- 58 [*Смит А. Теория ... С. 329.*]
- 59 [Не игнорируя достижений м-ра Смита как аналитика, напр. ниже, в § 27, интерес Стюарта к политике может служить объяснением того, почему оригинальность Смита он трактует в § 23 и § 25 с точки зрения учения о естественной свободе.]
- 60 [*Exemplum Tractatus de Fontibus Juris. Aphor. 5.*]
- 61 [*De Fontibus Juris, Aphor. 6:* «Законы законов, на основании которых мы можем определять, что правильно, а что неправильно в тех предписаниях, которые содержит каждый отдельно взятый закон». *Stewart, Works*, xi.2).]

- 62 [См., например: WN III и особенно III. iv вместе с примечаниями к изданию Глазго. Соответствующие комментарии см.: *Skinner A. Adam Smith: An Economic Interpretation of History* и *Forbes D. Sceptical Whiggism, Commerce, and Liberty // Essays on Adam Smith*. Выказанная в тексте мысль повторяется в: *Millar J. Historical View*, iv 124.]
- 63 Ремесленника.
- 64 [См.: WN V.i.f.51 и весь этот раздел в целом (речь идет о разделе «О стоимости институтов образования молодежи».)]
- 65 [*Essays Moral, Political and Literary*, ed. Green and Grose (1882), i.291. Слова в приведенной цитате sghбледует понимать как «противоречит более естественному и обычному ходу вещей».]
- 66 [Это утверждение, вместе с выраженными в предыдущих абзацах широкими либеральными убеждениями, возможно, имеет отношение к собственному опыту Стюарта. См., например, *Works* x.xlvi .liv.]
- 67 [См., например: WN V.i.f.50.]
- 68 [WN IV.ix.51.]
- 69 [WN IV.ix.50.]
- 70 [Об этом у Смита идет речь в WN II. v.37, привлекая внимание к двум последующим книгам.]
- 71 [Заголовок в WN IV.i. В Предисловии к этой книге коммерческая система описана как «современная система, лучший образец которой дает наша страна и наше время».]
- 72 [WN IV.i. 35.]
- 73 [См., например: заключение к WN IV.iii.a.i.]
- 74 [WN IV iii.c.8. Данная цитата взята из конца абзаца.]
- 75 [В оригинале написано: «Подобные «мудрости», однако,..».]
- 76 [В оригинале: «от которого, боюсь,..».]
- 77 [WN IV iii.c.9.]
- 78 [В оригинале написано: «Как неудачны все меры по регулированию системы торговли! Они не только...».]
- 79 [В оригинале продолжено: «Следует постепенно открыть колониальную торговлю; какие ограничения должны быть сняты первыми, а какие — последними, или каким образом это следует делать».]
- 80 [WN IV iii.c.44.]

- 81 Слова, приводимые в квадратных скобках, в русском переводе цитируемой работы либо отсутствуют вовсе, либо переведены со смысловыми искажениями. — *Прим. перев.*
- 82 [Смит А. Теория... С. 229–230.]
- 83 [‘Idea of f Perfect Commonwealth’, *Essays Moral, Political and Literary*, ed. Green and Grose, i.481.]
- 84 [Возможно, подобная оценка не вполне справедлива в том, что касается WN ix; ср.: *Skinner A. Adam Smith: The Development of a System // Scottish Journal of Political Economy*. 1976. xxiii.]
- 85 [Выше, однако, (Ш.5) подчеркивается, что «контакты с физиократами несомненно способствовали надлежащему оформлению его собственных взглядов».]
- 86 [В доказательство сказанного достаточно обратиться к краткой истории развития политической экономии во Франции, опубликованной в одном из томов *Ephëmürides du Citoyen*. См. первую часть этого тома, относящуюся к 1769 г. Данная работа озаглавлена *Notice adrugüe des difference Ecritt modernes, qui ont concouru en France a former la science de l’uconomie politique.*]
- 87 [Возможно здесь содержится намек на те чувства, которые, как известно, выражал м-р Смит. Например, в LJ(B) 253 (ed. Cannan, 197) Смит говорит об изобретательности суждения Юма о деньгах и отмечает: «Однако, судя по всему, он склоняется к мнению, будто благосостояние общества сводится к обладанию деньгами».]
- 88 [Комментарии по поводу этой рукописи есть у Скотта в ASSP, 117 ff.]
- 89 [В *Теории нравственных чувств* Смит кратко и без особых эмоций упоминает о плагиаторах: «Малодушный человек... воображает, будто действительно сделал то, чего, собственно, и не думал делать, будто написал то, что написано другим, будто изобрел то, что выдуманно не им. Мало-помалу он изобретает гнусную привычку к [плагиату и] ежеминутной лжи» (Смит А. Теория... С. 132). См.: Там же. С. 299: «дерзкий самозванец, выдающий себя за автора сочинений, на которые не имеет никакого права [может быть по справедливости обвинен в тщеславии]».]
- 90 [См.: Scott, ASSP, 118, 20.]
- 91 [Весьма аналогичные суждения из *Теории нравственных чувств* приведено в Примечании С. § 4.]

- ⁹² В оригинале: «и которые явно выполнены им в менее систематичной и неудовлетворительной манере, чем другие части его системы». 1–2.
- ⁹³ [Virgil, *Eclogues*.ix.50 «Привей свои груши, Дафнис, фрукты же соберут твои потомки».]
- ⁹⁴ См.: *Annual Register for the Year 1776*.
- ⁹⁵ Одна из наиболее близких ему людей — мисс Росс, дочь покойного эсквайра Патрика Росса из Иннернети — являвшаяся также его близкой родственницей, поведала мне о тех из совершенных им благодеяний, скрыть которые он не считал возможным. Размеры таких благодеяний были на порядок выше того, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня его доходов; к тому же сама манера совершения этих благодеяний делает честь деликатности его чувств и либеральности его души.
- ⁹⁶ Незадолго до смерти м-р Смит заметил мне, что несмотря на всю его сочинительскую опытность написание трудов давалось ему так же трудно в конце, как и в начале литературной карьеры. Вместе с тем он добавил, что м-р Юм так много преуспел в данном искусстве, что последние тома его *Истории* печатались прямо с рукописи с немногими исправлениями на полях. Некоторым читателям, возможно, будет небезынтересно узнать, что, занимаясь литературным сочинительством, м-р Смит обычно расхаживал взад-вперед по квартире, диктуя записывавшему за ним секретарю. Работы же м-ра Юма (как меня уверяли) все были написаны его собственной рукой. Думаю, проницательный читатель сможет распознать в различии стилей этих двух классиков следствия различий в способах сочинительства.
- ⁹⁷ (Ed. 6, 2 vols. 8vo, 1790.)
- ⁹⁸ (Corr., Letter 274.)
- ⁹⁹ Позже м-р Дуглас стал сенатором Колледжа правосудия и известен там под именем лорда Рестона.

Содержание

От редактора	3
Вступление	6

ГЛАВА I. АДАМ СМИТ (1723–1790)

1. Анкетные данные	12
2. Дебют Смита-моралиста. Теория нравственных чувств	15
3. Богатство народов: «Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что тебе нужно»	50
4. Смит: Pro et Contra	61

ГЛАВА II. АДАМ ФЕРГЮСОН (1723–1816)

ТЕЗКА И СВЕРСТНИК АДАМА СМИТА

1. Священник, солдат, ученый, профессор... ..	63
2. Книга жизни. Диспозиция	66
3. От теории к практике. Дикость – варварство – цивилизация	74
4. В горах моё сердце, доныне я там... Цена Прогресса.	78
5. Фергюсон в России	85
6. Мораль – дело неполитическое	86

Приложение. <i>Стюарт Д.</i> Рассказ о жизни и творчестве Адама Смита, доктора литературоведения и правоведения (<i>Пер. с англ. И.И. Мюрберг</i>)	90
Примечания	185

Научное издание

Абрамов Михаил Александрович

Два Адама

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *Т.М. Романова*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.11.07.

Формат 70x100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 6,25. Уч.-изд. л. 7,63. Тираж 500 экз. Заказ № 046.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14